

В. С. ДУРОВ

ЮЛИЙ
ЦЕЗАРЬ

ЧЕЛОВЕК
И
ПИСАТЕЛЬ

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. С. ДУРОВ

ЮЛИЙ
ЦЕЗАРЬ

человек
и
писатель

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1991

ББК 63.3(0)3+83.3(0)3
Д84

Рецензенты: д-р филол. наук проф. *Я. Н. Любарский* (Ленингр с/х ин-т), канд. филол. наук *Г. Г. Аннеткова-Шарова* (Ленингр. ун-т)

Дуров В. С.

Д84 Юлий Цезарь: Человек и писатель.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.— 208 с.
ISBN 5-288-00735-7

В книге с привлечением всех существующих античных источников исследуется жизнь Гая Юлия Цезаря (100—44 гг. до н. э.) в разных аспектах его многогранной деятельности, преимущественное внимание уделено человеческому облику этого выдающегося римского полководца, политического деятеля и писателя. На широком историческом фоне анализируются сочинения Цезаря, предпринимается попытка расширить представление о его утраченных произведениях. В приложении даются переводы отрывков из «Записок» Цезаря.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей, литературой и культурой Древнего мира.

Д $\frac{4603020300-012}{076(02)-91}$ 118—91

ББК 63.3(0)3+83.3(0)3

ISBN 5-288-00735-7

© В. С. Дуров, 1991

*Моим сыновьям
Николаю и Павлу
с любовью посвящаю*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга о человеке,
чьим именем названы один из месяцев года — июль
и юлианский календарь, которым мы пользовались до
февраля 1918 года;
чье имя, сделавшись нарицательным — «царь», давно
и прочно вошло в русский язык;
слова которого «Пришел, увидел, победил» стали крыла-
тыми и облетели весь мир.

Эта книга о замечательном римском полководце,
государственном деятеле, писателе

Гае Юлии Цезаре.

ОТ АВТОРА

Изменившая и пестрая жизнь человека — а тем более человека выдающегося — вызывает изумление, чувство ожидания, радость, огорчение, надежду, страх.

Цицерон

Цезарь — это человек, который стоял в самом центре событий эпохи кризиса Римской республики. Вместе с тем он один из величайших римских историков. Военный и политический гений счастливо сочетался в нем с выдающимся талантом писателя, создавшего непревзойденный образец латинской художественной прозы. В своем лице Цезарь дал идеал правителя, которым воодушевлялись его преемники.

Цезарь был способен как на жестокость, так и на великодушие; на долю его выпали неумеренные восхваления и не менее страстные поношения. Однако еще никто не выражал сомнения в его политической и военной одаренности, в силе его личного обаяния.

И все же кем он был в действительности: творцом или разрушителем? Тираном, поправшим свободу, и губителем Римской республики или великим преобразователем, указавшим единственно правильный выход из кризисного состояния? Ответом на этот вопрос служит сама жизнь Цезаря и судьба империи, путь к которой он проложил.

Цезарь — редкий образец исторического деятеля, у которого слова не расходились с делами. Он не знал мучительного разлада с действительностью, как многие его современники. Но из этого вовсе не следует, что вся его деятельность имела прямолинейно-однозначный характер и исключает множественность оценок. Можно попытаться рассказать, каким был Цезарь в жизни, гораздо труднее объяснить внутренние мотивы его поступков.

Более двух тысяч лет отделяют нас от эпохи кризиса Римской республики. Но к Цезарю время оказалось благосклонно. Оно донесло до нас множество живых, выразительных подробностей о нем. Мы располагаем свидетельствами его современников, людей, лично знавших Цезаря. До нас дошли его биографии, написанные древними историками, знакомыми с воспоминаниями очевидцев тех событий. Сохранились скульптурные изображения и мраморные портреты Цезаря, хорошо передающие его внешний облик. Сейчас мало кому известно, что римские скульпторы любили обозначать краской брови, зрачки глаз, губы, тонировать волосы, а иногда и цвет лица. Почему бы нам не попытаться воссоздать некоторые из красок, утраченных временем?

Предлагаемая читателям книга состоит из двух частей. В 1-й части с привлечением всех существующих античных источников исследуется жизнь Цезаря в разных аспектах его многогранной деятельности. Преимущественное внимание уделено человеческому облику Цезаря — полководца и политика. Сознательно обойдены вопросы частного характера, представляющие интерес только для военных историков или являющиеся предметом специального изучения (например, спорные вопросы законодательной деятельности Цезаря). Во 2-й части автор излагает свою точку зрения по некоторым проблемам литературного наследия Цезаря и в ряде случаев предлагает собственные гипотезы, что потребовало углубленного филологического анализа.

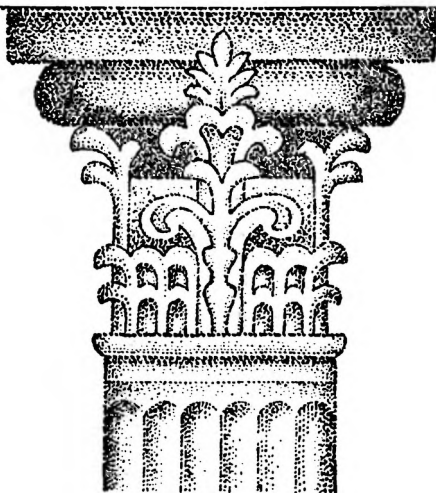
Завершить это краткое вступление я хочу словами выдающегося греческого историка Плутарха, с которыми он обратился к своим читателям: «Подобно тому, как художники, мало обращая внимания на прочие части тела, добиваются сходства благодаря точному изображению лица и выражения глаз, в которых проявляется характер человека, так и нам пусть будет позволено

углубиться в изучение признаков, отражающих душу человека» (Плут. Алекс 1).¹

В цитатах, как правило, использованы существующие русские переводы античных источников. Источники не опубликованные на русском языке, даны в переводе автора

ЖИЗНЬ

Глава первая

ЮНОСТЬ ЦЕЗАРЯ

(100—76 гг.¹)

Он был высокого роста, светлокожий, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые.

Светоний

По древнему обычаю, первенец в римской семье получал имя своего отца. Мальчика, родившегося 13 июля 100 г.² в знатной семье патрицианского рода Юлиев, нарекли Гаем Юлием Цезарем. Младенец появился на свет не совсем обычным способом: матери была сделана хирургическая операция, которую теперь принято называть «цезаревым сечением».³

Семья, к которой принадлежал Цезарь, гордилась древностью своего рода, одного из самых почитаемых в Риме. Считалось, что по мужской линии Юлии ведут свое происхождение от Аскания-Юла — сына троянского героя Энея и внука богини Венеры. Из поколения в поколение передавались рассказы о доблестном герое Энее, защитнике великой малоазийской твердыни Трои. Девять лет безуспешно осаждали Трои греки и лишь на десятый год захватили ее обманом с помощью деревянного коня. Объятая огнем, Троя погибла. Среди немногих спасшихся троянцев был Эней. С престарелым отцом на плечах, ведя за руку маленького сына Аскания-Юла, покинул он горящий город.

Сев на корабль, Эней с немногими спутниками отправился на поиски земли для основания нового царства. Ничто не могло остановить героя на этом пути: ни страшные чудовища Сцилла и Харибда, ни злобные циклопы, ни лютые гарпии, ни бешенство морских волн.

¹ Все даты, приводимые в тексте, — до н. э.

² Июлем в честь Цезаря был назван в 44 г. месяц квинтилий.

³ Имя, а точнее прозвище, *Caesar* в античную эпоху произносилось как *Кесар*: отсюда — слова *кесарь*, *кайзер*. Русское слово *царь* восходит к позднелатинскому чтению *Цезарь*. Это прозвище было дано одному из членов рода Юлиев, принимавшему участие во II Пунической войне (219—202) и убившему в сражении слона («цезарь» на пунийском языке означает «слон»).

Даже прекрасная Дидона, царица Карфагена, не смогла удержать его в своих объятиях.

Много чудес повидал за время своих скитаний Эней, много препятствий преодолел, прежде чем достиг берегов Италии. Но здесь его ждало новое испытание — война с Турном, могущественным и жестоким вождем местного племени рутулов. Немало ратных подвигов совершил Эней, сначала в сражениях с рутулами, затем с этрусками. Одно из них стало для него последним.

В детстве Цезарь охотно заучивал звучные стихи римских поэтов о стойкости и неустранимости своего легендарного предка. В них Эней представлял как воплощение древнего благочестия, образец сыновней любви и уважения к своему отечеству и богам. Волшебный мир древних легенд, полный сказочных существ, чудес и невероятных приключений, пробудил в душе любознательного мальчика страсть к путешествиям и открытиям, с тех пор никогда не оставлявшую его. В детские годы Цезарь начал мечтать о подвигах и военной славе.

Когда Цезарь повзрослел настолько, что смог самостоятельно задуматься о своем будущем, он полностью оценил пользу, которую он может для себя извлечь из легенды о божественном происхождении рода Юлиев. По женской линии Юлии возводили свой род к Анку Марцию, четвертому из семи легендарных царей Рима, мудрому властителю и храброму воину. Что касается матери Цезаря, Аврелии, то ее дед и отец были римскими консулами.

С такой родословной Цезарь считал оправданными любые свои честолюбивые притязания. В 69 г. во время похорон тетки Юлии он скажет: «Род моей тетки Юлии восходит по матери к царям, по отцу же к бессмертным богам» (Свет. Бож. Юлий, 6). Цезарь уже тогда понял — для того, чтобы создать себе положение на политической арене, не стоит жалеть труда, распространяя подобные небылицы. В действительности его предки по отцу ничем особенным не отличились, разве что удачными браками.

Отец Цезаря достиг в 92 г. претуры,⁴ был на-

⁴ Должность претора — вторая по рангу после должности консула. Претор отвечал за судопроизводство в Риме. После истечения срока претуры он в качестве пропретора получал в управление одну из провинций с правом главнокомандующего.

местником в Азии, руководил расселением колонистов в Цирцеях.⁵ Однако высшей должности консула так и не дождался. Он умер совершенно неожиданно в Пизах, когда Цезарю шел шестнадцатый год.

После смерти мужа всю заботу о судьбе сына взяла на себя Аврелия, и прежде внимательно следившая за его воспитанием. Аврелия отличалась живым умом и твердым характером — качествами, которые она передала сыну. Не случайно Тацит⁶ сравнивает ее с Корнелией, матерью Тиберия и Гая Гракхов, лидеров демократического движения в Риме II века до н. э., прославившихся своей исключительной образованностью, высокой культурой и строгостью нравов (Тац. Диал., 28). Оставшись вдовой, Аврелия посвятила себя физическому и духовному развитию сына, став для него самым доверенным человеком. С ней он делился своими наиболее дерзкими планами и неизменно получал ее поддержку.

В юности Цезарь имел привлекательную наружность: высокий рост, стройное сложение, светлая кожа и чуть полное лицо с черными живыми глазами. По природе он был мягок и сдержан (Свет. Бож. Юлий, 45). Его воспитание, разностороннее и тщательное, отвечало требованиям, которые предъявлялись к юношам из патрицианских семей. В доме Цезаря преподавал один из самых одаренных и знаменитых грамматиков того времени Марк Антоний Гнифон⁷. Это был добрый, мягкий человек, большой знаток латинского и греческого языков. Он обладал душевной щедростью и исключительной памятью. Очень скромный, он никогда не заводил первым речь о плате (Свет. О грамм., 7). В своей речи, как письменной, так и устной, Гнифон старался придерживаться простоты и обходиться без слов редких и малоизвестных. Он привил Цезарю вкус к правильному и чистому языку, свободному от вычурности.

Цезарь быстро выучился читать и писать, причем на греческом языке он говорил и писал с такой же легкостью, как и на родном латинском. Рано познакомился с шедеврами греческой и римской литературы. Хорошо знал поэмы Гомера и трагедии великих греческих драматургов Эсхила, Софокла и Еврипида.

⁵ Цирцеи — мыс и город на побережье Лация.

⁶ Корнелий Тацит (55—120), величайший историк Рима, автор сочинений «История» и «Анналы».

⁷ Гнифон (II—I вв.) автор сочинения «О латинском языке».

Особенно его потрясла трагедия Софокла «Царь Эдип» о злосчастной судьбе фиванского царя Эдипа, ставшего невольным виновником страшных преступлений — отцеубийцей и мужем родной матери. Читал латинскую «Одиссею» Ливия Андроника и эпическую поэму Квинта Энния «Анналы»,⁸ повествующую о судьбе римского народа с мифологических времен до современных автору событий, увлекался комедиями Менаандра и Теренция.⁹

Уже в отроческие годы обнаружилась разносторонность интересов Цезаря. Он проявляет склонность к истории, философии, праву, лингвистическим исследованиям. В первую очередь его интересует все то, что непосредственно связано с жизнью и деятельностью выдающихся людей. К ученическим годам относятся и первые поэтические опыты Цезаря. С детства запомнились ему рассказы о могучем Геркулесе, своими подвигами превзошедшем всех героев древности. Сколько невзгод и унижений пришлось ему претерпеть! Сколько несчастий и опасностей испытать! Лишь одного не суждено было Геркулесу — изведать счастья спокойной жизни. Совершив множество великих подвигов, герой, по первому зову шедший на помощь всем, кто в ней нуждался, погиб нелепо, в страшных мучениях, от руки любящего человека, став жертвой коварства. Трагический образ Геркулеса настолько овладел сознанием юного Цезаря, что он написал поэму «Похвала Геркулесу».

Мечтал Цезарь и об ораторских лаврах своих знаменитых современников Луция Лициния Красса, Марка Антония, Квинта Гортензия Гортала, слава которых гремела далеко за пределами Рима. Однако никто из современников не вызывал такого восхищения у юного Цезаря, как муж его тетки Юлии Гай Марий (156—86). Несмотря на свое плебейское происхождение, Марий достиг очень высокого положения и пользовался в Риме огромной популярностью. Умелый солдат

⁸ Ливий Андроник — первый по времени римский поэт. Перевел на латинский язык поэму Гомера «Одиссея». Квинт Энний (239—169), выдающийся поэт древнего Рима, создатель латинского гекзаметра, по праву считается «отцом римской литературы». Его поэма «Анналы», так же, как «Одиссея» Ливия Андроника, во времена Цезаря еще изучалась в римских школах.

⁹ Публий Теренций Афр (ок. 190—159), римский комедиограф, в качестве образцов для своих комедий брал пьесы греческого драматурга Менаандра (342—291), очень популярного среди образованных римлян.

и энергичный полководец, он сумел снискать себе любовь простого народа и репутацию его защитника, решительно выступив против римского сената, попытавшегося урезать политические права плебса.

Предки Мария ничем не прославились на государственном поприще и никогда не фигурировали на политической арене, поэтому для всех он был «новый человек».¹⁰ Однако брак с Юлией, женщиной знатного происхождения, обеспечил его теми связями в высших кругах, без которых «новый человек», каким был Гай Марий, не мог обойтись в Риме, управляемом узкой элитой аристократов. При поддержке Юлиев Марий был избран консулом. Впоследствии он избирался консулом еще шесть раз, в последний, седьмой раз за семнадцать дней до смерти.

Все же прославился Марий не политической, а военной деятельностью. Включившись в войну с нумидийским царем Югуртой, которую на протяжении уже многих лет (111—105) безрезультатно вел в Северной Африке римский сенат, Марий блистательно завершил ее полным разгромом мятежного царя, за что был удостоен наивысшей почести — триумфа.¹¹

Марий был человеком суровым, мужественным и справедливым. Никому не позволяя бездельничать, он не щадил и себя самого. С солдатами он делил все трудности и опасности, ел тот же хлеб, что и они, спал вместе с ними на простой подстилке, копал рвы, ставил частоколы. Его непритязательность, благоразумная предусмотрительность и простой образ жизни снискали ему расположение воинов.

О поразительном мужестве Мария свидетельствует следующий факт. Страдая сильным расширением вен и досадуя на то, что ноги его обезображены, он позволил врачу сделать себе хирургическую операцию, не дав при этом связать себя. Его самообладание и выносливость были таковы, что он молча вытерпел невыносимую боль, не только не шевельнувшись и не

¹⁰ «Новым человеком» называли человека не из senatorского сословия, первым в своем роду добивающегося или достигшего консульства.

¹¹ Триумф — торжественный въезд в Рим полководца-победителя во главе победоносного войска. Триумфа удостоивались полководцы, одержавшие победу над внешним врагом, в том случае, если пало не менее 5 тысяч неприятельских воинов.

застонав, но даже не изменившись в лице (Плут. Мар., 6).

Цезарь мог видеть этого сурового, мрачного человека с тяжелым взглядом и грубым голосом в доме своей тетки Юлии. В то время Марий был уже стар, грузен и неповоротлив и страдал ревматизмом. Однако из упрямства и честолюбия он не желал признавать себя старым и слабым. Каждый день он отправлялся на Марсово поле, где упражнялся вместе с юношами в искусстве верховой езды и владения оружием. Многие римляне приходили посмотреть, как он состязается с молодежью. Особое восхищение племянника вызывало умение Мария управлять скачущей лошадью. Цезарь и сам много времени посвящал верховой езде и достиг в этом такого совершенства, что мог мчаться во весь опор, не держась за поводья и даже заложив руки за спину.

По инициативе Мария римское войско подверглось основательному преобразованию. Раньше римская армия комплектовалась за счет граждан, которые были в состоянии вооружиться и экипироваться на собственные средства. В результате проведенной Марием реформы в ряды воинов стали привлекаться пролетарии¹² из числа неимущего плебса, благодаря чему численный состав армии был значительно увеличен. Новая система набора превратила римское войско из гражданского ополчения в профессиональную, регулярно оплачиваемую армию наемников. Такое войско, тесно связанное обязательствами верности со своими вождями, нередко становилось послушным орудием в руках честолюбивых полководцев, рвущихся к политической власти. Таким образом, была создана предпосылка для будущих военных диктатур и единоличной власти, опирающейся на военную силу, что знаменовало собой кризис республиканских институтов.

Под предводительством Гая Мария римское войско совершило поход против кимвров и тевтонов, двух германских племен, вторгшихся в северную Италию и нанесших римлянам несколько весьма ощутимых поражений. В 102 г. Марий разгромил тевтонов, а год спустя — кимвров, тем самым избавив Рим на какое-то время

¹² Пролетарии — от латинского слова *proles* (потомство), так как все их достояние заключалось в собственном потомстве, — были свободны и от воинской, и от всех прочих общественных обязанностей.

от угрозы нападения с севера. За эту победу Марий был назван третьим основателем Рима.¹³

Несмотря на славу удачливого полководца, Марий под давлением некоторых влиятельных лиц, настроенных по отношению к нему враждебно, был вынужден покинуть столицу и отправиться в добровольную ссылку, из которой он возвратился лишь в 90 г. Хотя Марию в то время было уже немало лет, ему было поручено возглавить борьбу с мятежными италийскими городами, требовавшими для себя полного римского гражданства и избирательных прав.

И на этот раз Марий одержал победу, однако вернуть себе прежние позиции в Риме уже не мог. Его репутация непобедимого полководца в последние годы настолько померкла, что, когда в 88 г. в сенате обсуждался вопрос о кандидатуре главнокомандующего римскими войсками для войны с понтийским царем Митридатом, предпочтение было отдано Луцию Сулле.

Это решение вызвало в Риме беспорядки. Сторонники Мария склонили народное собрание принять закон, по которому командование войсками поручалось Марию. Однако Сулла быстро добрался до назначенных ему легионов, стоявших в Кампании, и повернул их на Рим. Марию с большим трудом удалось спастись. Но стоило Сулле весной 87 г. оставить город, как Марий и его сторонники вернулись и учинили резню над сулланцами. Когда Сулла, разгромив Митридата, возвратился в Рим, он с лихвой отплатил своим врагам жесточайшими репрессиями и многочисленными казнями.

Юность Цезаря пришлось на очень смутное время, когда политическая обстановка в Риме была чрезвычайно запутанной. Республика переживала период кризиса, вызванного продолжительными захватническими войнами. Римское господство распространилось на Сицилию, Корсику, Предальпийскую и Нарбонскую Галлии, на значительную часть Испании, Греции и Македонию. Основательно потеснив другие государства региона, Рим превратился в огромную средиземноморскую державу.

Расширение внешних пределов привело к необратимым внутренним изменениям. Коренным образом изменились социально-политическая структура, уклад общественной

¹³ Традиционная дата основания Рима — 753 г. Основатель Рима — потомок Энея Ромул. Вторым основателем Рима назывался победитель галлов в 390 г. Марк Фурий Камилл.

жизни и нравы людей. Перемены затронули все без исключения слои римского общества. Рядом с аристократическим сословием патрициев, крупных земельных собственников, издавна пополнявшим ряды сенаторов, прочно утвердилось сословие всадников, предпочитающих заниматься финансовыми делами, крупной торговлей, ростовщичеством, заведовать налогами.

Самое многочисленное сословие средних и мелких землевладельцев, главный оплот римского могущества и основной контингент римской армии, оказался непоправимо ослабевшим. Многочисленные и изнурительные войны полностью подорвали его экономическую базу. Десятки тысяч мелких и средних крестьянских хозяйств были разорены. Покидая деревню, крестьяне пополняли ряды городского пролетариата, который кормился общественными раздачами и подачками, нередко становясь клиентами¹⁴ богатых и знатных римлян, вступая в их свиту и получая за это от них небольшое денежное вознаграждение или угощение.

В новых условиях прежняя форма государственного управления, став анахронизмом, утратила свою былую эффективность. Однако римская аристократия, стоявшая у руля управления, не хотела считаться с новой исторической реальностью и упорно пресекала все попытки народных масс принять участие в управлении государством. Это положение несколько изменилось с появлением на политической арене Марция, который скорее под давлением конкретных обстоятельств, нежели руководствуясь определенным планом, пытался решить назревшие вопросы внутренней политики. Выступив сначала как сторонник народной партии популяров, представлявших интересы широких народных масс, он затем был вынужден бороться с их экстремизмом. Все его попытки как-то изменить политическую ситуацию оказались бесплодными, хотя, как уже отмечалось, он неоднократно избирался консулом.

Сохраняя в неприкосновенности аристократическую форму правления, римская республика была уже не в состоянии выдержать тройной напор: внешних соседей, италийских общин, недовольных своим неполноправным положением, и римского плебса.

¹⁴ Клиенты — бедные свободнорожденные граждане или вольноотпущенники, находившиеся под покровительством влиятельного и богатого гражданина и получавшие от него материальную поддержку.

Обстановка, угрожавшая самому существованию республики, была в определенном смысле идеальной для личности незаурядной и решительной. Сложившаяся к тому времени ситуация явно благоприятствовала человеку, пожелавшему проявить себя, что великолепно осознал Цезарь, чье происхождение и образование служили ему лучше всякой рекомендации.

В 84 г. Цезарь был избран жрецом Юпитера и после выполнения соответствующих формальностей должен был войти в коллегия понтификов. На это место мог быть избран лишь тот, кто принадлежал к патрицианскому роду. Должность жреца Юпитера, хотя и престижная, особой власти не давала, но хорошо подходила потому Венеры.

Жреческие коллегии в Риме были весьма многочисленны. Главную роль среди них играла коллегия понтификов. Первоначально понтификов было 5, впоследствии при Сулле их стало 15.

Обязанности понтификов были довольно многочисленны: им надлежало следить за календарем, устанавливать праздничные дни, руководить жертвоприношениями, заботиться о правильном выполнении религиозных ритуалов, надзирать за похоронами, сохранять в неприкосновенности священные формулы молитв и брачных обрядов, пришедшие из глубокой древности, вести ежегодную хронику событий, составлять списки должностных лиц — магистратов на каждый год.

Основателем коллегии понтификов считался Нума Помпилий, царствовавший в Риме сразу после Ромула. Жрецы делились на старших — простых членов коллегии, и младших — секретарей коллегии, выполнявших функции помощников и писцов. Кроме них в коллегия входили «царь священнодействий», фламины и девы-весталки.¹⁵ Фламины — жрецы отдельных божеств. Было 3 старших фламина и 12 младших. Первое место среди них занимал жрец Юпитера. Он не имел права занимать государственные должности, отлучаться из Рима более чем на 2 дня, садиться на коня, видеть войско и т. д. Глава коллегии, верховный понтифик, сопровождался ликторами, почетной стражей. Однако во время

¹⁵ Весталки — жрицы Весты, богини семьи и домашнего очага. Весталок было 6, их главной обязанностью было поддержание в храме Весты неугасимого огня, символа жизни Рима. В храм Весты обычно сдавались на хранение важные документы и деньги.

священных церемоний он был обязан пропускать вперед «царя священнодействий» и трех старших фламиев.

Поскольку вся государственная жизнь и все действия сената сопровождались религиозными ритуалами, как бы гарантировавшими покровительство и помощь богов, понтифики занимали заметное место в общественной жизни Рима. Как наследники жреческой власти царя, они носили претексту — окаймленную пурпуром тогу и жили в древнейшем жилище царя — регии. Регия находилась на римском Форуме рядом с другими культовыми сооружениями.¹⁶

Уже во времена Цезаря Форум был одним из красивейших мест Рима. Здесь находились многочисленные здания торгового, культового и светского характера. Во II веке были построены великолепные базилики Порция, Эмилия, Семпрония, Опимия. Особенно выделялось величественное здание базилики Эмилия, сооруженное в 179 г. после II Пунической войны. Все эти здания были украшены портиками с беломраморной колоннадой и предназначались для биржевых операций и суда. У склонов Капитолия возвышались храмы Сатурна, Согласия, неподалеку — Гостилиева курия, где заседал сенат, ближе к Палатину — храм Кастора и Поллукса, круглый храм Весты и прямоугольное здание дома весталок.

Можно представить себе Цезаря, выходящего из регии и направляющегося по Священной дороге в сторону Капитолия к храму Юпитера Капитолийского. На Форуме, как всегда, с самого утралюдно. Сотни римлян теснятся под портиками Форума, скрываясь от палящих лучей южного солнца. Здесь, в самом оживленном месте республиканского Рима, расположены рынки, многочисленные лавки и мастерские. Сюда, в центр делового Рима, приходят, чтобы узнать последние новости о кораблях, прибывших в гавань Остию, ценах на хлеб, победах римской армии на Востоке, результатах недавних выборов.

С самого утра на Форуме бурлит разноликая, разноголосая толпа дельцов, торговцев, ремесленников. Какое разнообразие лиц, одежд, характеров! Важно шествуют чиновники. Вертятся смазливые служанки. Шныряют проворные мальчишки. Стремительны и на-

¹⁶ Регия — по преданию, жилище царя Нумы Помпилия — была сооружена еще в дореспубликанскую эпоху, то есть до 509 г.

пористы легионеры. Насторожены иностранцы. Подозрительны матроны. Здесь можно встретить знаменитого философа и известного всему Риму актера, уважаемого в почтенных семействах учителя грамматики и прославленного в прошлом гладиатора. Кого здесь только нет! Крестьяне. Моряки. Цирюльники. Врачи. Художники. Поэты. Флейтисты.

Повсюду бойко идет мелкая торговля. Раздаются пронзительные крики торгующих в разнос продавцов каштанов и жареных в сале лепешек. Зовут в свои лавки ювелиры, гончары, сукновалы. Нахваливают свои товары купцы. Громко плачет нерасторопная служанка, уронившая на землю корзину с зеленью и рыбой, вмиг растоптанную десятками ног. Отчаянно вопит мальчишка-раб, попавшийся на краже сластей. В гортанную речь чужеземных послов врывается грубая брань чем-то разгневанного центуриона.¹⁷ Собравшись в кружок, хохочут молодые шалопаи. Чего-чего, а бездельников здесь хватает. Они слоняются по Форуму, глазуют на женщин, часами простаивают в портиках, убивая время в пустой болтовне и азартных играх в кости, хотя и запрещенных сенатским постановлением.

Здесь, в самой оживленной части города, Цезарь имел прекрасную возможность узнать жизнь самых разных людей. Вот он останавливается перед рострами — небольшой площадкой с возвышением, откуда ораторы обращаются с речами к толпе. Их красноречие волнует, заставляет сильнее биться сердце. Вокруг себя Цезарь видит замечательные храмы, триумфальные арки, памятники и обелиски, воздвигнутые в честь великих побед римского народа. В храмах он любуется статуями прославленных римлян, поставленными за их заслуги перед республикой. Повсюду читает высеченные на камнях надписи с перечислением великих деяний во благо Римской республики. Запечатленная в мраморе история римских побед всякий раз производит на него сильное впечатление.

Жизнь огромного города, которую юный Цезарь ежедневно наблюдал вокруг себя, самым непосредственным образом повлияла на его духовное формирование. Безмятежное существование Цезаря закончилось неожиданно.

¹⁷ Центурион — низший офицерский чин в римской армии, командир войскового подразделения, численный состав которого в разное время колебался от 100 до 60 человек. Ср. русск. «сотник».

данно и драматично. Он попал в поле зрения все- сильного диктатора Рима Луция Корнелия Суллы (138—78), первой значительной личности, с которой ему пришлось серьезно столкнуться в своей жизни. Изнеженный и прекрасно образованный аристократ, кумир всех римских куртизанок, Сулла обладал исключительной храбростью, которая нередко граничила с дерзостью. Отчаянная смелость сочеталась в нем с лисьим коварством. По словам самого Суллы, «никто на свете не сделал так много добра друзьям и так много зла врагам, как он» (Плут. Сул., 38).

Он был первым, кто из римских полководцев сумел использовать новую римскую армию для борьбы со своими политическими противниками и для захвата единоличной власти в Риме. В течение ряда лет Сулла вершил судьбу государства. Все его преобразования носили ярко выраженный олигархический характер. Проводя свою политику, Сулла прибегал к террору, которому впервые был придан организованный и даже планомерный характер. Объявленные им проскрипции¹⁸ вызвали к нему стойкую ненависть современников.

Впервые о Сулле заговорили в 105 г. В то время он служил квестором¹⁹ в римской армии под началом Гая Мария и командовал конницей в боевых действиях против нумидийского царя Югурты. Подвергая свою жизнь величайшей опасности, Сулла захватил в плен самого Югурту. Марий тайне был уязвлен тем, что на долю его молодого подчиненного выпал такой ошеломляющий успех. Особенно раздражило Мария, что ему пришлось вновь встретиться с ним при подавлении восстания италийских общин, где Сулла проявил себя способным и храбрым офицером. Когда же в ходе Союзнической войны молодой и удачливый Сулла затмил своими успехами былую военную славу Мария, неприязнь к нему Мария переросла в открытую вражду.

После победы, одержанной в войне с Митридатом Понтийским, слава Суллы гремела уже далеко за пределами Италии. Справиться с Митридатом было очень нелегко. Коварный и жестокий тиран, он поражал своим

¹⁸ Прокрипции — акция, состоящая в публикации списков лиц, объявленных вне закона и подлежащих уничтожению.

¹⁹ Квестор — низшее должностное лицо в Риме, в обязанности которого входило заведование государственной казной. Военный квестор был помощником полководца, главным образом по финансовой части.

гигантским ростом и необычайной силой. Никто не мог сравниться с ним в искусстве верховой езды и стрельбы из лука. Он был образован, говорил на 22 языках, хорошо знал литературу, любил искусство. Война с Митридатом приняла затяжной характер (89—84). Постоянно расширяя свое царство, Митридат захватил Малую Азию, Грецию и значительную часть Македонии. Потеря богатых восточных владений для Рима была весьма ощутимой. Победив этого опасного врага, Сулла приобрел славу величайшего полководца.²⁰ Он становится самым могущественным человеком в Риме, лидером правящей олигархии.

Высадившись со своей армией в Италии весной 83 г., Сулла штурмом взял Рим и принялся за расправу со своими противниками. Пылкий поклонник Мария, Цезарь не мог не вызывать опасений диктатора, взявшего всю власть в свои руки. Однако при первой же попытке навязать юноше свою волю Сулла получил решительный отпор. Еще в 84 г., расторгнув помолвку с дочерью неизвестного римского всадника Коссуцией, Цезарь женился на Корнелии, дочери Цинны, четырежды консула в 87—84 гг., ближайшего соратника Мария, унаследовавшего после смерти последнего всю полноту государственной власти в Риме.²¹ Теперь Сулла потребовал, чтобы Цезарь развелся со своей женой, к тому времени родившей ему дочь Юлию, и, когда последовал твердый отказ, лишил его должности жреца Юпитера, приданого жены и, наконец, родового имущества.

Над головой Цезаря, племянника Мария, а теперь и зятя марианца Цинны, нависла смертельная опасность. Он был вынужден бежать и скрывался в окрестностях Рима, каждую ночь меняя убежище, чтобы ускользнуть от наемных убийц, посланных всемогущим диктатором. Но однажды он занемог и попался в руки солдатам Суллы. Цезаря спасли 2 таланта,²² которыми он подкупил начальни-

²⁰ Во время войны с Митридатом Сулла захватил Афины, при осаде которых приказал вырубить священные рощи Академии, где некогда учил Платон, и Ликсея (Лицея), где преподавал Аристотель (Плут. Сул., 12).

²¹ Цинна был убит взбунтовавшимися солдатами в начале 84 г.

²² 1 талант = 6 тысяч денариев (около 1920 р.). О покупательной стоимости денег можно судить на следующем примере: в эпоху Цезаря модный пшеницы (приблизительно 6—7 кг) стоил в среднем 1 денарий (33 коп.).

ка отряда Корнелия, отпустившего больного лихорадкой юношу. Убедившись в силе денег, Цезарь впоследствии не раз прибегал к ним как всеильному средству.

Тем временем мать Цезаря, его влиятельные друзья и весталки, которые пользовались правом заступничества, выхлопотали ему прощение, которое Сулла дал весьма неохотно и только после многочисленных просьб. Его убеждали, что бессмысленно убивать мальчишку, на что проницательный диктатор ответил, что в одном этом упрямце скрывается несколько Мариев, в чем он был несомненно прав (Свет. Бож. Юлий, 1; Плут. Цез., 1).

Можно только удивляться мужеству Цезаря в этой ситуации. Не каждый в Риме был в состоянии выдержать даже взгляд, тяжелый и проницательный, светло-голубых глаз Суллы, мерцавших на лице, обезображенном красной сыпью, не говоря уже о прямой угрозе, исходившей со стороны рыжеволосого диктатора. Тогда, может быть, впервые проявился твердый характер Цезаря, не утратившегося жестокого властителя Рима. Хотя и помилованный Суллой, 18-летний Цезарь тем не менее благоразумно решил переменить климат и отправился на Восток, надеясь проявить себя там на военной или дипломатической службе.

Ссылка, пусть и добровольная, была, безусловно, очень тяжела для юного Цезаря. Ведь уже тогда Рим был замечательным городом, и для человека патрицианского рода, к тому же совсем еще молодого, в нем было много притягательного, что так ценится в молодости. И вот теперь надо было расстаться с этой чудесной жизнью. Однако Цезарь рассудил, что лучше уехать из Рима непокорившимся Сулле, чем вообще лишиться жизни.

В Азии Цезарь занял привилегированное положение, получив по протекции своих влиятельных родственников место в главном штабе пропретора Квинта Минуция Терма. Случилось так, что Терму было поручено наказывать жителей города Митилен, поддержавших Митридата в его недавней войне с Римом. Цезарь пользовался таким доверием Терма, что тот направил его с ответственным поручением в Вифинию к царю Никомену, который был верным союзником Рима. От него Цезарь должен был получить флот, необходимый для установления морской блокады Митилен. Цезарь справился с этим заданием и значительно ускорил отправку обещанных римлянам кораблей, которая по разным причинам задерживалась.

Если верить злым языкам, успех сопутствовал Цезарю и в личных делах. То ли что-то заметили находившиеся в то время в Вифинии римские купцы, то ли им что-то нашептали недоброжелатели Цезаря — как бы то ни было, молва о его связи с царем Никомедом быстро достигла берегов Италии. Похоже, Цезарь не только не опровергал этого слуха, но даже усугубил его тем, что через несколько дней после возвращения опять поехал в Вифинию. Во всяком случае его отношения с Никомедом получили огласку, и ему пришлось всю жизнь мириться с прозвищем «царицы Вифинии», которым его наделили солдаты и враги. Доходило до того, что легионеры во время триумфов Цезаря открыто распевали песенки шуточного содержания, вроде следующей: «Ныне Цезарь торжествует, покоривший Галлию,— Никомед не торжествует, покоривший Цезаря» (Свет. Бож. Юлий, 49).²³

Насколько можно судить, к этим и другим насмешкам в свой адрес Цезарь относился спокойно. Стандартные обвинения подобного рода часто использовались в политической борьбе. Согласно Цицерону, «это самая обычная хула на тех, чья внешность и облик были в молодости привлекательны» (Циц. За Цел., 3,6).²⁴ Впрочем, надо сказать, что древние были весьма терпимы к таким отношениям между лицами одного пола, и вифинские грешки Цезаря, хотя и ставились ему в вину, например Цицероном, причинили ему вреда ничуть не больше, чем его привычка делать долги.

Цезарю, любящему изысканность и роскошь, нелегко было расстаться с пышным двором и приятным обществом вифинского царя. Тем не менее вместе с набранным флотом он отправился к острову Лесбосу, где осаждаемые римлянами Митилены наконец были взяты приступом. При штурме города Цезарь отличился и за свою храбрость заслужил высокую воинскую награду — венок из дубовых листьев.²⁵ Это была его первая воинская награда, возможно, самая для него памятная.

²³ Злое подшучивание составляло часть триумфального обряда. Триумфы Суллы сопровождалась не менее хлесткими шутками (Плут. Сулл., 2; 6).

²⁴ Сам Цицерон не избежал обвинений в распушенности и потере целомудрия в бытность его учеником Пупия Пизона, у которого он учился красноречию (Салл. Инвект., 1, 2).

²⁵ Дубовый венок был наградой тому, кто в сражении спас жизнь римского гражданина.

После этих событий Цезарь посвятил себя занятиям по большей части мирным, выполняя административные поручения в разных частях Малой Азии. Любопытному юноше были по душе эти разъезды по стране, считавшейся колыбелью греческой культуры, которой он был очарован с детских лет. Теперь Цезарь мог увидеть собственными глазами многое из того, о чем он слышал от своих учителей и узнавал из книг.

Тем не менее, когда до него дошло известие о смерти Суллы, он, не мешкая, тут же бросился в Рим. Шел 78-й год. Однако за время его отсутствия мало что изменилось в столице. По-прежнему была сильна и грозна сенатская аристократия, по-прежнему отсутствовали единство и сплоченность у популяров. Все говорило за то, чтобы он, человек знатного происхождения, примкнул к правящему классу. Однако Цезарь обнаруживает большую осмотрительность и, благоразумно воздерживаясь от проявления своих политических симпатий, ведет праздную жизнь столичного бездельника. Он посвящает себя литературным занятиям, встречается с друзьями, участвует в пирушках и дискуссиях, ухаживает за женщинами, при этом все больше и больше залезая в долги. Именно такие люди, как молодой Цезарь, создавали благополучие римских ростовщиков, которые под большие проценты охотно ссужали деньги родовитому юноше, к тому же подававшему большие надежды на блестящую карьеру в ближайшем будущем.

Цезарь ведет себя как самый настоящий щеголь. С тщательностью следит за своей внешностью. Подолгу возится с прической, заботясь о том, чтобы его волосы были аккуратно уложены. Волосы он не только стрижет, брест, но и старательно выщипывает. Тунику, которая обычно не имела рукавов, он, оригинальничая, носит не только с рукавами, но даже с бахромой на них,²⁶ и при этом небрежно подпоясанную, подчеркивая тем самым свою изысканность и намеренно поддразнивая людей, что, впрочем, свойственно юности во все времена.

Однако такая жизнь не могла удовлетворить деятельную натуру Цезаря. Чтобы обратить на себя внимание римской публики чем-то действительно существенным, Цезарь принимает решение выступить на судебном процессе с обвинением какого-нибудь важного лица.

²⁶ Тунику до пят и с рукавами носили в Риме женщины.

Именно таким образом нередко начинали свою политическую карьеру молодые римляне. В 77 г. он привлек к суду сулланца Гнея Долабеллу, который во время своего наместничества в Македонии обогатился путем вымогательства. Защитниками Долабеллы были два самых знаменитых и опытных адвоката Гай Аврелий Котта и Квинт Гортензий. Хотя не имевший опыта Цезарь проиграл это дело, он, тем не менее, стал известной фигурой и приобрел славу отличного оратора.

По свидетельству древних, Цезарь от природы был одарен способностями к красноречию и усердно развивал свое дарование. Слог Цезаря был изящен и благороден, голос звонок, движения и жесты приятны (Свет. Бож. Юлий, 55; Плут. Цез., 3). Выступив обвинителем в судебном процессе против Долабеллы, Цезарь возбудил злобу сторонников Суллы. Это обстоятельство, а также долги, размеры которых начали вызывать его беспокойство, побудили Цезаря в 76 г. покинуть Рим и вновь отправиться на Восток.

Путешествие по морю подходило к концу, и впереди уже показался малоазийский берег, когда корабль, на котором плыл Цезарь, он сам и его спутники недалеко от Милета у острова Фармакуссы подверглись нападению морских разбойников. В то время в Средиземноморье было бесчисленное множество пиратов. Это были люди коварные и жестокие, убить человека им ничего не стоило.

В I в. до н. э. морское сообщение во всем Средиземном море было очень интенсивным. Судоходство осуществлялось, как правило, только днем. Корабли постоянно подстерегались пиратами. Тяжелые купеческие галеры не могли соперничать в скорости с легкими и быстрыми кораблями пиратов, которые в своей наглости дошли до того, что совершали набеги даже на прибрежные города. Захватив судно, разбойники грабили его, а всех пассажиров, в том числе моряков, задерживали, требуя за них огромные выкупы. Тех, кто не смог собрать требуемой суммы денег, они убивали или продавали в рабство.

За оказавшегося в их руках Цезаря пираты потребовали выкуп в 20 талантов. Затребованная сумма рассмешила Цезаря, который предложил своим похитителям поднять ее до 50 талантов. Разослав своих спутников и рабов в различные города собирать нужные для выкупа

деньги, Цезарь остался только с врачом и двумя слугами.

Его поведение в плену у пиратов вызывает изумление. Трудно сказать, чего здесь было больше: высокомерия, дерзости или юношеского безрассудства. Так, всякий раз, собираясь отдохнуть, Цезарь, по словам Плутарха,²⁷ посылал приказать пиратам, чтобы они не особенно шумели (Плут. Цез., 2). Все 38 дней, проведенные Цезарем у пиратов, он держал себя с ними так, словно они были его телохранителями, а не похитителями. Во всяком случае, он не обнаружил ни малейшего страха и часто забавлялся и шутил с разбойниками. Сам факт, что Цезарю сходило с рук многое такое, за что другой человек, оказавшийся в его положении, уже давно поплатился бы жизнью, является доказательством его огромного обаяния и полного бесстрашия. Чтобы как-то разогнать скуку вынужденного бездействия, Цезарь писал стихи и речи и декламировал их пиратам. И если кто-нибудь из них не выражал своего восторга, он в лицо называл того невеждой и варваром. Не скупился Цезарь и на угрозы, обещая всех их распять, лишь только окажется на свободе. Пираты от души веселились, видя в нем забавного шутника.

Но они явно недооценили Цезаря. Как только из Милета прибыли деньги, предоставленные малоазийскими городами, и Цезарь был освобожден и высажен на берег, он тотчас, не скупясь на затраты, набрал из прибрежных городов людей и, снарядив корабли, вышел из милетской гавани против пиратов. Он так стремительно погнался за разбойниками, что застал их, ничего не подозревающих, врасплох, еще стоящими на якоре у острова и взял их в плен. Захваченных пиратов Цезарь приказал казнить той самой казнью, которой часто в шутку им грозил, когда находился у них в плену. Разбойники были распяты на крестах. Но предварительно они были заколоты по приказу Цезаря, не желавшего допускать ненужной жестокости.

Юность Цезаря подходила к концу. Уже немало испытаний выпало на его долю. Он многое узнал и многому научился, прежде всего самому главному — владеть собой и управлять своим телом. С детских лет Цезарь приучал себя переносить трудности и лишения,

²⁷ Плутарх (ок. 46 — ок. 119), греческий историк, автор «Параллельных жизнеописаний», куда входит и биография Цезаря.

хотя не отличался особенно крепким здоровьем, страдал желудком и головными болями, был подвержен внезапным обморокам, а в зрелом возрасте падучей.

Болезненность никогда не служила Цезарю предлогом для изнеженной жизни, наоборот, он делал все возможное, чтобы победить свою слабость и укрепить тело: подолгу оставался под открытым небом, много времени посвящал верховой езде, развивал в себе умеренность в еде. Его питание было скорее скудным, нежели обильным, вина он почти не пил.

ДОРОГОЙ ПОЧЕСТЕЙ

(75—59 гг.)

Народ стал настолько расположен к нему, что каждый выискивал новые должности и почести, которыми можно было вознаградить Цезаря.

Плутарх

Казнив захвативших его в плен пиратов, Цезарь отправился на остров Родос совершенствоваться в искусстве красноречия у знаменитого ритора того времени Аполлония Молона, у которого незадолго до этого слушал лекции Цицерон.¹ На Родосе Цезарь пробыл недолго. В 74 г. вновь вспыхнула (уже третья) война с понтийским царем Митридатом, и Цезарь принял в ней участие. Собрав и вооружив на свои средства отряд, он наголову разбил соперника, вторгшегося в римскую провинцию Азия.

В том же году Цезарь в качестве военного трибуна участвовал в боевых действиях в Киликии.² В его обязанности входило помогать главнокомандующему. Должность военного трибуна была не очень значительна, с нее обычно начинали свою карьеру молодые римляне. На эту должность Цезарь был избран в комициях,³ в чем впервые открыто проявились симпатии к нему народа.

Примечательно то, что Цезарь предпочел служить под началом Лукулла,⁴ а не Марка Аврелия Котты, хотя последний был его родственником по материнской линии. Лукулл считался закоренелым сулланцем, и все

¹ Марк Туллий Цицерон (106—43) — величайший римский оратор и государственный деятель, консул 63 г.

² Киликия — область в юго-восточной части Малой Азии.

³ Комиции (народное собрание) — главный законодательный орган в Римской республике, обладавший также избирательными и судебными правами. Часть военных трибунов избиралась в комициях, другая часть консулами.

⁴ Луций Лициний Лукулл (ок. 117 ок. 57), консул 74 г., оратор, полководец, участник похода против Митридата; прославился своей легендарной роскошью.

же Цезарь выбрал службу под его руководством, так как Лукулл был гораздо более умелым полководцем, чем Котта. Мечтая о служебной и военной карьере, Цезарь никогда не искал легких путей. Он прекрасно понимал, что ни знатное происхождение, ни родственные связи не смогут заменить ему знаний и опыта, которые приобретаются лишь неутомимым трудом.

Несмотря на свое стремление к популярности среди простого народа, Цезарь старался по возможности не проявлять своих демократических симпатий и в политическом отношении вел себя крайне осторожно. Результаты не замедлили сказаться. В 73 г., еще до возвращения в Рим,⁵ его кооптируют в коллегию жрецов-понтификов, чему в свое время воспрепятствовал Сулла, — факт, свидетельствующий о том, что, несмотря на конфликт Цезаря с вождем римской сенатской аристократии Суллой и его преданность Марию, не весь римский нобилитет⁶ был настроен к нему враждебно.

Это был поворотный момент в судьбе Цезаря. Отныне начинается его неуклонное восхождение.

Было бы ошибкой чрезмерно преувеличивать демократические симпатии Цезаря, в своих амбициозных притязаниях решившего сделать ставку на римский плебс. Как правило, представители римской аристократии искали популярности среди простого народа, чтобы таким способом укрепить положение господствующего класса. Заигрывая с народом, Цезарь никогда не забывал о своем происхождении и всегда гордился знатностью своего рода. Всякий раз, когда из этого можно было извлечь пользу, он напоминал римлянам о своих великих предках. Разумеется, он не допускал даже мысли, что народ способен к самоуправлению. Впрочем, за редким исключением, в античности в это не верил никто. Однако нет никакого сомнения в том, что Цезарь искренне

⁵ Римский историк I в. н. э. Веллей Патеркул рассказывает, что, когда Цезарь возвращался в Италию на небольшом судне с двумя друзьями, он, приняв деревья за мачты и реи пиратских кораблей, разделся и привязал к бедру книжал, готовясь к любому повороту судьбы (Велл. Пат. Рим. ист., 2, 43).

⁶ Нобилитет — правящее сословие Римской республики, в его состав входили самые знатные патрицианские и богатые плебейские роды. Во II—I вв. нобилитет превратился в замкнутое сословие, в которое было трудно проникнуть новому человеку.

желал блага для римского народа. Он был твердо убежден, что для этого лишь нужен энергичный правитель, избранник судьбы, вроде его легендарного предка Энея, которому сам рок предопределил стать основателем нового царства. Знатное происхождение было для Цезаря знаком того, что ему уготована особая роль в судьбе римского народа.

Древность и знатность рода Юлиев и неколебимая вера в свою фортуна во многом определила психологию Цезаря. Действительно, трудно было усомниться в своей удаче тому, кто уже не раз избегал смертельной опасности. Уверовав в свою исключительность, Цезарь, однако, никогда не допускал в своем поведении высокомерия и грубости. Дело, конечно, не в природной скромности, просто он был человеком, знающим себе цену, умным и расчетливым политиком. Он усвоил тактику эллинистических демагогов — всеми возможными способами добиваться расположения народа. Личное обаяние, безмерная щедрость и, при необходимости, обман — все шло у него в ход для завоевания любви и доверия простонародья. Он не жалеет денег на устройство пышных обедов и пиров, молва о которых распространяется по всему городу. Одновременно он добивается крупных успехов своими защитительными речами в судах. Он вежлив, ласков и обходителен с каждым, с кем ему только приходится иметь дело. Он так внимателен и приветлив со всеми, кто обращается к нему, что вызывает этим у окружающих восхищение не меньшее, чем своим блестящим образом жизни. Все это, несомненно, способствовало росту его влияния в государстве.

Итак, Цезарь — уже вполне зрелый человек. Его возраст — 30 лет — вполне подходит для того, чтобы вплотную заняться политической деятельностью. Однако общая ситуация в Риме все еще неблагоприятная для начала политической карьеры. У Цезаря немало могущественных врагов, которые с опасением следят за ним и его растущей популярностью у народа. Поэтому, делая все, чтобы упрочить свое положение в Риме, Цезарь должен постоянно остерегаться их ненависти и заботиться о том, чтобы понапрасну не возбуждать к себе подозрений.

После того как Марк Лициний Красс путем беспощадных, кровавых репрессий подавил восстание рабов под

руководством Спартака,⁷ в Риме, правда, на короткое время прекратились внутренние междоусобицы. Основными силами в политической жизни государства становятся сенат и консулы 70-го года Помпей и Красс: один — уже увенчанный военными лаврами, другой — известный своим непомерным богатством. Пока еще трудно было предвидеть, что рядом с этими великими деятелями очень скоро встанет третий человек — Цезарь, и что именно ему будет принадлежать будущее Рима. Похоже, что первым, кто счел деятельность Цезаря подозрительной и опасной, был Цицерон. Внешне его деятельность, далекая от политики, носила спокойный характер и не внушала особых опасений, к тому же в Риме было немало молодых людей, ведущих сходный образ жизни. Однако Цицерон под маской ласковости и веселости сумел распознать смелый и решительный характер Цезаря.

В это время в Риме интенсивно ведется отмена постановлений, принятых при сулланской диктатуре. В этих мероприятиях Цезарь участвует с большой сдержанностью. Он не входит в число самых ярких реформаторов и противников прежнего режима. Тем не менее, примкнув к антисулланскому демократическому движению, он действует с энергией вполне достаточной для того, чтобы обратить на себя внимание.

В первую очередь были полностью восстановлены права народных трибунов,⁸ урезанные Суллой. Затем был принят закон о судах Судебная власть, закрепленная Суллой лишь за сенаторским сословием, была теперь распространена и на другие разряды людей. Хотя этот закон, предложенный Луцием Аврелием Коттой, дядей Цезаря по матери, был принят только в 70 г., Цезарь еще до его утверждения был в числе сторонников законопроекта. Он выступает также в поддержку закона, представленного на рассмотрение сената трибуном Плавтием. Этим законом давалась полная амнистия всем политическим изгнанникам из числа маррианской оппозиции, нашедшим убежище в Испании, среди которых

⁷ Восстание под предводительством беглого гладиатора Спартака (74 -71) — самое крупное в истории восстание рабов. В армии Спартака насчитывали до 120 тысяч человек.

⁸ Народные (плебейские) трибуны должны были защищать плебеев от произвола родовой знати и чиновников. При Сулле трибуны были лишены права занимать другие должности.

находился шурином Цезаря Луций Цинна. Хотя Цезарь и способствовал разрушению сулланской конституции, ее уничтожение не являлось делом, полностью захватившим его.

И все же первые шаги Цезаря на политическом поприще были довольно-таки медленными. Правда, он уже успел побывать военным трибуном и мог рассчитывать теперь на более ответственную должность. Вступив на так называемый путь почестей (*cursus honorum*), он понимал, как важно завершить самый начальный этап продвижения по ступеням лестницы государственных должностей,⁹ поскольку тогда перед ним открылись бы двери сената.

Летом 69 г. Цезарь избирается квестором с вступлением в должность со следующего, 68-го года. После завершения срока квестуры он получал право занимать место в сенате. Ежегодно в Риме избиралось 20 квесторов. В их обязанности входило оказывать помощь наместникам провинций главным образом в финансовых делах: заведовать казной, вести учет доходов, следить за поступлением налогов, осуществлять контроль за откупщиками налогов, взыскивать штраф, осуществлять судопроизводство над должниками государства, продавать с торгов имущество тех, кто оказался неплатежеспособным. Кроме того, квесторы должны были также инспектировать рынки.

Год избрания Цезаря квестором ознаменовался двумя весьма примечательными событиями, наделавшими в Риме много шума. Речь идет о двух погребальных церемониях, следовавших одна за другой, на которых публично выступил Цезарь. В 69 г. умерла его тетка по отцу Юлия, вдова Гая Мария, и чуть позже его жена Корнелия, с которой он в свое время отказался развестись, несмотря на то, что приказ исходил от самого Суллы.

Погребальные почести, оказанные Цезарем тетке Юлии, были, действительно, сенсационными. Он не ограничился обычным произнесением хвалебных слов. По заведенному издавна обычаю во время похорон знатного лица римляне несли восковые маски прославленных

⁹ Обычный порядок следования государственных должностей: квестура (в 27 лет), эдилитет (в 37 лет), претура (в 40 лет), консулат (в 43 года) и цензура. Обязанности магистрата не оплачивались, поскольку считались почетом — *honor*.

предков.¹⁰ В этот раз по приказу Цезаря в похоронной процессии было выставлено изображение Гая Мария, которое со времени диктатуры Суллы всенародно было показано впервые. Со стороны Цезаря это было явной демонстрацией своего восхищения Марием и намерения идти по его стопам.

При погребении жены Цезарь произнес лишь надгробную речь, но сделал он это вопреки существовавшей в Риме традиции, так как похвальные речи на похоронах молодых женщин были еще не приняты. Публичное выступление Цезаря с похвальным словом Корнелии вызвало одобрение народа, увидевшего в этом поступке Цезаря проявление его кротости и благородства.

После указанных событий Цезарь отбывает к месту своего нового назначения в римскую провинцию Дальняя Испания. Оно досталось ему при жеребьевке, в которой участвовали все те, кому было определено служить за пределами Рима.¹¹ Цезарь отправился в Испанию в свите наместника провинции Гая Антистия Ветера.

По делам службы Цезарю приходилось часто разъезжать в подведомственной ему провинции, задерживаться в городах и населенных пунктах для взимания налогов и задолженностей у местного населения. Должность квестора, значительная во многих отношениях сама по себе, давала ряд привилегий, прежде всего, как уже отмечалось, допуск в сенат. Но для Цезаря был здесь и отрицательный аспект — удаленность от Рима как раз в тот самый момент, когда там назревали серьезные политические события. Однако ни один римлянин, рассчитывающий на политическую карьеру, не мог уклониться от квестуры. Впрочем, Цезарь не только не пренебрегал своими квесторскими обязанностями, а с готовностью выполнял их. Он оставил в Риме многочисленных друзей и информаторов, кроме того, сам с большим вниманием следил за всеми новостями и слухами, доходившими из Италии, так что, несмотря

¹⁰ С лица покойника, принадлежавшего к патрицианскому роду, снимали гипсовую форму, по которой изготовляли две восковые маски: одна клалась на лицо усопшего, другая хранилась в его семье в особом шкафу. В день похорон восковые маски предков надевали на себя сопровождавшие погребальную процессию прислужники.

¹¹ Различались городские, италийские и провинциальные, или военные, квесторы. Число последних увеличивалось с увеличением числа провинций.

на отсутствие, все время был в курсе событий, происходивших на родине.

Во время пребывания в Испании Цезарю исполнилось 33 года. Его общественная карьера пока еще не отличалась особой стремительностью. Все чаще задумывался он о будущем, печалась, что в свои годы не сделал ничего значительного и что по-прежнему далек от славы, которой жаждал. О состоянии его души можно судить по рассказу Светония, повествующего о том, как Цезарь в Гадесе в храме Геркулеса сокрушался перед статуей Александра Македонского,¹² что сам он до сих пор не совершил ничего замечательного, тогда как Александр в этом возрасте уже завоевал весь мир (Свет. Бож. Юлий, 7).

Видимо, Цезарь все же рвался в Рим. Свидетельством служит то, что он, не дождавшись истечения срока своих квесторских полномочий, внезапно оставил Испанию и объявился в Италии. В то время обстановка в столице была очень напряженной. Сенатская олигархия все еще сохраняла свое могущество, однако ее авторитет к тому времени был основательно подорван. Патриции уже сделали ряд серьезных уступок и лишились части своих привилегий. Однако консулат по-прежнему оставался неотъемлемым правом аристократов, чего нельзя было сказать о некоторых других должностях, к которым теперь получили доступ многие решительные представители популяров.

До сих пор на море бесчинствовали пираты, и на Востоке продолжал боевые действия Митридат. Это вызывало величайшее беспокойство сената. Консул Луций Лукулл, командующий римской армии, тщетно пытался настичь основные силы понтийского царя, который всегда находил возможность умело уклониться от генерального сражения с римлянами. Преследуя Митридата, Лукулл все больше углублялся во внутреннюю часть материка, оставив прибрежные города на произвол пиратам. Число пиратских кораблей уже превышало одну тысячу. Разбойники захватили к тому времени около 400 городов (Плут. Помп., 24). Их дерзость дошла до предела. От морского разбоя в первую очередь страдала торговля. Прекратился регулярный подвоз

¹² Александр Македонский, или Великий (356—323) — основатель Македонской империи.

хлеба. В самом Риме росла дороговизна, вызывавшая резкое недовольство народных масс.

Вернувшись в 67 г. из Испании, Цезарь берет в жены Помпею, внучку Суллы и дальнюю родственницу Гнея Помпея. В следующем году Цезарь избирается курульным эдилом¹³ со вступлением в должность в 65 г. В обязанности эдила входило наблюдение за порядком и благоустройством города.

В качестве эдила Цезарь заботится об украшении комиция (места, где проводились народные собрания), Форума и базилик. Он украсил также Капитолий, приказав построить портики. В них он выставил достопримечательности и редкие вещи, которые коллекционировал. За время своих многочисленных разъездов по Востоку и Испании он составил большую коллекцию картин, статуй, чеканных сосудов, резных камней. Цезарь увлеченно собирал произведения искусства, а за красивых и ученых рабов платил такие неслыханные цены, что вынужден был запрещать вносить их в хозяйственную отчетность. Все это, разумеется, требовало огромных денег, и если верить Плутарху, Цезарь еще до своего вступления в должность квестора имел долгов на 1300 талантов (Плут. Цез., 5).

Страсть Цезаря к красивым вещам и наружный лоск удивительным образом сочетались в нем с нетребовательностью в отношении всего, что касалось собственного быта. Он жил в скромном доме на Субуре, улице между Эсквилином и Виминалом. Эта узкая улица, тесно застроенная домами, населялась в основном ремесленниками и мелкими лавочниками. Вечно грязная и мокрая Субура с утра заполнялась людьми и напоминала кипящий водоворот. Грохот и гвалт стояли здесь невообразимые. Чудовищная толчея усугублялась интенсивным конным движением, нередко приводившим к несчастным случаям.

В должности эдила Цезарь совершил поступок исключительной смелости, граничащий с дерзким безрассудством. Украшая Капитолий новыми сооружениями, он восстановил на нем статую Мария и его военные

¹³ Было два плебейских и два курульных эдила. Последние избирались первоначально из патрициев. Курульными они назывались из-за того, что им наравне с консулами и преторами была присвоена привилегия выполнять свои обязанности, сидя в особом складном кресле.

трофеи, после победы Суллы удаленные оттуда по решению сената и комиций. Хотя негодование одного из лидеров римского сената Квинта Лутация Катула было просто неопишимо, сенат все же не решился отдать приказ о сносе этих мятежных символов и оставил их нетронутыми.

Несмотря на растущее расположение к нему народа, Цезарь был еще очень далек от того, чтобы сравняться в славе и популярности с Гнеем Помпеем и Марком Лицинием Крассом. Последний был личностью весьма примечательной. Искусный полководец, он не имел в Риме людей, равных себе по богатству. Похоже, что он составил себе огромное состояние, монополизировав пожарную службу в столице. Всякий раз, когда владелец горящего дома обращался к нему за помощью, он отказывался тушить пожар до тех пор, пока хозяин не соглашался продать ему за бесценок уничтожаемое огнем здание. Таким образом Красс стал владельцем огромного числа земельных участков в городе. Это недвижимое имущество составило основу его поистине несметного богатства. Получивший в детстве суровое воспитание Красс в течение всей своей жизни оставался человеком воздержанным и умеренным. Дом его был постоянно открыт для друзей. Однако Красс был поражен непомерной жадностью наживы, и это всем бросалось в глаза. Красс не любил Помпея: завидовал его популярности. Но из политического расчета старался не портить с ним отношений. Со своей стороны Помпей также нуждался в Крассе, имеющем определенное влияние на сенат. Поэтому они действовали сообща и, как уже отмечалось, вместе в один год достигли консулата.

Не принимать в расчет этих людей Цезарь, разумеется, не мог и, уж конечно, не хотел восстанавливать их против себя. Особенно нуждался Цезарь в сближении с Крассом, который давал деньги займы своим друзьям без процентов, но требовал уплаты точно в срок. Красс сделался для Цезаря незаменимым источником финансов.

Между тем росла военная слава Помпея, сумевшего полностью воспользоваться сложившейся в Риме ситуацией. Сын консула, крупный земельный собственник, Помпей к тому времени успел прославиться военными успехами. Свою карьеру он начал службой в войске, сражаясь на стороне Суллы против марианцев. Он

разгромил сторонников Мария в Сицилии и Африке, за что Сулла официально закрепил за ним прозвище Великого, которым солдаты стихийно приветствовали его и, хотя и скрепя сердце, разрешил вне очереди отпраздновать триумф.¹⁴

Помпей был старше Цезаря всего на 6 лет, но в отличие от Цезаря уже преуспел во многом. В 36 лет он достиг консулата и был обременен славой и почестями. Он разгромил нумидийцев и последние очаги сопротивления солдат Мария, подавил восстание Лепида,¹⁵ усмирил Испанию и уничтожил действовавшего на ее территории вождя марианской оппозиции Квинта Сертория.¹⁶ Вернувшись из Испании, Помпей не спешил с роспуском своих легионов. Благодаря своей популярности, а также войску, расположившемуся лагерем у ворот Рима, он стал консулом, не будучи до этого даже квестором. С этим человеком Цезарю в отдаленном будущем суждено было вступить в смертельную схватку.

Как ни велика была слава Помпея в то время, еще бóльшая слава ждала его впереди в войне против пиратов и Митридата. Неуловимый царь Понта завлек войска консула Лукулла внутрь страны. Оставленные без защиты города и население малоазийского побережья терроризировались морскими разбойниками. Пираты беспрепятственно грабили Самос, Делос и многие другие острова. В своей дерзости и безнаказанности они дошли до того, что высаживались даже на территории самой Италии. Они брали в плен мужчин и женщин, причем нередко лиц знатных и облеченных высокими государственными полномочиями. Однажды они похитили двух римских преторов в их парадных одеждах со всеми их слугами и ликторами.¹⁷ На каждом берегу

¹⁴ По закону триумф разрешался только тем, кто уже сделался сенатором.

¹⁵ Марк Эмилий Лепид, консул 78 г., после смерти Суллы выступил против сулланской конституции. Двинул подчиненное ему войско на Рим, но был разбит на Марсовом поле.

¹⁶ Квинт Серторий — талантливый полководец, сторонник Мария; в 80—72 гг. успешно вел войну в Испании против сената и Помпея.

¹⁷ Ликторы — почетная стража. Они шли впереди высших должностных лиц, расчищая перед ними путь. Их внешним знаком были фасции — пучок прутьев, в который была воткнута секира, символ права жизни и смерти за пределами черты города. В пределах города ликторы ходили с фасциями без секиры.

они устраивали дикие оргии и попойки, словно издеваясь над своими жертвами.

Кичась своей роскошью, разбойники дошли до того, что золотили мачты кораблей и оправляли весла в серебро (Плут. Помп., 24). Торговое судоходство в Средиземном море стало делом опасным. Пираты подстерегали и захватывали корабли, которые направлялись в римскую гавань Остию¹⁸ с зерном. Поскольку Рим жил привозным хлебом, доставлявшимся из Сицилии и других провинций, ему угрожал голод. Население столицы было разъярено. Все действия сената, направленные против пиратов, оказались малоэффективными. Положение было крайне тяжелым и требовало крайних мер.

В этой критической ситуации народный трибун Авл Габиний предложил законопроект о вручении Помпею чрезвычайных полномочий сроком на три года для борьбы с пиратами. Если бы закон прошел, то Помпей получил бы неслыханные до этого времени полномочия: право распоряжаться государственной казной, доходами провинций, набором войск и неограниченную власть, распространяющуюся на прибрежную полосу всех римских провинций. В сенате это предложение встретило решительное противодействие. В числе немногих сенаторов, поддержавших законопроект, был Цезарь. Несмотря на сопротивление сената, в народном собрании этот законопроект был безоговорочно принят.

Помпею хватило всего трех месяцев, чтобы справиться с пиратами. Он разделил все Средиземное море на 30 частей, каждую из которых поручил патрулировать кораблям под командованием специально назначенных для этого офицеров. Постепенно сужая поле деятельности пиратских кораблей, Помпей вытеснил пиратов в последнее их убежище Ликию.¹⁹ Результаты этой умело проведенной операции впечатляют: 10 тысяч пиратов было истреблено, 20 тысяч взято в плен, захвачено 840 кораблей. Благодаря этому сокрушительному удару с морским разбоем в Средиземноморье было покончено на ближайшие два столетия (Плут. Помп., 28).

Так же блистательно и молниеносно Помпей разгромил Митридата. Расчленив армию понтийского царя,

¹⁸ Остия — портовый город в 22 км от Рима.

¹⁹ Ликия — область в Малой Азии.

Помпей легко справился с ней, принудив самого Митридата сначала к бегству, а затем к самоубийству. Рим приобрел в Азии новую провинцию Понт, а его государственная казна обогатилась на 480 миллионов сестерциев.²⁰

Тем временем Цезарь был поглощен своими обязанностями курульного эдила. В период избирательной кампании ему основательно помог своими денежными ссудами Красс. Назначение на должность эдила было престижным и очень важным для Цезаря. Тогда в функции эдильов входили надзор за дорогами, зданиями, рынками, ценами, религиозными церемониями. Но главным образом им вменялась в обязанность организация общественных игр, требовавших огромных, как правило, личных, расходов. Для человека щедрого на траты, каким всегда был Цезарь, должность эдила предоставляла прекрасную возможность приобрести симпатии народа. Что касается расходов, то в этом Цезарь не имел себе равных в Риме, разве что Красс превосходил его щедростью. Цезарю не стоило особого труда быть расточительным, ведь тратил он деньги не из собственного кармана, а, как обычно, взятые в долг.

Общая сумма долгов Цезаря достигла к тому времени умопомрачительной цифры — 24-х миллионов сестерциев. Однако это ничуть не смущало его, и он взялся за организацию игр в честь своего покойного отца. В устройстве игр и зрелищ Цезарю помогал его коллега по эдилитету Марк Кальпурний Бибул. Однако признательность народа выпала на долю одного только Цезаря. В связи с этим Бибул сравнивал себя с Поллуксом, имея в виду, что храм, воздвигнутый на римском Форуме в честь божественных близнецов Кастора и Поллукса, было принято называть именем одного Кастора. Понятно, что Бибула такое положение дел не устраивало. Но Цезаря ничуть не тревожило недовольство его коллеги, тем более что устроенные ими игры надолго остались в памяти римлян.

Среди прочих развлечений в игры входили состязания колесниц, запряженных чаще всего четверкой лошадей. Возница правил лошадьми стоя. Чтобы управлять такой упряжкой, требовалось особое искусство. Не обходилось

²⁰ Сестерций — основная римская денежная единица, ок. 8,3 коп.

без увечий и жертв, что сильно накаляло страсти на трибунах.

Владельцы римских конюшен объединялись между собой. Во времена Цезаря образовалось что-то вроде двух «партий». Возницы одной из них появлялись в туниках белого цвета («белая партия»), а другой — красного («красная партия»).

Обычно состязания проводились в Большом цирке, построенном, по преданию, легендарным римским царем Тарквинием Древним. Расположенный в долине между Палатинским и Авентинским холмами, Большой цирк вмещал до 150 тысяч зрителей. Заезды начинались с раннего утра и продолжались до самого заката. Как правило, одновременно выезжали четыре колесницы, но бывало и значительно больше. Полагалось объехать семь раз арену длиной 600 м и шириной 150 м; таким образом, дистанция всего пробега составляла 10,5 км. Беговая дорожка имела продолговатую форму и была разделена по длине невысокой стенкой, по концам которой стояли островерхие столбы — меты.

В дни состязаний колесниц цирк наполнялся до отказа. Римляне, падкие на всякие зрелища, приходили сюда поболеть за свою партию, заключить пари, вдоволь пошуметь и накричаться, как говорится, выпустить из себя лишний пар. Зрелище стремительно несущихся и обгоняющих одна другую колесниц захватывало публику. Колесницы развивали такую огромную скорость, что управлять ими становилось чрезвычайно трудно. Они сталкивались друг с другом, при этом возницы вылетали на арену и разбивались насмерть. Накал борьбы был таков, что у всех без исключения зрителей перехватывало дух.

Однако гвоздем программы были, конечно, гладиаторские бои. Они начинались торжественным шествием участников. Это было очень красочное зрелище. Многие из гладиаторов шли в своей национальной одежде и имели разное вооружение. Фракийцы, например, сражались небольшими искривленными под тупым углом саблями и были прикрыты маленькими квадратными щитами, железным нарукавником на правой руке и металлическим шлемом без забрала. У самнитов мечи были короткие и прямые, и прикрывались они большими четырехугольными щитами. Были и такие гладиаторы, которые сражались с помощью сети и трезубца или даже

одной только палки или кнута. Многотысячная толпа, собравшаяся на трибунах, заранее предвкушала захватывающее зрелище, о котором заблаговременно была извещена своеобразными «афишами» — надписями на стенах домов и общественных зданий.

Но вот раздавались звуки трубы или рога, и сражение начиналось. Гладиаторы, как правило, были осужденные преступники или рабы, обученные в особых школах. Они бились один на один или целыми отрядами. Чтобы их легче было различать, одни из них были одеты в ярко-красные туники, другие — в голубые. На их шлемах развевались разноцветные перья: у одних белые, у других черные. Все это на фоне золотисто-желтого песка выглядело очень живописно. Гладиаторы легко и стремительно двигались по арене, ведь от их ловкости и умения владеть оружием зависела их жизнь.

Хотя римские аристократы выказывали свое презрение к этим грубым массовым зрелищам, тем не менее, посещали их, чтобы лишний раз показаться при народе и снискать его любовь.

Говорят, что Цезарь вывел на арену 320 пар гладиаторов, доспехи и вооружение которых были из серебра (Плут. Цез., 5; Plin. Nat. hist., 33, 16, 53). Можно себе представить, как все это сияло и переливалось в лучах ослепительного солнца. В своем усердии Цезарь намеревался превысить установленный предел, вызвав в Рим на устраиваемые им игры такое количество гладиаторов, что уstraшенный этим обстоятельством сенат был вынужден издать закон, ограничивающий на будущее число гладиаторов, одновременно допускаемых в город. Вместе с гладиаторами и отдельно от них на арене сражались звери. Но вряд ли Цезарь смог превзойти Помпея, который в свое время выпустил на арену 500 львов и 18 слонов (Dio Cass. Hist. Rom., 39, 38).

Все это время Помпей вел военные действия далеко от Италии: сначала против пиратов, затем против Митридата. Его отсутствие в Риме было на руку как Крассу, так и Цезарю. Красс всеми силами стремился к верховной власти в государстве, и тут для осуществления его планов представился подходящий случай. Сенатская олигархия объявила недействительным избрание консулами на 65-й год двух популярных, обвинив их в предвыборных махинациях и подкупе избирателей. На их место были выбраны другие консулы. Этой

ситуацией решил воспользоваться Красс, вступив в заговор, организованный группой римлян знатного происхождения во главе с Луцием Сергием Катилиной.²¹ Заговорщиками было принято тайное соглашение убить вновь избранных консулов на Капитолии 1 января 65 г. во время торжественной церемонии вступления их в должность и восстановить в должности отстраненных от консульства популяров. В случае успеха предприятия Красс становился диктатором, а Цезарь — его помощником в должности начальника конницы.²² Однако в последний момент заговор сорвался. Как рассказывает Светоний, в назначенный день Красс не явился, и Цезарь не подал условленного знака — не спустил тогу с плеча (Свет. Бож. Юлий, 9).

Мы не знаем, как все обстояло на самом деле. Как бы то ни было, Цезарь не принадлежал к разряду людей, слепо действующих по чьей-либо указке и от чужого имени. К тому же он сам добивался для себя внеочередной магистратуры, предложив превратить Египет в римскую провинцию, а ему самому поручить верховное командование войсками в случае их посылки в эту страну. Сенат воспротивился честолюбивому плану Цезаря, почувствовав в его предложении опасность для себя.

Неудача не заставила Цезаря отказаться от честолюбивых замыслов. Он продолжает заботиться о своей популярности и ждет лишь удобного случая, чтобы выдвинуться. Наконец, такой момент настает. В начале 63 года умирает главный жрец, верховный понтифик Квинт Метелл Пий. Цезарь выставляет свою кандидатуру на наследование этой очень почетной в Риме должности.

Обычно сами члены коллегии понтификов назначали своего главу. При таком порядке избрания Цезарь не имел никаких шансов на успех. Тем более, что другими соискателями на должность верховного понтифика были два очень известные и влиятельные человека из правящей олигархии Публий Сервий Ватий Исаврик и фактический глава римского сената Квинт Лутаций Катул. Оставалось одно: обойти существующий порядок

²¹ Луций Сергий Катилина (108—62) — организатор заговора против сената (66—62), приведшего в движение широкие демократические массы.

²² Начальник конницы — первое лицо при диктаторе.

избрания главного жреца. В этой ситуации на помощь Цезарю пришел народный трибун Тит Лабиев, который заставил принять закон, восстанавливающий древний обычай избирать верховного понтифика семнадцатью трибами, получившими на это право в результате жеребьевки между тридцатью пятью трибами, на которые делилось все римское население.²³

Таким образом, избрание верховного понтифика, до недавнего времени находившееся в ведении аристократов, вновь перешло в руки плебса и решалось отныне голосованием. Цезарю оставалось лишь купить голоса выборщиков, чтобы обеспечить себе успех. Однако дело это было совсем не простое, потому что заранее невозможно было предсказать, каким именно трибам выпадет жребий голосовать.

Должность главного жреца была пожизненной и к тому же слишком значительной, чтобы не поставить на карту все. О серьезности намерений Цезаря говорил уже тот факт, что на попытку Катула дать ему крупную взятку с тем, чтобы он снял свою кандидатуру, Цезарь ответил решительным отказом. Если верить Плутарху, в день выборов Цезарь, уходя из дома и целуя мать, сказал ей: «Сегодня, мать, ты увидишь меня либо верховным жрецом, либо изгнанником» (Плут. Цез. 7; ср. Свет. Бож. Юлий, 13). Аврелия, по-прежнему жившая заботами сына, прослезилась. Как всегда, помог деньгами Красс, и Цезарь одержал убедительную победу над своими соперниками, получив подавляющее большинство голосов. Живший до этого времени в скромном доме на Субуре, после своего избрания понтификом он перебрался на жительство в государственное здание на Священной дороге.

Блестящий успех Цезаря на выборах явился тяжелым ударом для римских аристократов. Должно быть, они вспомнили в тот день пророческие слова Суллы, предвидевшего, что юный Цезарь когда-нибудь будет более опасен, чем многие Марии (Свет. Бож. Юлий, 1).

63-й год стал для Цезаря годом серьезных испытаний. Столь блистательно начатая им карьера чуть было не оборвалась. Общая обстановка в Риме была в то время чрезвычайно напряженной. Военные походы Помпея

²³ Римская территория делилась на 35 территориальных округов: 4 городских и 31 сельский.

основательно истошили государственную казну. Среди беднейших слоев римского населения росло недовольство. Положение усугублялось частыми неурожаями. Предельной остроты достигла борьба между различными партиями в сенате. Недовольство охватило все римское общество, никто не остался в стороне.

Этой ситуацией решил воспользоваться Катилина. Выходец из патрицианской семьи, он быстро промотал отцовское имущество и запутался в долгах. Еще в 66 г. он выдвигал свою кандидатуру на консульских выборах, но был привлечен к суду за вымогательство в бытность наместником в провинции Африка. Уже находясь под судом, Катилина составил заговор, намереваясь убить консулов и получить доступ к государственной власти. Как уже упоминалось, в заговор были втянуты Цезарь и Красс. Тогда план осуществить не удалось. Лишь благодаря вмешательству Красса Катилина избежал сурового наказания.

В следующем году Катилина вновь выступил соискателем на должность консула и вновь провалился на выборах. В 64 г. эта ситуация повторилась. Катилина в очередной раз терпит жестокое поражение, и консулами на 63 г. избираются Гай Антоний и Марк Туллий Цицерон. Чтобы собрать необходимое число голосов, Катилина обещал в случае своего избрания отменить все долги, а в случае неудачи жестоко отомстить своим врагам. Теперь уже и Красс отворачивается от него, решив, что бесполезно поддерживать фатального неудачника. Любой человек, оказавшийся в его положении, давно бы уже отчаялся, но не таков был Катилина. Он опять принял участие в консульских выборах на 62 г. и вновь был забаллотирован.

Однако и теперь Катилина не сдается. В сентябре 63 г. он принимает решение еще раз испытать судьбу, но уже другим, противозаконным способом. Из ветеранов Суллы и гладиаторов он собирает войско и размещает его в Этрурии. Одновременно он готовит покушение на Цицерона и его сторонников. Маниакальная одержимость Катилины была такова, что ему уже виделось, как вся Италия отзывается на его клич, а из Африки направляется необходимое подкрепление. Но он и на этот раз просчитался. Он даже не подозревал, что был предан еще до того, как начал действовать. Приблизительно 20 сентября один из заговорщиков, желая произвести

впечатление на свою любовницу, рассказал ей о существовании заговора, а та, в свою очередь, из корыстных соображений поспешила поставить в известность консула. Тайные осведомители Цицерона, разузнав о планах заговорщиков, представили ему материал, компрометирующий Катилину. Заговор был раскрыт. Катилину, бежавшего из Рима в Этрурию, сенат объявил врагом отечества. Оставшиеся в Риме главари заговорщиков были арестованы.

Еще до того, как произошла решительная битва между армией Катилины и правительственными войсками, в сенате развернулось настоящее сражение вокруг дальнейшей судьбы Катилины и его арестованных сообщников. За высшую меру наказания высказались Цицерон и Марк Порций Катон.²⁴ Неожиданно для всех Цезарь выступил против смертного приговора, предложив для осужденных пожизненное заключение с конфискацией имущества (Салл. Кат., 51).

Цезарь не хотел открывать свои карты и занял позицию внешне умеренную. Ведь поддержать требование смертной казни было равносильно отречению от сторонников своей партии, которых было немало среди катилинариев, а высказаться против казни означало бы навлечь на себя обвинение в содействии мятежникам. В своем выступлении перед сенаторами Катон весьма прозрачно намекнул на причастность Цезаря к заговору; какие-то слухи об этом уже ходили по городу. Из этого весьма щекотливого положения Цезарь вышел очень искусно, подчеркнув незаконный характер смертного приговора для римских граждан, лишенных возможности апеллировать к народному собранию. Однако убедить в этом сенаторов ему не удалось, и вскоре 5 арестованных заговорщиков были задушены рукой палача в подземелье римской тюрьмы Туллианум.

Армия Катилины была разбита, а сам он, храбро сражаясь в первых рядах, пал в битве с правительственными войсками. Цезарь, выступивший за смягчение приговора, при выходе из храма Согласия, где происходило заседание сената, чуть было не подвергся самосуду со стороны клIENTОВ Цицерона.

²⁴ Марк Порций Катон (95—46), посмертно названный Утическим, — правнук Катона Старшего, государственный деятель консервативного направления.

Можно лишь восхищаться выдержкой Цезаря в этих весьма сомнительных для его репутации обстоятельствах. Но еще больше выдержки понадобилось ему, чтобы сохранить свое достоинство в скандале, который разразился в конце 62 г. в его собственном доме. В том году он исполнял обязанности претора, и в его доме как высокого должностного лица происходил праздник, посвященный Доброй богине.²⁵ Во время празднования в ночь с 3 на 4 декабря женщины справляли таинства, запретные для мужчин, поэтому в день праздника все мужчины покинули жилище Цезаря.

Молодой патриций Клодий,²⁶ страстно влюбленный в жену Цезаря Помпею, решил не упускать, как ему казалось, благоприятной для него возможности незаметно проникнуть в дом возлюбленной, ведь в обычное время мать Цезаря Аврелия своим постоянным наблюдением за невесткой очень затрудняла свидания влюбленным. Воспользовавшись своей юной внешностью — к тому времени он еще не начал бриться — Клодий, одевшись в женское платье, выдал себя за молодую женщину. Одна из служанок, посвященная в тайну, провела его в дом и, оставив ждать, пошла известить Помпею. Однако Клодий, горя нетерпением, сам отправился на поиски Помпеи и, заблудившись в переходах, случайно столкнулся с одной из служанок Аврелии. Вынужденный отвечать на ее расспросы, Клодий выдал себя голосом. Служанка принялась кричать и подняла переполох. Аврелия, приказав запереть все двери, стала обыскивать дом и быстро обнаружила Клодия, который спрятался в одной из комнат. Ему не удалось обмануть бдительную свекровь Помпеи, которая тут же разоблачила самозванца в женском одеянии и выгнала его прочь.

Весь Рим смаковал это пикантное происшествие, получившее широкую огласку. Сплетни, одна невероятнее другой, распространялись по городу. Семейный скандал приобретал общественный характер. Клодий был обвинен в святотатстве и разврате и отдан под суд. Его попытка обеспечить себе алиби не увенчалась успехом. Ему не удалось уговорить Цицерона, бывшего с ним в приятельских отношениях, выдать это происшествие за из-

²⁵ Добрая богиня — италийское божество плодородия, покровительница женщин.

²⁶ Публий Клодий Пульхр (92 — 52) происходил из рода Клавдиев. В роду Клавдиев было 32 консула, 5 диктаторов, 7 цензоров.

мышление. Жена Цицерона, ревновавшая мужа к одной из сестер Клодия, вынудила его сообщить суду, что Клодий в день праздника Доброй богини заходил к ним домой. Пришлось употребить огромные деньги для подкупа судей. Но и это вряд ли спасло бы Клодия, если бы не более чем странное поведение Цезаря. Он, не мешкая, развелся с Помпеей, объяснив это тем, что «его супружеская жизнь должна быть чиста не только от постыдных поступков, но и от порочащих слухов». Заявив, что «на его жену не должна падать даже тень подозрения», Цезарь решительно отказался выступить в суде свидетелем против Клодия, хотя его мать и младшая сестра Юлия уже рассказали обо всем судьям (Плут. Циц., 29; Цез. 10). Это был поступок, поразивший всех своей неожиданностью. Сенат был в полной растерянности, и большинство судей подало при голосовании таблички с неразборчивой записью. В итоге Клодий был оправдан. Отныне Клодий сделался преданным сторонником Цезаря. Своим ловким маневром Цезарь достиг нескольких целей сразу: подчеркнул неприкосновенность и священный характер своей собственной персоны и в то же время избег осложнений, чреватых для него роковыми последствиями.

Цезарь никогда не отдавался на волю слепого случая. Он умел не только предвидеть события, но и управлять ими. Кроме того, он обладал редким даром везде находить преданных себе людей, готовых по первому зову выступить в защиту его интересов. Особую отвагу пришлось ему проявить, когда он поддержал народного трибуна Квинта Цецилия Метелла Непота, избранного на эту должность вместе с Катонем. Метелл был женат на сестре Помпея, что для Цезаря имело немаловажное значение. Цезарь поддержал Метелла и тогда, когда тот попытался привлечь к суду Цицерона, обвинив его в незаконной казни римских граждан, проходивших по делу Катилины, и тогда, когда тот предложил разрешить Помпею заочно²⁷ баллотироваться во второй раз в консулы и не распускать войско, которое он возглавлял в Азии.

Выступление в поддержку интересов Помпея привело к массовым беспорядкам и отстранению Метелла и Цезаря от их должностей. Решение сената, принятое под

²⁷ Для этого требовалось особое разрешение сената

давлением со стороны Катона, Цезарь пытался игнорировать, и лишь когда ему пригрозили применить против него силу, он распустил ликторов и заперся в своем доме. Он проявил большую выдержку и самообладание и не бежал из Рима, как это сделал Метелл, уехав к Помпею. Цезарь был очень осмотрителен, и, когда к его дому пришла возбужденная толпа, чтобы выразить ему свои симпатии, он убедил ее разойтись. Не воспользовавшись волнением толпы и отказавшись от насилия, Цезарь вернул расположение к себе сената, отменившего свое постановление и восстановившего его в должности.

В конце претуры Цезарь как будущий пропретор в результате жеребьевки получил в управление провинцию Испания. Должность пропретора была очень значительной, так как облакала избранного на этот пост широкими полномочиями и большой властью, в частности давала право решать вопросы, связанные с заключением мира и объявлением войны. Однако выехать из Рима оказалось не так-то просто: кредиторы не выпускали Цезаря и грозили ему судом. В очередной раз пришлось вмешаться Крассу, который поручился за Цезаря и внес за него залог.

Жизнь в Риме, полная интриг и раздоров, к тому времени, видимо, основательно надоела честолюбивому Цезарю. Косвенным доказательством может служить следующий разговор. По пути в Испанию он проезжал мимо бедной галльской деревушки, и когда кто-то из спутников в шутку спросил его: «Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?» Цезарь вполне серьезно ответил: «Что касается меня, то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме» (Плут. Цез., 11).

Прибыв в Испанию, Цезарь стремится из своего положения извлечь для себя максимальную выгоду. Он начал с того, что значительно увеличил свой воинский контингент, набрав из местного населения десять когорт в дополнение к тем двадцати, которыми уже располагал. Эти люди были очень признательны Цезарю, великодушно и щедро делившему с ними славу и добычу и охотно предоставлявшему им римское гражданство, что шло вразрез с традиционной политикой Рима в отношении провинциалов.

Хотя границы Римской державы к тому времени не-

померно расширились, римское гражданство все еще продолжало оставаться привилегией меньшинства. Римские наместники упрямо не хотели жаловать варваров (иноземцев) правом римского гражданства. Абсурдность этого положения сразу же понял Цезарь, решив, что варвары должны стать неотъемлемой частью государства, судьбу которого они делили. Нарушив недальновидную политику своих соотечественников в отношении провинциалов, Цезарь тем самым проявил умение трезво оценивать реальную обстановку — качество, похвастаться которым могли лишь немногие из его современников.

Эта политика Цезаря по отношению к населению римских провинций всегда будет характеризовать его действия. Впоследствии он заставил принять в римский сенат многих из провинциалов. Неудивительно, что среди них у него было много друзей. Вместе с тем Цезарь не забывал и о своих собственных интересах, стремясь, по примеру всех римских правителей, обогатиться в подвластной ему провинции. Благодаря подношениям, которые он охотно принимал от союзных испанских городов, он смог частично расплатиться со своими кредиторами.

Испытывая отвращение к праздности и мечтая о военной славе Помпея, Цезарь повсюду искал предлоги для ведения боевых действий. Военные операции в Испании были столь успешными, что солдаты провозгласили его императором,²⁶ а сенат издал приказ о назначении ему триумфа.

Теперь у Цезаря были все основания добиваться консульства на предстоящих выборах. Однако, вернувшись в июне 60 г. из Испании, он не мог выставить свою кандидатуру для баллотировки. До проведения триумфа он не имел права вступать в столицу, поэтому считался отсутствующим и по существующему закону не мог домогаться звания консула заочно. Сенат, руководимый аристократами, среди которых было немало врагов Цезаря, умышленно затягивал решение вопроса, заставляя Цезаря в ожидании триумфа томиться у ворот города.

В самом Риме обстановка была беспокойная. Помпей и Красс ссорились между собой, а их противники из

²⁶ Император — почетный титул, который давался в период республики военачальнику, одержавшему серьезную победу над врагом.

числа олигархов всячески способствовали этому, разжигая и обостряя соперничество между ними. Помпей, победивший двадцать два царя и расширивший римские пределы до Евфрата, высадившись в декабре 62 г. со своим войском в Брундизии. Действуя в духе конституционной законности, он распустил войско, даже не пытаясь воспользоваться по примеру Суллы своей огромной военной силой для захвата единоличной власти в Риме. Став, таким образом, рядовым гражданином, Помпей оказался в довольно унижительном положении, так как отныне ему приходилось считаться с наглостью политических противников. Красс, теперь уже не опасаясь военной мощи Помпея, ни в чем не хотел ему уступить.

Эта ситуация, как отмечалось, вполне устраивала сенатскую олигархию, которая была заинтересована в ослаблении обоих соперников — и Помпея, и Красса, — видя в них реальную угрозу своему могуществу. Тактика сената была слишком прозрачна, чтобы ускользнуть от внимания Цезаря. Воспользовавшись дружбой Красса и своими хорошими отношениями с Помпеем, Цезарь взял на себя посредничество между ними. Одновременно он заручился их поддержкой на консульских выборах. Таким образом, было заключено тайное соглашение между тремя политическими деятелями Рима (1-й триумvirат), которые объединились, чтобы контролировать все действия сената и фактически руководить Римской республикой. Примирив Помпея с Крассом, Цезарь, по словам Плутарха, под видом человеколюбивого поступка совершил настоящий государственный переворот (Плут. Цез., 13).

Будучи уверенным в своей победе на консульских выборах, Цезарь принимает решение отказаться от триумфа и принять участие в предвыборной борьбе. Выборы прошли без неожиданностей. Коллегой Цезаря по консульству стал видный оптимат,²⁹ зять Катона Марк Кальпурний Бибул. Он уже был коллегой Цезаря по эдилитету и претуре и, понятно, особой симпатии к нему не испытывал.

1 января 59 г. Цезарь приступил к исполнению своих обязанностей консула. На первых порах он старается действовать с большой осмотрительностью и не нарушать

²⁹ Оптиматы — сторонники консервативных кругов римского нобилитета.

установившихся традиций. Тем не менее проверка соотношения сил между ним и сенатской аристократией ждать себя не заставила. Цезарь вынес на обсуждение новый аграрный закон о разделе части государственных земель в пользу ветеранов Помпея и римской бедноты. При этом предпочтение отдавалось отцам семейств, имевшим трех и более детей, а таких оказалось 20 тысяч.

Проект, предложенный Цезарем, способствовал росту его популярности среди неимущих слоев римского населения. Однако Катон попытался устроить obstruction во время обсуждения законопроекта в сенате, выступив, как он имел обыкновение делать в подобных случаях, с длинной речью, затянувшейся на несколько часов и поставившей под угрозу саму возможность голосования.³⁰ Так как время заседания истекало, Цезарь приказал взять Катона под стражу. Когда Бибул попытался воспрепятствовать принятию законопроекта, он был схвачен и избит римской чернью. В другой раз, когда он шел на Форум, кто-то из солдат Помпея высыпал ему на голову корзину с навозом. Приведенный в отчаяние Бибул заперся в своем доме и до конца своего консульства не выходил из него, что послужило пищей для римских остроловов. Подписываясь свидетелями на бумагах, они в шутку вместо обычного «в консульство Цезаря и Бибула» помечали их словами «в консульство Юлия и Цезаря».³¹ (Свет. Бож. Юлий, 20).

Столкнувшись с сопротивлением сената, Цезарь нанес ему сокрушительный удар, вынеся обсуждение законопроекта прямо в народное собрание, где закон, конечно, был принят. После этого сенату не оставалось ничего другого, как отступить.

Консулат имел для Цезаря огромное значение, потому что давал ему право на проконсульство в одной из провинций, где он сосредоточивал в своих руках высшую военную, судебную и административную власть.

Но как можно было оставить Рим, не опасаясь, что его противники тут же этим воспользуются? Бибул, хотя и самоустранился от своих консульских обязанностей

³⁰ Обычное выступление в сенате не должно было превышать 2-х часов.

³¹ В древнем Риме год обозначался именами консулов по формуле: «В консульство такого-то и такого-то».

и в течение восьми месяцев не показывался в сенате, через своих поверенных всюду разжигал против Цезаря кампанию злобной клеветы. На стенах Рима появились хлесткие надписи, порочащие Цезаря и Помпея, за которого Цезарь, чтобы скрепить с ним союз, выдал замуж свою дочь Юлию.

Но самая большая опасность исходила, как всегда, от Цицерона. Нужно было найти способ нейтрализовать этого пылкого защитника республиканских установлений. В сложившейся ситуации очень кстати оказалась для Цезаря его дружба с тем самым Клодием, который был замешан в скандале на празднике Доброй богини. Цицерон, опровергший в суде алиби Клодия, нажил себе в его лице смертельного врага, а Цезарь, отказавшийся свидетельствовать против него, — друга. Более подходящего человека для устранения Цицерона трудно было себе даже представить. Дело оставалось за одним — обеспечить Клодия должностью, которая давала бы ему власть в государстве. Такую власть мог предоставить ему трибунат.

Поскольку Клодий не мог рассчитывать на трибунскую должность, так как был патрицием, Цезарь в качестве верховного понтифика при содействии Помпея санкционировал усыновление Клодия³² неким плебеем по имени Фонтей. Затем Цезарь, пользуясь своим правом консула, перевел Клодия из патрициев в плебей. Теперь уже ничто не препятствовало Клодию выставить свою кандидатуру на выборах в трибунат. На состоявшихся осенью 59 г. выборах Клодий был избран народным трибуном.

Первоначально обязанностью трибунов было защищать плебеев от притеснений патрициев и римских магистратов, но со временем наиболее ярые из них начали злоупотреблять своей трибунской властью и правом «вето».³³ Трибуны считались лицами священными и неприкосновенными и имели доступ в сенат. Их власть ограничивалась только чертой города Рима, из которого они не имели права отлучаться более чем на один день. Дом их должен был быть открыт в любое время суток, чтобы ищущий защиты мог ее всегда найти. Поскольку

³² Перейдя в 59 г. в плебей, он изменил свое родовое имя Клавдий на простонародную форму Клодий.

³³ Трибуны обладали правом интерцессии, то есть правом протеста против распоряжений должностных лиц и распоряжений сената.

трибунов было десять, они могли обратить свою власть друг против друга и таким образом нейтрализовать действия своих коллег.

Расчет Цезаря оказался верным. Действительно, Клодию удалось заставить Цицерона спастись из Рима бегством. Он сумел провести закон о преследовании любого должностного лица, посягнувшего на жизнь римского гражданина. Цицерон, роль которого в осуждении Катилины и его сообщников была едва ли не самой главной, впал в полное отчаяние и, не дожидаясь принятия решения относительно своей особы, благоразумно покинул Рим. Его дом на Палатинском холме был сожжен, загородные виллы разграблены. Клодий заявил о своем намерении на месте уничтоженного огнем здания соорудить храм Свободы.³⁴

Мероприятия, проводимые Цезарем во время его консульства, были направлены, как правило, на решение текущих вопросов и выполнение обязательств, взятых им по отношению к коллегам по триумvirату. Первое, что он приказал сделать, вступив в должность консула, — составлять и обнародовать ежедневные отчеты о собраниях сената и народа, так называемые *acta senatus et populi Romani* — прообраз нынешней газеты. С помощью этих отчетов Цезарь мог формировать общественное мнение и влиять на него в нужном для себя направлении. Сделавший сенатские протоколы доступными для общественного ознакомления, Цезарь вновь проявил изобретательность в поисках путей к сердцам простых людей.

Чтобы укрепить свои позиции на будущее, Цезарь женится на Кальпурнии, дочери Луция Кальпурния Пизона, которого он провел в консулы на 58 г. Это была дальновидная политика подготовки себе тылов, ведь Цезарю по истечении срока его консульских полномочий предстояло надолго покинуть не только Рим, но и саму Италию. По предложению народного трибуна Публия Ватиния было принято постановление дать в управление Цезарю сроком на пять лет Иллирию, а также Предальпийскую и Нарбонскую Галлии³⁵ с правом держать там

³⁴ В 58 г. Клодий построил на месте дома Цицерона храм Свободы, который Цицерон назвал храмом Своёволия (Циц. О зак., 2, 42).

³⁵ Иллирия — страна на восточном побережье Адриатического моря. Нарбонская Галлия — южная часть Заальпийской Галлии.

четыре легиона, избирать себе легатов и основывать колонии.

Назначение настолько превзошло самые радужные ожидания Цезаря, что он, не совладав со своей радостью, вопреки свойственной ему сдержанности и осмотрительности, неосторожно объявил перед всем сенатом о том, «что он наконец-то достиг цели своих желаний, несмотря на недовольство и жалобы противников, и что теперь-то он их всех оседлает» (Свет. Бож. Юлий, 22). У него, действительно, были все основания торжествовать, ведь он еще не забыл о том, что сенат, до того как стало известно о соглашении между ним, Крассом и Помпеем, определил ему после истечения срока консульских полномочий смехотворную и унижительную должность надзирателя за лесами и дорогами.

В Галлии Цезарь вместо предполагаемых пяти лет проведет девять лет. Но это будет, уже совсем иная жизнь, не похожая на ту, которую он вел до сих пор.

Способный полководец, расчетливый и трезвый политик, Цезарь в то же время был личностью весьма заметной в светской жизни столицы. В нем удивительным образом сочетались простота и изысканность, сдержанность и шегольство. Судя по перечню его любовных побед, приводимому Светонием, он обладал большим личным обаянием (Свет. Бож. Юлий, 50—52). Успеху Цезаря у женщин в немалой степени способствовали его блестящий образ жизни, легкость и артистизм, с которыми он тратил деньги, его неизменная приветливость и подкупающая элегантность манер.

Трудно было устоять перед человеком обворожительным и одинаково любезным как с незамужними, так и с замужними женщинами. Такого сердцеда, как Цезарь, надо было еще поискать! Не удивительно, что ему приписывались многие скандальные похождения. Впрочем, находились и такие люди, которые не прочь были поиронизировать на этот счет. Эти римляне явно недооценивали его настоящих возможностей. Даже Цицерон попал впросак. Ему казалось невозможным, чтобы этот неисправимый волокита, нарушитель семейного покоя, мог представлять серьезную опасность для Римской республики. «Когда я вижу,— говорил Цицерон,— как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может

замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя» (Плут. Цез., 4).

Вне всякого сомнения, женщины были слабостью Цезаря. Он не делал между ними различия, лишь бы они были привлекательны и хороши собой. Среди его любовниц были римлянки и чужеземки, царицы, патрицианки, плебейки, рабыни. В списке совращенных им римских матрон — жены его коллег по триумvirату: Тертулла, жена Марка Красса, и Муция, жена Гнея Помпея. Не исключено, что время от времени Цезарь пускал в ход свое личное обаяние, чтобы с помощью соблазненных им, женщин оказывать влияние на их мужей.

Постоянной любовью Цезаря пользовалась лишь Сервилия, мать Марка Брута и сводная сестра Катона. Она была без памяти влюблена в Цезаря. Рассказывают, что, когда в сенате обсуждался вопрос о судьбе Катилины и других заговорщиков, Цезарю передали записку, которую он молча прочел. Катон, заподозрив неладное, стал обвинять его в тайных связях с заговорщиками и потребовал прочесть записку вслух. Цезарь немедленно передал послание Катону, и тот прочитал бесстыдное письмо своей сестры Сервилии. «Таким образом,— пишет Плутарх,— страсть Сервилии к Цезарю стала достоянием всеобщей молвы» (Плут. Брут, 5; Кат., 24).

Цезарь все время засыпал Сервилию дорогими подарками. Однажды он подарил ей жемчужину, за которую заплатил 6 миллионов сестерциев. Поговаривали даже, что Брут был его сыном. Связь Цезаря с Сервилией продолжалась около 20 лет. Гораздо меньше длился его роман с царицей Египта Клеопатрой. Но об этом речь — впереди.

Итак, Цезарю 40 лет с небольшим. Он обладает редким умением привлекать к себе людей. Пользуется любовью простого народа. Он уже облечен властью консула. Однако на путь, который приведет его к бессмертию, ему еще только предстоит вступить. Рим для него явно тесен. Ему нужна такая страна, как Галлия. Именно там, в бескрайних просторах, населенных воинственными племенами, во всем блеске раскроется его полководческий гений.

ГАЛЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ

(58—50 гг.)

Цезарь, выхватив щит у одного из солдат задних рядов, прошел в первые ряды и, обратившись к каждому центуриону по имени, воодушевил воинов на атаку.

Цезарь

Галльские племена издавна представляли угрозу для Римской республики. Опасность, исходившую для них с севера, римляне всегда остро сознавали, ведь с именем галлов у них связывались воспоминания о самом скорбном событии римской истории: галльском нашествии в Италию в 390 г., когда Рим был захвачен, разграблен и сожжен, а все оставшиеся в живых жители города перебиты.

Согласно Аппиану, греческому историку II в. н. э., галлы казались столь страшными для римлян, что в законе о непривлечении к военной службе жрецов и стариков была даже сделана оговорка: «за исключением войны с галлами», когда призывались все до одного мужчины (Апп. Гр. войны, 2, 150). Цицерон, выступая однажды в сенате, сказал: «Уже с начала существования нашей державы не было никого, кто бы, размышляя здраво об интересах Римского государства, не считал, что нам более всего должно бояться Галлии» (Циц. О конс. пров., 13, 33).

9 лет, проведенные Цезарем в Галлии,¹ были использованы им с большой пользой для себя и для Рима. Победоносные войны с многочисленными галльскими племенами принесли ему славу выдающегося полководца и обеспечили средствами, более чем достаточными не только для того, чтобы расплатиться со всеми кредиторами, но и для осуществления политического подкупа как в самой столице, так и далеко за ее пределами.

¹ В Иллирии, которая наряду с Галлией была отведена Цезарю в качестве провинции для управления, он бывал лишь наездами.

Благодаря неутомимой деятельности Цезаря Галлия превратилась для Рима в неиссякаемый источник солдат, рабов, золота. Чтобы иметь возможность максимально использовать богатейшие ресурсы Галлии, Цезарь был заинтересован в поддержании там состояния непрестанной войны. Ему удалось создать великолепное войско с отличной выучкой и железной дисциплиной. Солдаты, служившие под его командованием, были лучшими в мире. Как уже отмечалось, военная реформа Гая Мария открыла доступ в легионы людям, лишенным всякого имущества, для которых регулярно оплачиваемая служба в армии стала главным средством к существованию.² Теперь военная служба из принудительной сделалась добровольной, из гражданской обязанности — ремеслом.

Изменение системы набора — вербовка вместо прежнего ополчения, распускавшегося, когда в нем миновала нужда, — привело к изменению социальной структуры армии, что вызвало радикальные преобразования в направлении общей демократизации. В войске Цезаря, ставшем фактически постоянным и, следовательно, профессиональным, офицеры, даже занимавшие высокую должность, делили с солдатами все тяготы и лишения походной жизни: жили в лагерных условиях, в палатках, питались из общего котла. Сам Цезарь участвовал вместе с солдатами в возведении укреплений. Вместе с тем, дисциплина в армии Цезаря была суровой и служебная иерархия очень твердой; подчинение младшего старшему по званию было неукоснительным.

Основная войсковая единица римской армии — легион. Он состоял из 6 тысяч пехотинцев. Легион делился на 10 когорт и 60 центурий по 100 человек в каждой; 2 центурии составляли манипул. Численность личного состава легиона из-за больных, раненых, пропавших без вести нередко сокращался до 5 с небольшим тысяч человек. К легиону добавлялся отряд конницы в 900 всадников.

Легионеры могли совершать ежедневные переходы в три десятка километров и при необходимости с марша вступать в бой. Снаряжение легионера включало медный шлем, покрытый металлическими пластинками панцирь, большой щит (в походе он находился в чехле и ве-

² Солдаты вербовались на 20 лет. Простой легионер получал жалованье — 120 денариев (480 сестерциев) в год.

шался за спину), два метательных копья-дротика,³ короткий, около полуметра меч-тесак с широким, прямым, обоюдоострым клинком, висевший у солдат на правом боку, у офицеров, не имевших щита, — на левом.

В начале галльской войны весной 58 г. Цезарь располагал лишь одним легионом — 6-м, стоявшим в Нарбонской Галлии.⁴ Из Предальпийской Галлии он отвел другие, предназначенные ему легионы, — 7-й, 8-й и 9-й, к которым присоединил два новых — 10-й и 11-й, набранные им самим. Еще три легиона были на вербованы им в процессе галльской кампании. Самым преданным был 10-й легион, который не раз доказывал свою верность Цезарю. Этот легион Цезарь всегда особо выделял и очень на него полагался.

Во главе легионов стояли легаты. Среди легатов, командующих легионами, огромную популярность у воинов приобрел Тит Лабие. Он пользовался полным доверием Цезаря и в необходимых случаях заменял его на посту главнокомандующего всей армией.⁵ Однако основной действующей силой командного состава были командиры центурий — центурионы, низшие офицерские чины, составлявшие костяк римской армии. Выходцы из солдатских рядов, они были опытными воинами, закаленными в боях, и пользовались огромным влиянием среди солдат.

Цезарь знал своих центурионов по именам и всегда доверял их опыту и военной сметке. Суровая практика лагерной жизни, знание армейского быта и искушенность в военном деле создавали центурионам авторитет, необходимый для воспитания в солдатах воинских добродетелей: мужества, храбрости, усердия, умения безропотно переносить тяготы, упорство в достижении поставленной

³ В войске Цезаря закаливался только конец копья, которое, пробив щит, загибалось и застревало в нем, вместе со щитом делаясь неудобным для употребления.

⁴ Нарбонская Галлия (иногда просто Провинция) охватывала территорию современной южной Франции (Прованс). Предальпийская Галлия — территорию современной северной Италии. Будучи наместником обеих провинций, Цезарь покорил оставшуюся независимую часть Заальпийской Галлии, включавшую в себя территорию всей современной Франции, Голландии, Бельгии и Швейцарии. Часто под Заальпийской Галлией имеется в виду только Провинция.

⁵ За время галльских войн в армии Цезаря перебывало около 20 легатов, среди них был Публий Красс, сын триумвира, Квинт Цицерон, брат оратора, Децим Брут, Марк Антоний, Сервий Гальба и др.

перед ними цели. На центурионов были возложены забота о дисциплине и обучение новобранцев. Они были создателями и хранителями лучших военных традиций, и в том, что войско Цезаря стало грозной силой, главная заслуга именно центурионов.⁶

Если легионы комплектовались в основном за счет римских граждан, то вспомогательные войска набирались в римских провинциях из числа местного населения. В их задачу входило прикрывать пехоту с флангов. Что касается конницы, то ее составляли, как правило, галльские и германские всадники из союзнических общин. В случае особой необходимости Цезарь мог посадить на лошадей солдат легионов. Лучниками были критяне и египтяне, пращниками -- наемники с Балеарских островов.⁷

Важное место в армии Цезаря отводилось инженерным войскам. Саперы прокладывали дороги, строили мосты и фортификационные сооружения, ремонтировали оружие и военные машины. Обычно в строительстве укреплений участвовали все свободные легионеры.

Как уже отмечалось, в ходе галльской кампании Цезарь значительно увеличил свои боевые силы. В его распоряжении было 9 легионов, то есть около 50 тысяч пехотинцев, постоянно находившихся в строю, и не менее 50 тысяч солдат вспомогательных войск.⁸ Обучить и прокормить столь внушительную армию было совсем не просто, ведь каждый легионер потреблял около 850 граммов хлеба в день, не считая других съестных припасов. Так что продовольственное снабжение всегда оставалось для Цезаря одной из самых трудных проблем. Иногда дело доходило до того, что солдатам приходилось самим жать себе хлеб на галльских полях. Что касается обучения, то под присмотром центуриона новобранец учился ходить походным шагом (6—7 км в час), бегать, плавать, брать разные препятствия, ездить верхом, метать копье, фехтовать, владеть не только мечом и щитом, но и лопатой, топором и пилой, строить рвы, возводить

⁶ Жалованья центурион получал вдвое больше простого солдата: 240 денариев (960 сестерциев) в год.

⁷ Балеарские острова находятся в Средиземном море близ побережья Испании, крупнейшие из них — Мальорка и Менорка.

⁸ Когда Цезарь прибыл в Галлию, он располагал тридцатью тысячами римских легионеров, в то время как варвары могли разом выставить около трехсот тысяч воинов.

палисад, валить лес, обращаться с военной техникой и многому другому.

Отправляясь к месту своего нового назначения, Цезарь вряд ли мог предполагать, с какими трудностями ему предстояло встретиться и какие опасности преодолеть. Первыми, с кем пришлось столкнуться Цезарю в Галлии, были гельветы. Об этом он рассказывает в своих «Записках о галльской войне». Племя гельветов в количестве 368 тысяч человек собралось на берегу Родана, реки, по которой проходила граница с римской территорией. Над Провинцией нависла серьезная угроза, которую нужно было ликвидировать немедленно.

Гельветы, бросив насиженные места и уничтожив огнем все свои города и села, устремились с женами и детьми на постоянное жительство в богатые области юго-западной Галлии, что представляло для римлян большую опасность, так как невозможно было предвидеть, чем могло обернуться прохождение через римскую территорию многочисленных полчищ хорошо вооруженных гельветов.

Против 100-тысячного войска варваров Цезарь в тот момент мог выдвинуть один единственный легион, так как его основные военные силы находились еще в Италии. Однако Цезарь не растерялся. Он приказал прежде всего разрушить единственный на Родане мост у города Генавы. Все войско, имеющееся у него в наличии, он расположил по фронту, протянувшемуся приблизительно на три десятка километров, и распорядился не медля соорудить систему надежных укреплений. Во главе этой оборонительной линии он оставил Лабiena, а сам устремился в Италию за тремя легионами, которые были расквартированы в Аквилее. В Италии ему удалось набрать еще два легиона. С этими пятью легионами кратчайшим путем через Альпы он двинулся на подмогу Лабieniu.

Гельветы, увидев, что через Родан им не пройти, решили направиться через земли другого галльского племени — эдуев, которые тотчас обратились к римлянам с просьбой о помощи. Цезарь, вернувшийся к тому времени с подкреплением из Италии, начал неотступно преследовать гельветов, однако от генерального сражения постоянно уклоняясь. Он опасался, что в случае столкновения с основными силами противника может оказаться побежденным, ведь в количественном отношении войско

гельветов намного превосходило его собственное.

В какой-то момент Цезарь неожиданно для врага изменил прежнее направление и двинулся к Бибракте, укрепленному городу эдуев, где он намеревался пополнить запасы провианта, сильно истощившиеся к тому времени: до очередной выдачи солдатам хлеба оставалось всего два дня. Введенные в заблуждение этим маневром, гельветы, решив, что Цезарь отступает, теперь уже сами бросились в погоню за римлянами. Именно на это Цезарь и рассчитывал. Он расположил свое войско на выгодной для себя позиции. Легионы были выстроены в боевой порядок в три линии вдоль склона крутого холма. Чтобы не оставлять никакой надежды на бегство, Цезарь распорядился увести своего коня и лошадей всех командиров.

Предвкушая легкую победу, гельветы с большим воодушевлением напали на первую линию обороны римлян, но были отброшены градом стрел и копий. Не давая гельветам времени прийти в себя, Цезарь приказал воинам второй линии атаковать неприятеля. Отступив к подножью ближайшего холма, варвары предприняли контратаку, нацелившись на менее защищенный правый фланг римских позиций. Теперь пришел черед вступить в сражение солдатам третьей линии обороны. Стремительным натиском они смяли ряды наступающего противника, и атака гельветов окончательно захлебнулась. Гельветы обратились в беспорядочное бегство, истребляемые преследующей их римской конницей.⁹

Через несколько дней все оставшиеся в живых гельветы сложили оружие и дали слово вернуться на свои земли.

За этим первым успехом последовали другие. В короткий промежуток времени Цезарь одержал победу сначала над германцами, затем над белгами и, наконец, над нервиями и адуктуками. Последние нарушили условия капитуляции и за это жестоко поплатились: 53 тысячи человек было продано Цезарем с аукциона (Цез. Галл. война, 2, 33). Завершив к осени 57 г. эти победоносные кампании, Цезарь мог с полным основанием считать, что он контролирует значительную часть Галлии.

Разумеется, не все шло так гладко, как это может показаться на первый взгляд. На долю римского войска

⁹ К тому времени конница Цезаря насчитывала четыре тысячи человек.

выпало немало суровых испытаний. Были временные неудачи. Не удалось избежать и частичных поражений. Например, в сражении с нервиями положение римлян в какой-то момент стало настолько критическим, что потребовалось личное вмешательство Цезаря, который, выхватив щит у одного из своих воинов, сам повел солдат в атаку (там же, 2, 25).

Много хлопот доставили Цезарю венеты, прежде чем ему удалось, наконец, покорить их. Для того чтобы справиться с этим приморским народом, Цезарю понадобилось построить свой флот — 220 отлично снаряженных кораблей — во главе которого стоял 27-летний легат Децим Брут.

Особенно ожесточенной была война с германцами, два племени которых, спасаясь от притеснений со стороны свевов, одного из самых воинственных народов северной Европы, зимой 55 г. форсировали Рейн недалеко от его впадения в море и двинулись вглубь Галлии, грабя и сжигая все на своем пути. На юг устремились толпы беженцев, разнося известие о вторжении германцев.

Узнав о случившемся, Цезарь немедленно отозвал из Нормандии зимовавшие там легионы и приготовился встретить варваров. Те отрядили к нему послов с объяснениями. Они оправдывали свои действия жестокостью свевов, вынудивших их покинуть родные места, и просили у Цезаря разрешения поселиться на уже захваченных ими землях белгов. В случае согласия они обещали не причинять римлянам никакого беспокойства. Цезарь отказался обсуждать что-либо с послами, пока германцы не вернутся за Рейн. Когда же они попросили дать им время для принятия решения, он заподозрил их в желании получить передышку. Поэтому, когда к нему прибыло очередное посольство с просьбой об отсрочке, он приказал взять послов под стражу, а сам двинулся на варваров с такой стремительностью, что те, не выдержав молниеносного удара римлян, в беспорядке бежали. Конница Цезаря, пустившись в преследование, устроила германцам самое настоящее избиение.

Жестокость, с которой римляне расправились с германскими племенами, вызвала в Риме волну протестов. Катон предложил даже выдать Цезаря германцам, которые обвиняли римского полководца в коварстве и злом умысле и требовали возмездия.

Тем временем саперы по приказу Цезаря за невероятно короткий срок в десять дней с 12 по 21 июня 55 г. навели через Рейн мост, по которому римские легионеры переправились на территорию германцев. В «Записках о галльской войне» Цезарь довольно подробно описывает устройство этого семипролетного моста, который может считаться шедевром инженерной мысли. Он был шириной приблизительно 4 метра и длиной более 400 метров. При строительстве моста римские саперы применили особый способ крепления брусьев и балок. Каждая опора, чтобы она лучше выдерживала напор воды, была дополнительно укреплена снизу. Выше моста против течения были поставлены защитные сваи, предназначенные задерживать стволы деревьев или бревна, если бы таковые были пущены варварами по течению для разрушения моста. Сваи опускались в реку с помощью специальных машин и вколачивались в дно копровыми бабами (Цез. Галл. война, 4, 17).

Переправившись через Рейн, римские легионеры в течение восемнадцати дней находились в землях германцев, грабя и разоряя местное население. Действия Цезаря в завоеванных областях ничем не отличались от действий других римских военачальников, которые, взяв у неприятеля город, нередко отдавали его на разграбление солдатам, ведь главным источником обогащения для легионеров всегда оставалась военная добыча, на которую они неизменно рассчитывали. В этих случаях не обходилось без разгула самых жестоких страстей. Впрочем, любая война не способствует воспитанию в человеке мягкости нравов.

Цезарь не скрывает фактов мародерства и жестокости и, не видя в этом ничего предосудительного, говорит о том, что тот или иной город отдан на разграбление, что солдаты устроили резню и избиение поверженного противника. Так что возмущение Катона действиями Цезаря в отношении к германцам вряд ли было до конца искренним и продиктовано подлинной заботой об интересах римского народа. Скорее всего им двигала личная неприязнь к Цезарю. Однако то, что Цезарь, способный на удивительное великодушие к врагам, мог проявлять к ним исключительную жестокость, не подлежит никакому сомнению. Во время галльской кампании он не раз давал такие примеры. Особенно беспощаден он был с племенами, проявившими

вероломство и нарушившими договорные обязательства.¹⁰

После побед над гельветами, венетами, германцами и другими галльскими племенами взор Цезаря обратился к Британии. Этот остров служил постоянным убежищем для галльских мятежников, а его жители усиленно разжигали ненависть галлов к римлянам. Цезарь решил проучить британцев и напасть на их остров, считая полезным хотя бы только вступить на него. Для экспедиции в Британию у него уже был флот, хорошо послуживший ему в войне с венетами. Он отдал приказ плыть кораблям до Ития и там, невзирая на неблагоприятное для морского переезда время года (лето подходило к концу), погрузился на них с двумя легионами и частью конницы.

Британцы уже поджидали Цезаря на своем берегу. Военные галеры римлян приблизились к острову на расстояние, достаточное для метания копий и начали обстрел врага. Одновременно с транспортных судов, остановившихся в зоне, недостижимой для стрел противника, высаживался прямо в воду — глубина в том месте не препятствовала этому — десант легионеров. Не выдержав натиска римлян, британцы отступили вглубь острова. Полностью воспользоваться победой Цезарь, однако, не смог из-за нехватки конницы. Этот поход длился всего три недели и был скорее всего разведкой.

Летом следующего, 54 г. Цезарь сделал еще одну попытку завоевать Британию. Предварительно он усилил свой флот, доведя его численность до 800 кораблей. Теперь на британский берег высадились 5 легионов и 4 тысячи всадников. Но ожидаемого успеха римляне не достигли и на этот раз. Пришлось Цезарю обратиться к дипломатии. Он заключил соглашение о союзе с некоторыми из местных вождей, ослабив тем самым единство варваров. Благодаря такой тактике ему удалось через несколько недель одержать важную военную победу и заключить с британцами договор о мире. Предусматривалась, в частности, выплата Риму дани, на что, впрочем, Цезарь не особенно рассчитывал. Этот пункт договора так и остался мертвой буквой.

¹⁰ Авл Гиртий упоминает о приказе Цезаря отрубить руки всем защитникам мятежного города Укселлодуна, но сохранить им жизнь в назидание другим варварам (Гирт. Галл. война, 8, 44). Впрочем, этот факт никакими иными свидетельствами не подтверждается.

Цезарь прекрасно понимал, что покорить остров, как он того желал, ему не удалось, и что вся затея с переправой в Британию обернулась для него напрасной тратой сил. Во всяком случае оставаться на острове еще дольше он не мог. В Галлии местные племена, несмотря на то, что многие их вожди находились у римлян в качестве заложников, пришли в движение, в связи с чем срочно потребовалось присутствие Цезаря на континенте. Хотя воинские ресурсы римлян в Галлии были к тому времени довольно значительны, Цезарь никогда на этот счет не обольщался, ведь он хорошо знал, что его легионов недостаточно для того, чтобы полностью контролировать необъятную территорию Галлии.

Можно сказать, что только сейчас, по прошествии пяти лет пребывания в Галлии, Цезарь вплотную подошел к самой трудной части своего предприятия по покорению галльских племен. С присущей ему стремительностью и неожиданностью действий он переправился на материк и, застав галлов врасплох, подверг их жестокому наказанию. Безжалостно притесняя и грабя местное население, завоеватели еще больше восстановили его против себя. Вот теперь началось подлинное пробуждение галлов, которые стали спланиваться для совместной борьбы с римлянами.

Вспыхнув, пламя восстания мгновенно охватило всю страну. Начало было положено белгами. Их вождь Амбиориг подбил к неповиновению римлянам северные племена, которые были поддержаны нервиями. Восставшие напали на зимний римский лагерь,¹¹ возглавляемый двумя легатами Квинтом Титурием Сабиним и Луцием Аврункулеем Коттой, и полностью уничтожили его. Одновременно было атаковано римское войско под командованием Квинта Туллия Цицерона, младшего брата оратора, которое дислоцировалось в области нервиев. Под ударами нервиев легион оказался на краю гибели. Спас положение Цезарь. Он пришел Цицерону на помощь и усмирил восставших. Казалось, в Галлии удалось установить мир.

Однако мир оказался непрочным. Среди галлов нашелся человек, который с большим успехом продолжил

¹¹ Следует различать обыкновенный лагерь, который разбивался после каждого дневного перехода, и постоянный лагерь, который строили на зиму. Последний представлял собой довольно сложное сильно укрепленное сооружение, окруженное рвом и валом.

дело, начатое Амбиоригом. Это был знатный юноша по имени Верцингеториг. Он обладал качествами выдающегося вождя и присущей варварам жестокостью. Вот что пишет о нем сам Цезарь: «Чрезвычайная энергия соединяется у него с чрезвычайной строгостью военной дисциплины: колеблющихся он подвергает большим наказаниям, за крупные преступления приказывает сжигать и казнить всевозможными пытками, за легкие проступки обрезать уши или выкалывать один глаз и в таком виде отправлять на родину, чтобы наказанные служили упреком для остальных и своей тяжелой карой внушали им страх» (Цез. Галл. война, 7, 4). Благодаря столь суровым мерам Верцингеториг за короткое время сумел объединить разобщенные между собой племена галлов и создать дисциплинированное войско, с помощью которого он замыслил захватить не только Заальпийскую Галлию, но даже саму Италию.

Цезарь, понимая, какая опасность для римлян исходит от мероприятий, проводимых Верцингеторигом, не мешкая организовал оборону Нарбона, укрепленного центра Провинции, после чего двинулся к римским легионам, расквартированным в северной части страны. Ему удалось обмануть галлов, прорваться через их заграждения, достичь своей штаб-квартиры и организовать массированное наступление против армии Верцингеторига.

Преодолев ряд трудностей, Цезарь овладел хорошо укрепленным городом Авариком. Но несколько недель спустя этот успех был сведен на нет неожиданным и тяжелым поражением римлян у Герговии, где они потеряли в бою около 700 солдат и 46 центурионов (там же, 7, 51). Здесь Верцингеториг совершил первую серьезную ошибку. Он приказал своей коннице напасть на отступающее римское войско. Нападение было отбито. Эта неудача совершенно деморализовала галлов: они отступили и не останавливались до тех пор пока не достигли Алезии, где были сосредоточены большие запасы продовольствия и возведены надежные стены.

Цезарь, подойдя к городу, окружил его мощными наступательными и оборонительными укреплениями, ведь, готовясь атаковать осажденного в Алезии Верцингеторига, он одновременно должен был защищаться от войска галльского ополчения, пришедшего на помощь укрывшимся в Алезии соплеменникам и насчитывавшего

более 200 тысяч воинов. Таким образом, Цезарь, осадив Алезию, сам оказался окруженным галлами.

Сражение при Алезии в 52 г. было самым ожесточенным из всех сражений, которые Цезарь дал в Галлии. После целого дня стычек натиск воинов Верцингеторига, вышедших из стен города на штурм римских укреплений, ослабел, и римляне начали наступление на линию галльского ополчения. Атака завершилась полной победой римлян и беспорядочным бегством галлов.

Через день Верцингеториг сложил оружие и сдался Цезарю. Хотя до полного усмирения Галлии было еще далеко, галлы не смогли оправиться от удара, нанесенного Цезарем, и восстание, потеряв остроту, пошло на спад.

Итоги девятилетних военных действий Цезаря в Галлии подводит Плутарх: более 800 городов взято штурмом, покорено 300 племен,¹² миллион человек уничтожено, столько же взято в плен. В общей совокупности Цезарю пришлось сражаться с тремя миллионами людей (Плут. Цез., 15). Завоеванная территория охватывала площадь в 500 тысяч квадратных километров.

Цезарь приобрел славу выдающегося полководца, соперничая в ней с самим Помпеем. Его популярность среди воинского сословия необыкновенно возросла. «Он пользовался такой любовью и преданностью своих воинов,— замечает античный историк,— что даже те люди, которые в других войнах ничем не отличились, с непреодолимой отвагой шли на любую опасность ради славы» (там же, 16).

Всякий, кто задумается над причиной военных успехов Цезаря в Галлии, непременно придет к заключению, что главная заслуга принадлежит самому Цезарю. В галльских войнах в полной мере проявились его замечательные способности талантливого военачальника, умелого организатора, расчетливого политика и дипломата, человека, наделенного личной храбростью, прозорливостью и любовью к солдатам. Вместе с подчиненными он переносил все трудности походной жизни, решительно бросался навстречу любой опасности, в бою личным примером увлекал за собой воинов.

Легионерам нравилось, что многих ветеранов Цезарь знал в лицо и помнил их имена, что он обращался

¹² Аппиан говорит, что Цезарь покорил до четырехсот племен (Апп. Гр. войны, 2, 150).

к ним не просто «воины», а ласково — «соратники» и щедро раздавал им почести и подарки. Им было по душе, что захваченные у врагов богатства он объявлял общим достоянием римского войска, а за собой, как им казалось, оставлял лишь право распределять их между отличившимися в боях.

Справедливый, внимательный и заботливый по отношению к подчиненным, Цезарь никогда не изнурял их бессмысленной муштрой и пустыми занятиями. Если поблизости не было неприятеля, он позволял солдатам немного расслабиться и отдохнуть, а иногда, после удачных сражений, вообще освобождал их от всех обязанностей. Правда, время от времени, особенно в непогоду и в праздники, он устраивал ложные тревоги, чтобы проверить дисциплинированность и дееспособность легионов. Но в случае даже малейшей опасности он требовал от солдат беспрекословного подчинения и готовности выступить по первому его знаку.

Особую заботу Цезарь проявлял о внешнем виде своих воинов и охотно награждал их оружием, украшенным золотом и серебром. При этом он преследовал несколько целей сразу: выделить отличившихся, украсить их экипировку, — и, самое главное, заставить солдат в сражении крепче держать подаренное оружие.

Когда Цезарь в «Записках о галльской войне» говорит, что жизнь подчиненных для него дороже личных интересов, ему можно верить (Цез. Галл. война, 7, 19). Он искренне любил своих солдат. Узнав о гибели пятнадцати когорт под командованием Котты и Сабина, он так тяжело переживал случившееся, что отказывался стричь волосы и брить бороду до тех пор, пока не отомстил галлам за гибель римских легионеров (Свет. Бож. Юлий, 67).

За заботу легионеры платили Цезарю своей преданностью и любовью. Однажды во время изнурительных осадных работ под Авариком, когда солдаты в течение многих дней не видели хлеба, Цезарь обратился к ним с предложением снять осаду города, от чего все они решительно отказались. За всю галльскую кампанию ни один солдат не дезертировал из его легионов, что само по себе явление чрезвычайно редкое.

Людей, знавших Цезаря, удивляла не столько его исключительная храбрость, сколько его невероятная выносливость. «Всех поражало,— пишет Плутарх,— как

он переносил лишения, которые, казалось, превосходили его физические силы» (Плут. Цез., 17). Это свойство Цезарь постоянно развивал в себе беспрестанными переходами, скудным питанием, ежедневными упражнениями во владении оружием и конем.

Лошадей Цезарь любил с детства и очень дорожил своим конем, заботливо оберегая его от всяких случайностей. Он сам выходил и объездил коня, который никого не подпускал к себе, кроме своего хозяина.¹³

В походе Цезарь всегда шел впереди войска, обычно пеший, лишь изредка ехал верхом, в любую погоду с непокрытой головой. Реки он преодолевал вплавь или с помощью надутых мехов. В тех случаях, когда он ехал в повозке, он делал по сотне миль (около 150 км) в день. Благодаря такой стремительности он часто опережал вестников о себе.

В Галлии Цезарь не изменял умеренному образу жизни, оставаясь крайне неприятельным во всем, что касалось его бытовых удобств. О непривередливости Цезаря в еде рассказал его друг и биограф Гай Оппий. Как-то в Медиолане Цезарь с друзьями был приглашен на обед, на котором была подана спаржа, приправленная по недосмотру несвежим оливковым маслом. Все приглашенные выразили недовольство и отказались от угощения. Лишь один Цезарь, чтобы не смутить хозяина, невозмутимо и спокойно ел это блюдо, причем даже больше обычного (Плут. Цез., 17; Свет. Бож. Юлий, 53).

К друзьям Цезарь был неизменно добр, внимателен и шел ради них на любые жертвы. Однажды в пути он со своими спутниками оказался застигнут непогодой. Наткнувшись на бедную хижину всего лишь с одной комнатой, Цезарь уступил ее внезапно заболевшему Гаю Оппию, а сам улегся спать на голой земле под открытым небом.

В отношении галлов, настроенных к римлянам враждебно, Цезарь был предельно осторожен. Он никогда не принимал решений, предварительно не разузнав о неприятеле все, что ему казалось необходимым о них знать. От предприятий, успех в которых представлялся ему сомнительным, он старался воздерживаться. Но

¹³ Рождение лошади Цезаря историк Дион Кассий относит к 60 г. (Dio Cass. Hist. Rom., 37, 54). Незадолго до своей смерти Цезарь поставил ее статую перед храмом Венеры-прародительницы (Свет. Бож. Юлий, 61; Plin. Nat. hist., 8, 44, 155).

когда возникала потребность в риске, Цезарь преобразился и становился отчаянно смелым. Однажды он, переодевшись в галльское платье и подвергая себя смертельной опасности, пробрался через неприятельские заслоны к своим легионам.

Чрезвычайно дорожа каждой минутой он, чтобы не прекращать движения войска в походе, часто спал на повозке или носилках. Даже часы отдыха он старался использовать для дела. Рядом с ним всегда находился раб, который при необходимости записывал под его диктовку. По свидетельству Гая Оппия, Цезарь мог ехать на коне и диктовать письма одновременно двум и даже еще большему числу писцов (Плут. Цез., 17). Возвращаясь весной 54 г. из Предальпийской Галлии,¹⁴ во время перехода через Альпы Цезарь ухитрился написать грамматический трактат в двух книгах «Об аналогии».

Он никогда не допускал в своем поведении самоуверенности и заносчивости. Чувство своего превосходства, всегда разумно взвешенное, не заслоняло от его пронизательного взора достоинств других людей, даже если ими были галлы, его личные или политические враги. Разъезжая по Галлии, Цезарь внимательно присматривался к местным обычаям и нравам. Его интересовало абсолютно все: образ жизни галльских племен, их государственный строй, общинная организация, экономика, религиозные воззрения, система ведения войны, вооружение, тактика боя, взаимоотношения различных племен Галлии и их чувства к Риму.

Географические, этнографические и другие сведения, полученные Цезарем из различных источников, а также в результате личных наблюдений, вошли в состав его «Записок о галльской войне», в которых он сообщает, в частности, о местоположении Галлии и границах отдельных племен, о течении рек Мосы и Рейна, о животных, населяющих Геркинский лес, о нравах нервиев, свебов, британцев, галлов, германцев и еще многое другое. Например, в кратком очерке о местоположении и нравах британцев содержатся указания о климате Британии, полезных ископаемых, флоре, фауне, плотности населения острова, культурном уровне жителей, их

¹⁴ Зимой Цезарь обычно не вел военных действий, легионы он отправлял на зимние квартиры, а сам уезжал в Италию.

внешнем виде, образе жизни, семье, привычках (Цез. Галл. война, 5, 12—14).

Нравы галлов и германцев Цезарь рассматривает в сопоставлении, обращая внимание на социальную структуру и систему общественного управления, на верования и религиозные церемонии. Так, одной из причин бесстрашия галлов он считает их веру в бессмертие души, устраняющую страх смерти и возбуждающую тем самым храбрость.

Диапазон интересов Цезаря необычайно широк. Он подробно пишет о богах, образе жизни и пище германцев. С детства привычные к суровому труду германцы проводят свою жизнь в охоте и войнах. Пищей им служит молоко, сыр, мясо. Земельная собственность у них отсутствует, благодаря чему устранена основа для социального расслоения и раздоров. От внимания Цезаря не ускользает гостеприимство германцев, характер их судопроизводства, власть во время войны и в мирное время.

В этих экскурсах Цезарь предстает как умелый бытописатель и тонкий аналитик. Круг вопросов, которыми он интересуется, характеризует его как человека высокой и разносторонней культуры. Мы не всегда можем сказать с точностью, какие именно уроки извлекал для себя Цезарь из приводимых им сведений. Не исключено, что часто им двигало просто человеческое любопытство к миру новому и необычному. Жажда открытий, присущая Цезарю с юношеских лет, явилась, возможно, одной из причин его вторжения за Рейн и в Британию.

Вне всякого сомнения, он открыл римлянам неведомый им доселе мир, ведь, как уверждает Плутарх, многие писатели вообще сомневались в существовании такого острова, как Британия, считая рассказы о нем сплошной выдумкой (Плут. Цез., 23; ср. Свет. Бож. Юлий, 25). Цицерон, выступая как-то в римском сенате, отметил, в частности, что донесения и посланцы Цезаря изо дня в день радуют его слух новыми названиями племен, народов, местностей: «Наш император, наше войско, оружие римского народа проникли в такие страны и к таким племенам, о которых мы дотоле не знали ничего — ни из писем, ни из устных рассказов, ни по слухам» (Циц. О конс. пров., 13, 33; 9, 22).

Конечно, не только из праздного любопытства изучает Цезарь общественное устройство варваров, их обычаи

и опыт ведения войны. Эти данные были нужны ему, чтобы успешнее вести дела в Галлии. Одновременно он присматривался ко всему, что могло пригодиться ему в будущем, причем не только в завоеванных римлянами провинциях, но и в самой Италии.

Анализируя причины воинственности галлов, их успехов и поражений, Цезарь стремится к полному охвату как объективных факторов, так и частных мотивов и побуждений, учитывая при этом привычки и личные качества отдельных галльских вождей. Он отмечает даже такой курьезный факт, как презрение рослых галлов к небольшому росту римлян. Говоря же об исключительной храбрости германцев и их опытности во владении оружием, Цезарь подчеркивает, что им очень мешает чрезмерное суеверие.

О характерных свойствах галлов в «Записках» Цезарь говорит постоянно, обращая внимание не только на слабости и недостатки, но и на качества, достойные подражания. Прирожденные черты характера галлов — вспыльчивость и необдуманность действий. Они заставляют их верить в выдумки и принимать пустые слухи за несомненную истину. Падкие на все новое и склонные ко всяким переменам, галлы очень быстро поддаются подстрекательству к войне. Им присуща склонность поспешно и внезапно принимать решения. Они слабохарактерны, хвастливы и непривычны к работе. «Насколько галлы, — пишет Цезарь, — бодро и решительно начинают войну, настолько же они слабохарактерны и нестойки в перенесении неудач» (Цез. Галл. война, 3, 19).

Однако смысленность галлов и их необычайная способность перенимать и воспроизводить все, чему учат другие, вызывают у него искреннее уважение. Он отдает должное нервиям, которые научились у римлян строить укрепления и воздвигать башни. А о наездническом искусстве германцев и британцев Цезарь пишет не только с восхищением, но и с явным удовольствием.

Подчеркивая военное, экономическое и культурное превосходство римлян над галлами, Цезарь вынужден признать, что культурная и утонченная жизнь римской Провинции с ее центром городом Массилией оказывает на живущих поблизости галлов разлагающее влияние, чему в значительной степени способствуют купцы и их

товары, которые избаловывают людей, делают их слабыми и крайне чувствительными к лишениям.

Одной из причин необычайной храбрости нервиев Цезарь считает строжайший запрет на доступ к ним купцов и ввоз вина и предметов роскоши, изнеживающих душу и ослабляющих храбрость. Очень неохотно допускают к себе купцов и свебы, которые категорически запрещают ввозить к себе вино, так как, по их мнению, оно изнеживает человека и делает его неспособным переносить лишения.

В целом к купцам Цезарь относится отрицательно. Они распространяют рассказы и слухи, вредные как для римлян, так и для галлов: римское войско деморализуют, галлов вынуждают принимать опрометчивые решения. Когда же Цезарь, готовясь к экспедиции в Британию, обратился за помощью к купцам и попытался получить у них сведения о величине острова, народностях, его населяющих, их численности, государственном устройстве, способе ведения войны и гаванях, то не смог узнать от купцов ничего вразумительного.¹⁵

Усмирив Галлию, Цезарь не жалел труда, чтобы укрепить позиции римлян на завоеванных им землях. Планомерно осуществляя политику романизации Галлии, он всячески поощрял изучение галлами латинского языка. Немало знатных галлов Цезарь привлек на свою сторону тем, что охотно дарил им земли и рабов, но главным образом тем, что значительному количеству даровал права римского гражданства.

Деятельность Цезаря в Галлии у многих в Риме вызывала чувство восхищения. Дань его заслугам отдал Цицерон, выступив в мае 56 г. в сенате за продление срока наместничества Цезаря в Галлии, истекавшего в начале 54 г. Победам Цезаря посвятили свои восторженные поэмы Марк Фурий Бибакул и Публий Теренций Варрон Атацинский.¹⁶ По случаю побед Цезаря сенат трижды назначал в Риме длительные благодарственные молебствия: в 57, 55 и 52 гг.

Цицерон, хотя считал Цезаря главным виновником своего изгнания из Рима, так объясняет причину своего примирения с Цезарем: «Могу ли я быть врагом тому,

¹⁵ У Цезаря были все основания не любить купцов, ведь благодаря им в Риме распространился слух о его связи с царем Никомедом.

¹⁶ Первый из названных поэтов написал поэму «Анналы», второй — «Секванская война», о кампании Цезаря против Ариовиста в 58 г.

чьи письма, молва о нем и курьеры ежедневно поражают мой слух неслыханными доселе названиями племен, народностей и местностей? Я пылаю, поверьте мне, чрезвычайной любовью к отечеству, и эта давнишняя и вечная любовь к отечеству сводит меня с Цезарем, примиряет с ним и заставляет возобновить наши добрые отношения» (Циц. О конс. пров., 9, 22—23).

Однако у правящей сенатской олигархии успехи Цезаря в Галлии вызывали очень сильное беспокойство. Несмотря на отсутствие в столице, влияние Цезаря в Риме постоянно возрастало, что хорошо понимали его политические враги, которые не раз пытались отнять у него военную власть. В сенате раздавались голоса с требованием лишить Цезаря его войска, а его самого привлечь к суду. Однажды даже было принято постановление создать сенатскую комиссию для расследования положения в Галлии. О предложении Катона выдать Цезаря германцам уже говорилось выше.

В Риме появилось множество памфлетов и эпиграмм, направленных против Цезаря. Лициний Кальв, Гай Меммий, Катулл и другие поэты упражнялись в бранных стихах в адрес Цезаря.

Цезарь лишь изредка выражал свое неудовольствие, да и то только по поводу наиболее злых нападок. Особенно его заделали стихи Гая Валерия Катулла. Но когда поэт принес ему свои извинения, он тут же простил его и пригласил вместе отобедать. Насколько можно судить, Цезарь вообще был незлопамятен и умел легко забывать личные обиды. Чувство мести было чуждо его натуре. Так, несмотря на язвительные стихи Катулла, он никогда не прекращал поддерживать дружеские отношения с его отцом.¹⁷

Злые языки нашептывали, что в Британию он вторгся будто бы в надежде найти там жемчуг, к которому он — что правда, то правда — испытывал слабость и нередко любовался красивыми жемчужинами, перекачивая их на ладони. Ему ставили в вину, что и в Галлии он не изменил своим привычкам и не отставал от чужих жен. Его обвиняли в грабительстве, в том, что он ради наживы разорял галльские храмы и города... Действи-

¹⁷ Историк Тацит высоко оценил этот поступок Цезаря, усматривая в нем и терпимость и мудрость. «Ведь оставленное без внимания, — пишет он, — забывается, тогда как навлекшее гнев кажется справедливым» (Тац. Анн., 4, 34).

тельно, в Галлии обогатился не только сам Цезарь, но и его офицеры и даже солдаты. Золота оказалось в Риме столько, что оно упало в цене, стоило меньше серебра и распродалось на вес.

Богатую добычу, захваченную в Галлии, Цезарь употребил на подарки эдилам, преторам, консулам и их женам, чем приобрел расположение многих из них. Он одаривал людей самых разных сословий: сенаторов, всадников, вольноотпущенников и даже рабов, если они пользовались особым расположением своих хозяев. Он был щедр на услуги как в частных, так и в общественных делах. На деньги от военной добычи он возводил великолепные постройки в крупнейших городах Италии, Галлии, Испании, Азии и Греции. В Риме он приступил к строительству форума, одна только земля под который обошлась ему в 100 миллионов сестерциев.

Цезарь устраивал в столице различные зрелища, гладиаторские игры и пиры, завоевывая этим любовь простых людей. Многих знатных римлян, запутавшихся в сомнительных делах, он поддержал и выручил, приобретя в их лице верных сторонников.¹⁸ Наконец, он разослал в различные части света тысячи пленников в подарок царям и высокопоставленным особам в провинциях. «Таким образом, — пишет древний историк, — действовал он в течение всей войны: то побеждал врагов оружием сограждан, то овладевал самими гражданами при помощи денег, захваченных у неприятеля» (Плут. Цез., 20).

О возросшем могуществе Цезаря и его громадном влиянии на политику Рима свидетельствует тот факт, что в апреле 56 г. к нему в город Луку (северная Этрурия) приехали на встречу не только коллеги по триумвирату Помпей и Красс, но и более 200 сенаторов и должностных лиц, одну только свиту которых составляли 120 ликторов. Люди самых разных рангов, консулы и преторы, мужчины и женщины устремились на эту неофициальную встречу триумвиров, союз которых был укреплен, а права еще больше расширены. Цезарю был продлен срок управления Галлией еще на 5 лет с последующим правом на консульство на 48-й год. Помпей и Красс должны были стать консулами в 55 году,

¹⁸ Например, Гая Куриона, который прославился своими нападками на Цезаря. Чтобы привлечь Куриона на свою сторону, Цезарь возместил его долги на сумму в десять миллионов сестерциев.

по истечении срока консульских полномочий они получали в управление провинции: Помпей — Испанию. Красс — Сирию.

Однако после завершения консульских обязанностей Помпей в Испанию не уехал и управлял провинциями через своих легатов. В Италии его удерживала страстная любовь жены Юлии, дочери Цезаря, которая к тому же ждала ребенка. Несмотря на большую разницу в возрасте, Юлия была нежно привязана к своему супругу. Но в сентябре 54 г. случилось непоправимое несчастье. При родах Юлия умерла, через несколько дней скончался ребенок. Цезарь, незадолго до этого переживший смерть своей горячо любимой матери Аврелии, находился в то время в Британии. О смерти дочери и внука он узнал, лишь вернувшись в Галлию, где его ждало письмо с этой скорбной вестью.

Со смертью Юлии родственные узы между Цезарем и Помпеем распались. А после того как в следующем, 53 году, в парфянском походе погиб Красс, перестал существовать и «союз трех».

Глава четвертая

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

(49—48 гг.)

Он столкнулся с лучшими современными ему полководцами, со многими большими войсками, уже не варваров, а римлян, которые были на высоте счастья и удачи.

Аппиан

Свое 50-летие Цезарь встретил в обстановке крайне неблагоприятной для себя. Если в Галлии ситуация в целом стабилизировалась, то в Риме она складывалась далеко не в его пользу. Связь с Помпеем, ослабевшая со смертью Юлии, после гибели Красса грозила оборваться совсем. В январе 52 г. в Риме был убит вождь городского плебса Клодий. Помпей, усиленно искавший сближения с сенатской аристократией, опасаясь экстремизма Клодия, который стал совершенно неуправляем, с помощью Цицерона нашел человека, способного ему противостоять и до какой-то степени нейтрализовать его действия. Этим человеком был народный трибун 57 г. Милон, сторонник сената, претендовавший в то время на должность консула.

В определенном смысле этот выбор оказался удачным. Милон и Клодий стояли друг друга. Состязаясь между собой в гнусностях и хулиганских выходках, они терроризировали население столицы. В Риме нередко происходили вооруженные столкновения между их отрядами. Даже Помпей не мог считать себя в полной безопасности и иногда в течение нескольких дней не выходил из дома. В одной из уличных стычек между враждующими отрядами Клодий был убит рабами Милона, лично руководившего этой акцией. Взятый на себя защиту Милона в суде, Цицерон процесс проиграл и его подопечный был вынужден удалиться в изгнание.

Убийство Клодия привело в Риме к смуте и беспорядкам. Возбужденная толпа устроила убитому погребальный костер на Форуме прямо в здании Гости-

лиевой курии, где обычно происходили сенатские заседания. В огонь летело все, что только могло гореть: доски, скамейки, кресла сенаторов. В результате возник пожар. Сгорела не только сама курия, но и близлежащие строения.¹

Сенат объявил чрезвычайное положение в государстве и вопреки существующим обычаям назначил Помпея консулом без коллеги, то есть фактическим диктатором. Получив в свои руки огромную власть, Помпей среди прочих законов провел закон о магистратурах, исключавший заочное выдвижение кандидатур на консульских выборах. Правда, по предложению трибунов, в нем предполагалось сделать оговорку, что это требование не должно распространяться на Цезаря. Однако Помпей «по забывчивости не сделал исключения даже для Цезаря, исправив эту ошибку лишь тогда, когда закон был уже вырезан на медной доске и сдан в казначейство» (Свет. Бож. Юлий, 28).

В том же 52 году Помпей женился на Корнелии,² дочери Квинта Метелла Сципиона, который был настроен к Цезарю крайне враждебно. В августе Помпей сделал тестя своим коллегой по консульству на оставшиеся 5 месяцев.

Позиции Цезаря в столице пошатнулись. Политические противники делали все, чтобы подорвать его авторитет среди римского населения и весьма преуспели в этом, спекулируя прежде всего на провале (по существу, так оно и было) его экспедиции в Британию. Пользуясь неблагоприятной для Цезаря ситуацией, Катон в своих выступлениях перед сенатом настаивал на том, чтобы по истечении галльских полномочий против Цезаря были приняты самые суровые меры.

В тот момент Цезарь еще надеялся, что на консульских выборах в 49 г. он будет избран консулом на 48 г. Установленный законом десятилетний промежуток между первым и вторым консульством он выждал и полагал, что как проконсул и наместник провинции имеет полное право внести свою кандидатуру в списки для консульских выборов заочно, тем более что в свое

¹ В середине I в. н. э. на месте сгоревшей Гостилиевой курии была построена новая, Юлиева, курия.

² Корнелия — вдова погибшего в войне с парфянами Публия, сына Красса.

время это не вызвало никаких возражений. Он рассчитывал, что тем временем ему будет продлен срок наместничества в Галлии.

Цель Цезаря абсолютно ясна. Ему не хотелось возвращаться в Италию частным человеком. «Он был убежден — и это часто от него слышали,— что теперь, когда он стал первым человеком в государстве, его не так легко столкнуть с первого места на второе, как потом со второго на последнее» (Свет. Бож. Юлий, 29). Цезарю нужны были гарантии, что после своего возвращения в Рим он будет огражден от нападков враждебной партии и не будет привлечен к судебной ответственности за свои неконституционные действия в Галлии. Должность консула такую защиту ему давала.

Сенат вовсе не был настроен усиливать позиции Цезаря в Риме и начал с того, что не продлил ему командование войсками в Галлии. Цезарь, еще надеясь достичь с сенатом согласия, в конце 50 г. перебирается в Предальпийскую Галлию в город Равенну, чтобы к моменту консульских выборов быть ближе к Риму. Приезд Цезаря в Равенну еще больше разжег политические страсти в столице и дал повод злопыхателям обвинить его в желании захватить единоличную власть в Риме. Действия Цезаря были расценены как подготовка к агрессии.

Консервативно настроенным сенаторам, которые уже давно оказывали давление на Помпея, удалось, наконец, убедить его открыто объединиться с ними против Цезаря. Почувствовав свою силу, сенат приказал Цезарю в течение установленного срока сложить оружие и сдать свои полномочия преемникам, посланным в Галлию. Так как Цезарь соглашался распустить свое войско лишь при условии, что и Помпей сделает то же самое, последовало сенатское постановление о том, что республика объявляется в опасности. Помпею было поручено произвести набор войска в Италии. Народные трибуны Марк Антоний и Квинт Кассий Лонгин, наложившие на это решение сената свое вето, были вынуждены, переодевшись рабами, спасаться бегством к Цезарю.

Рим наполняется солдатами и добровольцами-ветеранами, прибывшими из легионов Помпея, который не скупится на щедрые обещания. Помпею явно хотелось довести дело до войны. Рассчитывая на свой авторитет, военный опыт и популярность среди широких народных

масс, он уверяет сенат в том, что у него наготове 9 легионов и что война с Цезарем ему не страшна.

Со своей стороны Цезарь всеми силами стремится избежать вооруженного столкновения и уладить конфликт с сенатом мирным путем. Но все его попытки компромисса провалились. Цезарю было над чем задуматься. В тот момент у него под рукой находилось около 5 тысяч легионеров³ и не более 300 всадников. Основные силы оставались за Альпами, куда он уже отправил своих легатов с приказом вести легионы в Италию. Полагая, что в сложившихся обстоятельствах отвага и стремительный удар могут сделать гораздо больше, чем многочисленное войско, он принял решение не ждать подкрепления и назначил для выступления день — 11 января 49 г.

Весь этот день Цезарь старался быть у всех на виду. Наблюдал за упражнениями гладиаторов, советовался относительно гладиаторской школы, которую он планировал построить в Равенне,⁴ прогуливался с друзьями. Ближе к вечеру он принял ванну, после чего направился на ужин, где его уже ждали многочисленные гости. Некоторое время он пировал и развлекался вместе со всеми. Когда окончательно стемнело, извинившись перед ничего не подозревавшими гостями и попросив их не расходиться до его возвращения, он вышел наружу к ожидавшей его там наемной повозке, запряженной мулами с соседней мельницы. Немногие доверенные друзья, посвященные в его план, вышли вслед за ним, но не все сразу, а поодиночке, чтобы не привлекать к себе внимания. Вначале они для отвода глаз поехали в противоположную сторону, затем повернули к Рубикону, речке, отделявшей Предальпийскую Галлию от собственно Италии, и там догнали тайно посланные вперед когорты.

Здесь, на границе с Италией, Цезарь погрузился в глубокое раздумье. Им овладели сомнения, которыми он поделился с находившимися рядом друзьями. При мысли о наступающей минуте и дерзости своей затеи он заколебался. «Он понимал, началом каких бедствий для всех людей будет переход через эту реку и как оценит этот шаг потомство. Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он

³ Это были солдаты 13-го легиона.

⁴ К тому времени у Цезаря уже была одна гладиаторская школа в Капуе.

произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: „Пусть будет брошен жребий!“ — двинулся к переходу» (Плут Цез., 32).

Задолго до рассвета он ворвался в город Аримин и, прежде чем кто-либо успел разобраться в происходящем, без шума и кровопролития занял его. Затем, захватывая один за другим города, попадавшие на его пути, многие из которых сами открывали перед ним ворота, он, все еще не теряя надежды на личную встречу с Помпеем, достиг центральной Италии и приблизился к столице.

Население Рима замерло в ожидании. Все взоры были обращены на Помпея. Римляне уже давно прониклись к нему глубокой симпатией и верили в его непобедимость. Помпея было за что любить. Он обладал многими привлекательными качествами: честностью, быстрой сообразительностью, твердостью ума, умением сдерживать свои чувства, неприхотливостью. Особое восхищение вызвала у всех его воинская доблесть, которой отдавал дань даже скупой на похвалы Сулла. Несмотря на молодость Помпея, Сулла вставал и обнажал голову, когда тот входил,— честь, которой Сулла удостаивал немногих из людей.

Выходец из всаднического сословия, Помпей был обладателем обширных земельных владений в Пицене.⁵ С детских лет он был приучен к умеренности деревенского быта и всегда отличался простым и скромным образом жизни. Дошедшие до нас скульптурные портреты Помпея хорошо передают характер этого человека. В них схвачена его главная черта — замкнутость в сочетании с крестьянской хитростью. Общее выражение сосредоточенности ничуть не портит его довольно приятной внешности. Широкий лоб, крупный нос, круглый подбородок, глубокие складки у рта запоминаются с первого взгляда. По свидетельству древних, у Помпея были мягкие, откинутые назад волосы и живые, блестящие глаза. С виду угрюмый, он умел быть приветливым и обходительным, особенно с женщинами (Плут. Помп., 2).

Очень любили Помпея в солдатской среде, где ценились прежде всего его опыт полководца, осмотрительность

⁵ Пицен — область в средней Италии, примыкающая к побережью Адриатического моря.

и личная храбрость. И все же Помпей никогда не знал тех счастливых вспышек внезапного озарения, которые изведаль в своей жизни Цезарь, одаренный редкостным умением находить единственно правильное решение даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Со временем у Помпея развились такие качества, как неумеренное честолюбие и непомерная жажда власти. Самомнение овладело им настолько, что он уже ни во что не ставил возможности и силы Цезаря. Отбросив присущую ему осторожность, он, словно в каком-то роковом ослеплении, высмеивал тех, кто страшился Цезаря и войны с ним. «Когда его спрашивали, кто будет сражаться с Цезарем, когда тот пойдет на Рим, Помпей с веселой улыбкой просил не беспокоиться. „Стоит мне только,— говорил он,— топнуть ногой в любом месте Италии, как тотчас же из-под земли появится и пешее и конное войско”» (Плут. Помп., 57).

Но когда Цезарь всего лишь с одним легионом перешел через Рубикон, Помпей оказался застигнутым врасплох и совершенно не готовым вести военные действия. Войска, которым он похвалялся, не было и в помине, а те воины, которых он принялся спешно собирать, не обнаруживали никакого желания сражаться. Пришлось Помпею терпеть насмешки своих приближенных, которые предлагали ему топнуть ногой, чтобы из-под земли появились обещанные легионы.

Войска, на которые в то время Помпей мог рассчитывать, находились частично в Италии (2 легиона были расквартированы в Кампании), частично в Испании (7 легионов). Стремительность продвижения Цезаря к Риму лишила Помпея возможности вызвать легионы в столицу и принудила его отказаться от обороны города. Вместе с консулами и значительной частью сената он спешно оставляет Рим и направляется на юг Италии к Брундизию. Там он принимает решение переправиться на Балканский полуостров.⁶

Все это время Цезарь еще надеялся на мирный исход конфликта и упорно искал личной встречи с Пом-

⁶ Огромным ударом для Цезаря была измена его ближайшего друга и верного помощника в галльских войнах Тита Лабиена, перешедшего на сторону Помпея. Но и здесь Цезарь проявил величие духа, отправив вслед Лабиену его деньги и пожитки.

пеем, считая, что переговоры через посредников не могут быть эффективными. Когда Цезарь подошел к Брундизию, он имел в своем распоряжении уже 6 легионов: 3 — из ветеранов, 3 — из нового набора. Однако помешать Помпею выйти в открытое море он не смог. Девятидневные осадные работы лишь ускорили отплытие помпеянцев в Грецию.

Теперь уже никто не сомневался в том, что гражданской войны не миновать.

Так как для преследования Помпея у Цезаря не было кораблей, ему ничего не оставалось как вернуться в Рим. Там он собрал сенаторов, которые, несмотря на угрозу Помпея считать всех оставшихся в городе своими врагами, столицу все же не покинули и выжидали, как будут развиваться события дальше. Добиться от сенаторов чего-то определенного Цезарю, однако, не удалось. Они отделялись пустыми разговорами и неопределенными обещаниями, а конкретной помощи не предлагали. Медлить больше было нельзя. В Испании собралась огромная армия помпеянцев. Убедившись, что в его отсутствие Риму не будет угрожать опасность низвергнуться в хаос и позаботившись о бесперебойной доставке зерна из Сицилии, куда был отправлен Курион, чтобы сменить там ставленника сената Катона, Цезарь стремительно двинулся на Пиренейский полуостров, где его уже ожидал с 3 легионами легат Гай Фанний.

В Испании Цезарь сосредоточил 6 легионов, помимо вспомогательных войск. Перед тем как начать военные действия против помпеянцев, он совершил чрезвычайно своеобразный и, как оказалось впоследствии, дальновидный поступок, заняв денег у военных трибунов и центурионов и распределив их между солдатами. Цезарь считал, что «этим он выиграл вдвойне: займом он привязал к себе центурионов, а щедростью купил расположение солдат» (Цез. Гр. война, I, 39).

Понимание человеческой психологии и умение воздействовать на солдатские массы в нужном для него направлении всегда характеризовали Цезаря. И тем не менее преданность ему солдат все равно поражает. По свидетельству Светония, еще в самом начале гражданской войны они предложили Цезарю служить добровольно, причем не только без жалованья, но даже без пайка. Заботу о тех, кто победнее, обещали взять на себя более обеспеченные легионеры. Все центурионы выразили го-

товность снарядить по всаднику из собственных сбережений (Свет. Бож. Юлий, 68).

Военные действия в Испании велись в основном на северо-востоке Пиренеев возле города Илерды. Вначале все складывалось не очень удачно для Цезаря. Но вскоре положение резко изменилось. Легаты Помпея Луций Афраний и Марк Петрей, командующие испанскими легионами, оставив укрепленную Илерду, начали отходить к Иберу, реке в Ближней Испании. С помощью искусного маневра Цезарю удалось отрезать противнику путь к отступлению и заставить его вернуться в район Илерды. Здесь помпеянцы были окружены войсками Цезаря. Лишенные возможности пополнить запасы продовольствия и воды, они жестоко страдали от голода и жажды. Продержавшись несколько дней, легионы Афрания и Петрея вынуждены были сложить оружие. Остальное не составило для Цезаря особого труда. Меньше чем в два месяца он имел под своим контролем всю Испанию. Разгромив помпеянцев, Цезарь проявил по отношению к ним исключительную мягкость. Единственное, что он потребовал от них, — разойтись и не поднимать против него оружия. Победенным был предоставлен выбор: присоединиться к войску Цезаря или самостоятельно добираться до Италии.

Таким образом, в течение сорока дней Цезарь разгромил две армии, победил двух полководцев и контролировал две испанские провинции: Ближнюю и Дальнюю Испании.

После того как дела в Испании были завершены, Цезарь поспешил назад в Италию. По пути он взял город Массилию, уже давно осаждаемую его войсками под командованием легата Гая Требония, которому с моря оказывал действенную помощь Децим Брут, возглавлявший флот цезарианцев. Массилийцы сдали Цезарю оружие, флот и общественную казну. Цезарь оставил в городе два легиона, а сам устремился в Рим. В Риме фактически не было никакого правительства. Нужно было срочно восстанавливать хотя бы видимость законности. По настоянию Цезаря был внесен закон, устанавливающий его диктатуру до тех пор, пока не будут проведены консульские выборы. Получив высшую власть в государстве, Цезарь провел выборы на 48 г. таким образом, что сам оказался консулом. Через 11 дней он сложил с себя диктатуру и выступил из Рима.

Теперь все его мысли были устремлены к Греции, где сосредоточил свои войска Помпей, под началом которого в то время было 36 тысяч пехотинцев, 3 тысячи лучников, 1200 пращников, 7 тысяч всадников и флот в 300 кораблей, во главе которого стоял Марк Бибул, заклятый враг Цезаря еще со времен их совместного эдилитета, претуры и консульства. Армия Помпея располагала в большом количестве оружием и боеприпасами. Было налажено бесперебойное снабжение провиантом. Комплектованием и обеспечением армии Помпей занимался лично, причем с большой энергией.

Хотя в то время Помпею было уже 58 лет, физически он оставался все еще крепок и постоянно занимался военными упражнениями: скакал верхом на лошади, фехтовал мечом, а дротик метал так, что немногие из молодых воинов могли превзойти его в точности и силе броска.

Против хорошо оснащенной армии Помпея Цезарь мог выставить около 30 тысяч легионеров. К тому времени он сократил численность своих легионов до 3000—3600 человек. Годовое жалованье солдатам он повысил до 225 денариев, центурионам до 450 денариев, выплачивая его каждые четыре месяца.⁷

Несмотря на усиленное патрулирование вражеских кораблей, переправа в Грецию прошла без особых происшествий. Правда, из-за нехватки судов Цезарь смог перевезти в один прием только 7 легионов. Солдаты в очередной раз продемонстрировали свою преданность любимому командиру. Они все как один откликнулись на просьбу Цезаря оставить в Италии своих рабов и поклажу, чтобы таким образом на кораблях освободилось место для большего количества легионеров. Цезарь был тронут их готовностью выполнить любой его приказ (Цез. Гр. война, 3, 6).

Цезарю удалось высадиться в Эпире, на скалистом мысу Акрокеравний между островом Коркирой, удерживаемым флотом Бибула, и приморским городом Ориком, где находился гарнизон под командованием помпеянца Луция Торквата. Бибул спохватился слишком поздно и смог захватить лишь пустые корабли, отправившиеся за остальными легионами Цезаря. Проклиная себя за

⁷ Еще в самом начале гражданской войны Цезарь выдал своим старым легионерам по две тысячи сестерциев (500 денариев).

оплошность, Бибул в гневе сжег захваченные корабли и лично занялся сторожевой службой, не подпуская Цезаря к морю и гаваням. В свою очередь Цезарь не давал ему возможности пристать к берегу. Морская блокада, которая благодаря неусыпным стараниям Бибула ни на мгновение не ослабевала, требовала от помпеянского флотоводца невероятного напряжения. Чрезмерное усилие, морская сырость и холод в конце концов подорвали его здоровье. Несмотря на тяжелую болезнь, Бибул упорно не хотел покинуть корабли и умер на своем посту.

Тем временем Цезарь занял Орик и еще несколько приморских городов Эпира, жители которых добровольно открыли перед ним ворота. Попытка Цезаря приблизиться к иллирийскому городу Диррахию была пресечена Помпеем. Он успел опередить Цезаря и стал лагерем у реки Апса, закрыв таким образом путь к городу. Цезарю ничего не оставалось как расположиться лагерем на другом берегу реки вблизи города Аполлонии. Все это время он не прекращал попыток вступить в переговоры с Помпеем, надеясь договориться с ним относительно мирных условий и распустить войска. Но все его миролюбивые начинания успеха не имели из-за явного противодействия со стороны помпеянцев. В «Записках о гражданской войне», как ни горько было Цезарю свидетельствовать об этом, он приводит ответ своего бывшего помощника в Галлии Тита Лабиена на мирные предложения: «Так перестаньте же говорить о примирении; никакого мира у нас быть не может, пока нам не доставят головы Цезаря!» (Цез. Гр. война, 3, 19).

Зима уже подходила к концу, а из Брундизия все еще не прибывали корабли с легионами. И Цезарь решается на крайне опасный шаг. Ночью, один, в одежде раба, тайно от всех, он взошел на маленькое суденышко, отплывающее в Брундизий. Это предприятие успеха не имело, так как поднялась буря и кормчий был вынужден повернуть обратно. Но о рискованной затее Цезаря до сих пор напоминают слова, с которыми он обратился к кормчему: «Смелей, ты везешь Цезаря и его счастье!» (Плут. Цез., 38; Свет. Бож. Юлий, 58; Апп. Гр. войны, 2, 57).

Весной Цезарь все же получил подкрепление. Под руководством его легата Марка Антония из Брундизия прибыли долгожданные 3 легиона ветеранов, легион

новобранцев и 800 человек конницы. Преследовавшие Антония корабли Помпея наскочили на скалы и разбились. Узнав о высадке легионов, Цезарь тут же бросился на соединение с ними. Помпей пытался помешать, но тщетно. После долгого маневрирования и ряда стычек войска Цезаря и Помпея заняли исходные позиции. Помпей расположил свои легионы так, чтобы иметь за спиной море, откуда ему подвозили на кораблях продовольствие. Цезарь, отрезав Помпея от Диррахия, стремился зайти сопернику в тыл и запереть его в ущелье. Необычность этого маневра состояла в том, что армия, меньшая по численности, пыталась окружить армию гораздо более многочисленную.

Хотя Цезарь и блокировал армию Помпея, он не смог отрезать ее от моря и лишить бесперебойного снабжения всякими припасами. В отличие от помпеянцев солдаты Цезаря находились в чрезвычайно трудном положении и жестоко голодали, так как весь хлеб в округе был съеден. Однако они проявляли поразительное терпение и изготавливали хлеб, а точнее подобие хлеба, из травы и корней. Когда помпеянцы глумились над их голодом, солдаты Цезаря забрасывали врагов этими хлебцами, крича, что не прекратят осады до тех пор, пока земля родит такие корни. Когда Помпею, желая его порадовать, принесли такой «хлеб», он воскликнул, что с ним дерутся звери, а не люди, и приказал никому этот хлеб не показывать, чтобы его собственные солдаты не пали духом при виде стойкости и бесчувственности неприятеля (Цез. Гр. война, 3, 48; Плут. Цез., 39; Свет. Бож. Юлий, 68; Апп. Гр. войны, 2, 61). В свою очередь, помпеянцы страдали от недостатка пресной воды, так как по приказу Цезаря были отведены все реки и ручьи, впадающие в море, или поставлены на их пути большие плотины (Цез. Гр. война, 3, 49).

Между осажденными и осаждающими постоянно происходили стычки и сражения. Однажды в течение одного только дня в разных местах произошло шесть сражений. Причем на одном из Цезаревых редутов были ранены все без исключения солдаты. По их подсчету, в рудут попало около 30 тысяч стрел. Цезарю показали щит центуриона Сцева: он был пробит в 120 местах. Сцеву Цезарь наградил 2 тысячами сестерциев и повысил в звании, а всем солдатам этой героической когорты выдал в награду двойное жалованье.

Несмотря на героизм солдат, все же настал день, когда Цезарь был вынужден отступить. В середине июля Помпей сделал вылазку, против которой никто не смог устоять. В тот день происходило нечто ужасное. Паника среди цезарианцев была невообразимая. Сам Цезарь едва не был убит. Пытаясь задержать бегущих, он хватался за знамена, но знаменосцы бросали их. Какой-то рослый и сильный солдат, остановленный Цезарем, потеряв от страха рассудок, замахнулся на него мечом. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы подоспевший оруженосец не отрубил ему руку. За один только день Цезарь потерял 960 солдат, 200 человек из конницы и 32 центуриона (Цез. Гр. война, 3, 71).

Помпей, вместо того чтобы развивать успех и врываться в лагерь врага, отозвал свои легионы на прежние позиции. В тот вечер Цезарь сказал друзьям: «Война могла бы быть сегодня закончена, если бы враги имели во главе человека, умеющего побеждать» (Плут. Цез., 39; Помп., 65; Апп. Гр. войны, 2, 62). Нетрудно себе представить, что творилось в душе Цезаря. Закрывшись в своей палатке, он всю ночь пролежал не смыкая глаз, снедаемый мучительной тревогой. Вновь и вновь вспоминал он весь ход почти четырехмесячной осады лагеря Помпея. Нет, он не сетовал на свою несчастливую судьбу, как это нередко бывает в подобных случаях, а с острой горечью сознавал, как неразумно он командует и целая армия страдает по его вине. Ведь вместо того, чтобы заманить Помпея в Фессалию или Македонию, где есть обширные равнины и богатые города, он совершает чудовищную ошибку и ведет военные действия на побережье, терпит затруднения со снабжением, в то время как противник, пользуясь своим господством на море, постоянно получает оттуда поддержку. Что же получается? Осадив врага, он скорее сам находится в положении осажденного (Плут. Цез., 39).

В такой тяжелой ситуации он все же нашел в себе силы не пасть духом, осознать свою стратегическую ошибку и, отказавшись от прежних замыслов, резко изменить весь план войны. Утром на сходке солдаты увидели своего командира, может быть, более чем обычно утомленным, но по-прежнему энергичным и хладнокровным. На спокойном, как прежде, лице они не заметили никаких следов душевного смятения и тягостных ночных раздумий. С величайшей невозмутимостью и твер-

достью Цезарь заявил им, что одно проигранное сражение еще ничего не значит, не следует поддаваться ложному страху и панике, а надо благодарить судьбу за то, что они без особых потерь овладели Италией и Испанией. Не нужно слишком огорчаться. Надо верить в своего полководца. Разумеется, Цезарь ни словом не обмолвился о своих ночных опасениях. В конце речи Цезарь выразил надежду, что это поражение пойдет им на пользу (Цез. Гр. война, 3, 73).

Не теряя больше времени, Цезарь снялся с лагеря и двинулся в Фессалию. Все его попытки помешать Помпею соединиться с войском Сципиона, пришедшего из Сирии на помощь своему зятю, успеха не имели. Однако ему удалось главное: оторвать Помпея от моря и баз снабжения.

Наконец в августе 48 г. две армии заняли позиции на равнине у города Фарсала. Приближался день решающей битвы. Плутарх пишет: «Сошлись друг с другом братские войска, родственное оружие, общие знамена, мужество и мощь государства обратились против него же самого, показывая этим, до чего слепа и безумна охваченная страстью человеческая натура! Ведь если бы эти люди захотели спокойно властвовать и наслаждаться плодами своих побед, то бо́льшая и лучшая часть суши и моря была бы уже подчинена их доблести» (Плут. Помп., 70).

Численное превосходство Помпея было столь подавляющим, что никто из находившихся в его окружении не сомневался в победе. «У всех окрепли прежние фантазии, и надежда на победу настолько поднялась, что всякая потеря времени казалась только задержкой возвращения в Италию» (Цез. Гр. война, 3, 82). Помпеянцы заранее делили между собой государственные и жреческие должности и посылали в Рим людей нанимать дома, приличествующие для консулов и преторов. На должность верховного понтифика, которую занимал Цезарь, претендовало сразу несколько человек. Эта дележка часто выливалась в споры и взаимные оскорбления. Дело дошло до того, что уже начали делить дома и имущество сторонников Цезаря, бывших в его лагере. «Все помышляли не о том, какими способами они могут победить, но о том, какую выгоду они должны извлечь из победы» (там же, 3, 83). Понятно, что такие настроения сильно подрывали боеспособность армии Помпея.

Помпей был категорически против сражения на открытой местности. Он вновь проявлял осторожность, пытаясь рассчитать все до малейших деталей. Ему не хотелось оставлять занятую прежде позицию на склоне холма, которая, как он считал, давала его войнам значительное преимущество. Все же Помпею пришлось уступить непрерывным провокациям противника и принять бой в расположении легионов Цезаря. Впрочем, он очень полагался на свой огромный перевес в коннице, которой ничего не стоило спуститься с холма на равнину и атаковать правый фланг войска Цезаря. Этот план был слишком прост. Цезарь предвидел, что Помпей постарается воспользоваться своим позиционным преимуществом и сильной конницей, и учел это в боевом построении легионов, расположив позади третьей линии пехоты еще четвертую линию, когорты которой совершенно неожиданно для помпеянцев атаковали их конницу именно в тот самый момент, когда, обойдя правый фланг врага, всадники Помпея уже воображали себя победителями.

Перед началом сражения⁸ Цезарь приказал легионерам целить врагам в глаза и поражать их в лицо. Расчет Цезаря оказался психологически точен. Он принял во внимание, что в коннице Помпея было много молодых солдат. Они еще не привыкли к ранам и очень дорожили своей юностью и красотой и, когда увидели направленные в их лица копья, страшась оказаться обезображенными, позорно бежали, оставив без защиты пехотинцев.

Теперь пришел черед вступить в сражение когортам третьей линии, которые до этого момента участия в битве не принимали. Их мощного удара солдаты Помпея не выдержали и, боясь окружения, бросились врассыпную. Несмотря на сильную жару и на то, что солдаты были чрезвычайно изнурены затянувшимся сражением, Цезарь приказал легионерам не останавливаться, развивать успех и атаковать лагерь помпеянцев. Вскоре цезаряницы достигли неприятельского лагеря, где Помпей, закрывшись после разгрома конницы в своей палатке, с трепетом и страхом ожидал исхода сражения.

Казалось, что это совсем другой человек, настолько он был растерян и подавлен свалившимся на него не-

⁸ Сражение при Фарсале произошло 9 августа 48 г. Цезарь, сознавая важность предстоящего сражения, дал накануне обет в случае успеха построить в Риме в благодарность храм Венере-прародительнице.

счастьем. Всего лишь несколько недель прошло после сражения под Диррахием, где Помпей победил, а Цезарь потерпел поражение. Но как непохожи были эти два человека в сходной ситуации. Один, изведавший не только радость побед, но и горечь поражений, нашел в себе силы мобилизовать всю свою энергию и ум в поисках выхода из создавшегося положения. Другой, привыкший идти от победы к победе и на протяжении 34 лет не знавший, что такое поражение, при известии о постигшей его катастрофе впал в полную депрессию. Неспособный продолжать борьбу, Помпей в сопровождении тридцати всадников и нескольких друзей обратился в бегство. В течение семи недель о нем ничего не было слышно. Наконец стало известно, что он бежал в Египет.

Всех помпеянцев, сложивших оружие, Цезарь помиловал и успокоил, сказав им, что он всегда избегал лишнего кровопролития. В ходе борьбы с Помпеем Цезарь не раз давал доказательства своего милосердия. Так уже было в Испании, так же он поступил теперь здесь, в Греции. Цезарь всегда тяготился сознанием того, что он вынужден вести войну со своими сородичами, и охотно прощал всех выступавших против него с оружием в руках. Перед Фарсальской битвой он в речи к солдатам сказал, что «никогда не хотел бесполезно проливать кровь солдат и лишать Римское государство одного из обоих войск» (Цез. Гр. война, 3, 90). Он призвал всех своих легионеров щадить, по возможности, жизнь римских граждан и всегда одобрял их за проявленное ими милосердие к поверженному противнику.

Захваченную в лагере переписку Помпея он приказал сжечь, чтобы не поддаваться чувству мести к тем людям, о которых он мог узнать из их писем к Помпею. «Своим друзьям в Риме, — свидетельствует Плутарх, — Цезарь писал, что в победе для него самое приятное и сладостное — возможность даровать спасение все новым из воевавших с ним граждан» (Плут. Цез., 48). В одном из дошедших до нас писем Гаю Оппию и Луцию Корнелию Бальбу в Рим, датированному мартом 49 г., Цезарь пишет: «Я и сам решил поступать так, чтобы проявлять возможно бóльшую мягкость и прилагать старания к примирению с Помпеем». И далее: «Пусть это будет новый способ побеждать — укрепляться состраданием и великодушием» (см: Циц. К Атт., 9, 7).

Опасаясь, как бы Помпей не набрал нового войска

и не возобновил войну, Цезарь принял решение оставить все дела и преследовать Помпея. Никто лучше Цезаря не знал, что разгром Помпея при Фарсале вовсе не означает окончания гражданской войны. Помпеянцы по-прежнему оставались хозяевами на море. Они напали на Сицилию и там овладели городом Мессаной. У Цезаря времени не было ни для передышки, ни для того, чтобы собрать достаточное войско для продолжения войны. Не мешкая, он покинул Грецию и, задержавшись на несколько дней в Азии, где он посетил Илион (Трою) — город своего легендарного предка Энея, отплыл на Родос и затем в Египет.

Тем временем Помпей добрался до острова Лесбоса, где в городе Митилены его ждала жена Корнелия и младший сын Секст. Захватив с собой семью, Помпей направился сначала к Кипру,⁹ там он занял у купцов денег, на которые на вербовал и вооружил 2 тысячи человек, погрузился на корабли и взял курс на Египет.

На Кипре Помпею стало известно, что малолетний правитель Египта Птолемей, изгнав из страны свою сестру Клеопатру, ведет против нее военные действия и стоит с войском у города Пелусия.¹⁰ Поэтому корабли Помпея направились именно туда и бросили якоря неподалеку от Пелусия. Узнав от посланцев Помпея о постигшей его катастрофе, советники Птолемея приняли решение заманить Помпея в ловушку и убить — оказать таким образом услугу Цезарю. Это злодеяние взялся исполнить предводитель войск Птолемея Ахилла. В помощники себе он взял двух римлян, служивших когда-то под командованием Помпея. В небольшой лодке они подплыли к его кораблю и пригласили сойти к ним. После минутного колебания Помпей решил спуститься в лодку. Он простился с плачущей женой и в сопровождении двух центурионов, вольноотпущенника и верного раба вступил на борт судна.

Плыли уже довольно долго, но все хранили молчание. После того как попытка Помпея завязать разговор никем

⁹ С 58 г. Кипр стал римским владением. Закон о включении Кипра в состав Римской державы был принят при активном участии трибуна Клодия, которым отчасти руководили личные соображения. В 67 г., находясь на Востоке, он попал в плен к пиратам. Когда же он обратился к кипрскому царю с просьбой дать ему денег для выкупа, тот предложил в насмешку смехотворно ничтожную сумму — 2 таланта. Если бы не флот Помпея, Клодий наверняка бы погиб.

¹⁰ Пелусий — город в устье восточного рукава Нильской дельты.

не была поддержана, он погрузился в чтение речи, написанной им на греческом языке, с которой он намеревался обратиться к Птолемею. Берег приближался. Корнелия, с тревогой следившая с корабля за тем, что делается в лодке, вздохнула с облегчением. К месту высадки толпой спешили придворные. Но в ту минуту, когда Помпей уже начал приподниматься со скамьи, один из спутников Ахиллы вонзил ему в спину меч. Остальные добились своей жертвы. Спутники Помпея видели все с корабля. Их душераздирающий крик был слышен даже на берегу. Спешно подняв якоря, они вышли в открытое море. Попутный ветер спас их от погони.

Помпей погиб, не дожив одного дня до своего 58-летия.

В первые дни октября Цезарь прибыл в Александрию. Здесь услужливые убийцы преподнесли ему отрубленную голову Помпея. При виде ужасного дара Цезарь, не раз мужественно смотревший смерти в лицо, отвернулся и закрыл глаза рукой.

ЕГИПЕТСКАЯ АВАНТЮРА

(48—47 гг.)

Она была прекрасна и сияла очарованием юности. У нее был прелестный голос, она умела быть обаятельной со всеми. Наслаждением было и смотреть на нее и слушать ее речи

Дион Кассий

В Александрии, куда Цезарь прибыл с небольшим отрядом в 3200 солдат, он прежде всего позаботился о близких и друзьях Помпея, которые по разным причинам оказались в Египте и теперь по приказу царя были заключены под стражу. Своим вмешательством Цезарь попытался ослабить тяжелое впечатление, произведенное на всех римлян злодейским убийством Помпея.

Затем ему пришлось заняться семейной распрей между Клеопатрой и ее братом Птолемеем XIII. Они стали правителями Египта, исполняя волю отца, назначившего их в завещании своими преемниками, как старших в семье. В год смерти отца (51 год) Клеопатре исполнилось 18 лет, ее брату — 10 лет. По существующему обычаю брат и сестра вступили между собой в брак.¹ Клеопатра стала седьмой царицей с этим именем в династии Птолемеев, основанной соратником и военачальником Александра Македонского — Птолемеем.

Прошло немногим более двух лет, и между царствующими супругами возникли разногласия, переросшие затем в самую настоящую гражданскую войну. Клеопатре пришлось спасаться бегством в Сирию. Там она собрала войско и двинулась с ним в Египет.

Против нее выступил дворцовый триумvirат, взявший на себя опеку над малолетним царем: евнух Потин, заведывавший финансами и фактический глава египетского правительства; командующий войсками Ахилла,

¹ Фараоны, а затем Птолемеи женились на своих сестрах из династических соображений, чтобы не увеличивать числа возможных претендентов на египетский престол.

организатор и исполнитель зверского убийства Помпея, и учитель риторики Теодот — именно он преподнес Цезарю голову его великого соперника. Этим троим мешала разделять всю полноту власти с юным царем его строптивая супруга, которая, несмотря на молодость, отличалась непомерным честолюбием. Ходили слухи, что Клеопатра замыслила даже убить своего брата. Конфликт был очень запутанный, и прояснить его до конца, видимо, никогда не удастся.

Сразу по прибытии в Александрию Цезарь столкнулся с враждебностью местного населения. Несмотря на это, он вмешался в дворцовые споры, пытаясь примирить брата с сестрой. Но ему всячески препятствовал Потин.

Всего лишь несколько недель прошло с момента высадки Цезаря в Александрийской гавани, а он уже оказался в положении осажденного и мог контролировать только район дворца, где расположился со своими солдатами. Правда, он удерживал при себе в качестве заложника Птолемея. Тем не менее тучи над его головой сгущались, и надо было срочно решать, следует ли ему обороняться или все же лучше будет уступить требованиям царя и его сановников. Вот тут-то и объявилась Клеопатра, которая положила конец его колебаниям. Решив, что последняя для нее возможность вернуть себе престол — это заручиться поддержкой Цезаря, она отважилась на отчаянный поступок: тайно проникла в город, где ее могли убить на каждом шагу, пробралась во дворец и предстала там перед изумленным Цезарем.

Несмотря на свою молодость, эта маленькая женщина обладала бесстрашным сердцем и умела рисковать. Чтобы проникнуть к Цезарю, Клеопатра придумала замечательную уловку. Под покровом темноты она с верным другом Аполлодором незаметно подплыла в маленькой лодке к царскому дворцу, который находился в районе гавани. На берегу она завернулась в большой ковер, и этот рулон, стянутый ремнем, Аполлодор внес в комнату Цезаря. Уже этой хитростью царицы Цезарь был пленен, а когда из ковра появилась перед ним сама Клеопатра, еще больше очарован и уже окончательно покорен, когда узнал ее обходительность, услышал чарующий голос и разумные речи.

Конечно, пускаясь в это опасное предприятие, она очень рассчитывала на свое женское обаяние, в силе

которого уже имела случай убедиться, когда весной 49 г. в Александрию прибыл старший сын Помпея Гней Помпей, посланный отцом в Египет, чтобы получить там солдат, корабли и деньги для войны с Цезарем. Благодаря Клеопатре, которой удалось очаровать 25-летнего юношу, александрийцы отделались очень легко, выслав Помпею ничтожно малую помощь: 50 кораблей и 500 всадников.

Когда Цезарь появился в египетской столице, он был вдвое старше молодого Помпея. Ему было уже за 50. В тот день, когда Клеопатра пробралась в покои Цезаря, она увидела перед собой седеющего человека с большой лысиной, которую он силился скрыть, тщательно зачесывая поредевшие волосы с темени на лоб. Однако он был еще в состоянии произвести впечатление на юную девушку.

Клеопатра не обладала классической красотой. У нее были довольно резкие черты лица: большой орлиный нос, глубокий вырез ноздрей, небольшой рот, нервно сжатые губы. «Красота Клеопатры,— пишет Плутарх,— была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимой прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкой убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад и на любое наречие» (Плут. Ант., 27). Маленькая и грациозная, скорее полная, чем худая, Клеопатра была очень привлекательна. Наделенная блестящим умом и обширными знаниями, она редко обращалась к услугам переводчиков, так как свободно изъяснялась на многих языках и сама беседовала с чужеземцами. «Наслаждением было и смотреть на нее и слушать ее речи. Она могла легко покорить любого человека — даже мужчину, уже немолодого и пресытившегося любовью» (Dio Cass. Hist. Rom., 42, 34). Цезарь принял сторону Клеопатры, приютил ее во дворце и, вопреки желанию многих, объявил соправительницей брата. Этим поступком он крайне усложнил свое положение. Против города с почти полумиллионным населением он располагал ничтожно малыми военными силами. К тому же в Александрию были введены египетские войска, отозванные из-под

Пелусия. Теперь под командованием Ахиллы находилось 20 тысяч опытных воинов и конница. В гавань вошло 50 военных судов, посланных когда-то египтянами на помощь Помпею. Воины Цезаря были осаждены и с суши и с моря. Приходилось вести бои прямо на улицах города и в районе гавани и верфи, где стояли римские военные корабли. Когда солдаты Ахиллы попытались захватить эти суда, Цезарь, чтобы они не оказались у врага, приказал сжечь их.²

Теперь Цезарю оставалось надеяться только на себя и ждать помощи извне. Он уже вызвал с Родоса, из Сирии и Киликии весь свой флот. Александрийцы тоже зря времени не теряли. Они сосредоточили в городе множество вооруженных людей и свезли в него большое количество оружия. Все улицы были перегорожены. Если верить неизвестному автору «Александрийской войны», высота этих заграждений, сложенных из квадратных камней, достигала 12 метров. Кроме того были построены подвижные башни в 10 этажей, которые стояли на колесах и при помощи канатов двигались лошадьми по улицам города (Ал. война, 2).

Тем временем претендентов на царский престол стало уже трое. Младшая сестра Клеопатры царица Арсиноя, ускользнув из дворца, нашла себе убежище в египетском войске. Вскоре, однако, между ней и Ахиллой возникли раздоры, в результате которых александрийский военачальник по ее приказу был убит.³ Войско возглавил воспитатель Арсинои, евнух Ганимед, энергично продолживший осадные работы. Чтобы лишить Цезаря питьевой воды, поступавшей в город из Нила по подземным каналам, Ганимед распорядился каналы заложить и закачать в них соленую воду из моря. Вскоре вода в районе царского дворца сделалась непригодной к употреблению. Римские солдаты очень перепугались, решив, что теперь им грозит верная гибель. Цезарю стоило немалого труда их успокоить и призвать к рытью колодцев. Благодаря усердию центурионов, руководивших работами, пресная вода вскоре была обнаружена в большом количестве.

² Некоторые авторы сообщают, что огонь уничтожил не только корабли, но и часть знаменитой Александрийской библиотеки, крупнейшего книгохранилища античного мира, в котором были собраны почти все произведения греческой литературы.

³ Еще раньше по приказу Цезаря был казнен Потин

Через два дня после этих событий к осажденным в египетской столице римлянам прибыли корабли с тридцать седьмым легионом из сдавшихся Цезарю солдат Помпея. Они привезли с собой запас хлеба и оружия. Теперь Цезарь мог активизировать свои действия. Он сделал несколько вылазок с целью захвата стратегически важных пунктов, чтобы через них получать помощь, а в случае необходимости отступить из Александрии. В одной из таких попыток он чуть было не погиб, когда попробовал овладеть островом Фаросом, расположенным у входа в александрийскую гавань и соединявшимся с городом дамбой. Атака римлян была отбита, а сами они обращены в бегство. Отступая, легионеры устремились к ближайшим кораблям. Судно, на котором оказался Цезарь, было так перегружено солдатами, что не могло отплыть. Заметив это, Цезарь не медля бросился с корабля в воду и с большим трудом спасся вплавь. Но и в этой критической ситуации самообладание не покинуло его. Он умышленно оставил в волнах свой пурпурный плащ полководца. Обманутые враги не сразу поняли его хитрость и еще долго метали в плащ дротики и камни, дав тем самым Цезарю возможность спастись (Флор, 2, 13, 59).⁴

Покинутый Цезарем корабль погиб вместе с находившимися на нем людьми. В этом сражении Цезарь потерял около 400 легионеров и почти такое же число матросов и гребцов. «Однако,— замечает автор «Александрийской войны»,— эта неудача не только не смутила солдат, но даже воспламенила и увеличила их мужество и энергию в их атаках на неприятельские позиции» (Ал. война, 22).

Послуживав свою силу, александрийцы стали настоятельно просить Цезаря, чтобы он отпустил к ним царя, которого он задерживал у себя во дворце. Они говорили, что им уже невозможно терпеть капризы девчонки и тиранию Ганимеда, и уверяли, что готовы повиноваться приказам царя и охотно заключат с Цезарем дружественный союз, если на то будет воля Птолемея. Цезарь считал, что просьбу лучше удовлетворить. Но юный царь оказался не так-то прост. Получив свободу, он активно включился в войну с римлянами.

⁴ Говорит Светоний, Цезарь, не желая оставлять плащ врагам в качестве трофея, тащил его за собой, закусив зубами. (Свет. Бож. Кн. 1, 64).

Уже полгода миновало с того дня, как Цезарь высадился в Александрии и был осажден египетским войском. Его когорты основательно поределли. Казалось бы, что стоило александрийцам смести горстку римских солдат, засевших в городе? Однако этого не произошло. И объясняется скорее всего тем, что Цезарь имел поддержку в самой столице. Ведь та часть города, где укрепились римляне, была населена иудеями, которые не могли простить Помпею, что осенью 63 г. он взял штурмом Иерусалим и осквернил их святыню — иерусалимский храм.⁵ Цезарь представлялся им божественным мстителем, они относились к нему дружелюбно и, по всей видимости, как могли, помогали ему.

Наконец в марте 47 г. на помощь римлянам пришли союзные войска, присланные Цезарю жителями стран и городов, расположенных между Евфратом и Синайским полуостровом. Возглавлял эту армию Митридат Пергамский. Он родился в малоазийском городе Пергаме, но рос и воспитывался при дворе понтийского царя, которого звали тоже Митридат. В самом начале гражданской войны между Цезарем и Помпеем Митридат Пергамский примкнул к последнему, но после Фарсальского сражения перешел на сторону Цезаря, причем оказался человеком очень надежным. Благодаря его энергичной помощи положение Цезаря в Александрии резко изменилось к лучшему.

Как только в Александрию пришло известие о приближении армии Митридата, Птолемей и Цезарь поспешно выступили из города: один — чтобы уничтожить Митридата, другой — чтобы соединиться с ним. Цезарю удалось опередить Птолемея и соединиться с идущим ему на выручку войском. Вскоре после этого произошло решающее сражение. Армия Птолемея была разгромлена, а сам царь погиб.

27 марта 47 г. Цезарь вступил в Александрию — теперь как победитель. Его решение о будущем страны для многих было совершенно неожиданным. Вместо того чтобы превратить Египет в новую римскую провинцию, как он сам того хотел в 65 г., Цезарь не только сохранил его за Птолемеями, но даже вернул им Кипр. Он

⁵ После падения Иерусалима значительное количество иудеев было продано в рабство и доставлено в Рим.

подтвердил законность завещания отца Клеопатры, но поскольку ее брат и супруг погиб, соправителем и новым супругом царицы становился ее младший брат Птолемей XIV. Царевна Арсиноя, воевавшая против Цезаря, была отправлена в Рим в качестве пленницы.

Длительное пребывание Цезаря в Египте представляется на первый взгляд необъяснимым. Повсюду сплавивались помпеянцы. Со всех сторон — из Малой Азии, Иллирии, Испании, Африки и самой Италии — доходили плохие вести. Везде требовалось личное присутствие Цезаря. Он же, вместо того чтобы действовать с присущей ему стремительностью, медлил в Александрии, что никак не укладывается в рамки обычных наших представлений о нем.

Но мы никогда не приблизимся к пониманию личности Цезаря, если будем видеть в нем лишь честолюбца, рвущегося к власти, и отказывать ему в простых человеческих чувствах. Вряд ли он принадлежал к числу тех сугубо рациональных людей, которые в своих действиях руководствуются исключительно голым расчетом и выгодой. Это был живой человек, способный, как многие люди, на безрассудные поступки. К тому же Цезарь всегда был неравнодушен к хорошеньким женщинам, и нет ничего странного в том, что молодая, красивая, умная, образованная царица Египта вскружила ему голову.

Закончив дела в Александрии, Цезарь в обществе Клеопатры отправился путешествовать по Нилу. В сопровождении огромной флотилии из 400 кораблей и лодок они плыли в верховья Нила к южным границам Египта. На роскошном корабле с богато украшенными покоем среди дляншихся до рассвета пиров любовники провели два счастливых месяца. По пути они делали остановки и осматривали памятники египетской старины. Они побывали в древнейшей столице Египта Мемфисе, где посетили святилище Птаха, бога-покровителя ремесел и искусств, и храм священного быка Аписа. В Фаюме Цезарь и Клеопатра любовались величественными дворцами, гигантскими изваяниями и пирамидами. Огромные высеченные из цельных глыб сфинксы молчаливо и загадочно взирали на них сквозь даль тысячелетий.

В Абидосе высокие гости увидели одну из священнейших реликвий египетского культа — голову бога

Осириса,⁶ убитого Сетом⁷ и воскрешенного своей женой и сестрой Исидой.⁸ Но ничто не могло сравниться в грандиозности и великолепии с храмами бога Амона⁹ в Фивах, полными таинственного полумрака залами с колоссальными колоннами и гигантскими статуями фараонов.

Неподалеку от Фив находилась Долина царей, где в роскошных саркофагах покоились мумии царей. Голые, обрывистые утесы с высеченными в них усыпальницами, громоздкие камни у подножий и жуткая тишина над безлюдным пейзажем произвели на путешественников неизгладимое впечатление. Здесь же возвышалось святилище Хатхор, богини любви, танцев и музыки, которую греки отождествляли с Афродитой.¹⁰ Этот великолепный храм был воздвигнут первыми Птолемеями.

Может быть, впервые за многие годы своей бурной жизни Цезарь откровенно бездельничал, наслаждаясь непривычным для него состоянием покоя и беззаботности. Но особую умиротворенность он испытывал в лунные ночи, когда в мерцающем свете луны корабли бесшумно скользили по глади нильских вод мимо пустынных берегов, таких таинственных и чужих.

Всюду, где останавливался корабль, Клеопатру встречало на берегу множество людей, которые воздавали ей почести, достойные божества, ведь она была не только царицей, но и олицетворением богини Исиды. Пышный ритуал, молитвы и песнопения жрецов глубоко врезались Цезарю в память.

В душе страстный путешественник, жадный до всего нового, он был готов проплыть через весь Египет до самой Эфиопии, если бы его солдаты решительно не отказались следовать за ним дальше. Цезаря ждали всюду: в Малой Азии, Испании, Италии. В первую очередь нужно было срочно уладить дела в Малой Азии, управление которой Цезарь поручил своему легату Доми-

⁶ Осирис — бог умирающей и воскресающей природы, главный судья загробного мира и царь мертвых.

⁷ Сет — египетский бог, носитель злого начала, воплощение зла.

⁸ Исида — египетская богиня, покровительница плодородия, материнства.

⁹ Амон — местное божество Фив, «отец богов» и египетских фараонов.

¹⁰ Богиня Хатхор изображалась во многих обликах, например, в виде коровы с солнцем между рогами и в виде женщины с головой львицы.

цию Кальвину. Для римлян большую угрозу в том регионе представлял царь Боспора¹¹ Фарнак, сын понтийского царя Митридата, разбитого Помпеем и в 63 г. покончившего с собой.

Воспользовавшись войной между Цезарем и Помпеем, Фарнак начал расширять свои пределы, нацелившись на Вифинию и Понт.¹² Ему удалось перехватить курьеров с письмом Цезаря к Домицию, из которого он узнал, что Цезарь в Александрии бедствует и просит Домиция идти к нему с подкреплением через Сирию. Домиций, обеспокоенный положением Цезаря в Египте, поторопился дать Фарнаку сражение в районе города Никополя, но был разбит и отступил. Воодушевленный этим успехом, Фарнак захватил римскую провинцию Понт. Солдаты Фарнака в захваченной провинции бесчинствовали и зверствовали: грабили, насильничали и убивали римских граждан. Тех, кто отличался красотой и юностью, они подвергали каре, которая для римлян была тяжелее смерти,— лишали их способности к деторождению.

Обнаглев от своей безнаказанности, Фарнак всюду похвалялся, что вернул себе отцовское царство. Тем не менее, когда ему стало известно, что Цезарь прибыл в Понт, он тут же направил к нему послов. Фарнак видел, что Цезарь спешит в Рим, где его ждут более неотложные дела, поэтому хитрил, давал обещания и всячески тянул время. Он даже прислал Цезарю в дар золотой венок, однако римский полководец сохранял полное бесстрашие, от подарка отказался и потребовал немедленно очистить провинцию (Ал. война, 70).

Приближался день решающей битвы. Фарнак расположил свои войска на высоком холме в трех милях¹³ от города Зелы. Цезарь разбил свой лагерь в пяти милях от врага, но затем под прикрытием ночи переместился ближе к лагерю царя, так что теперь неприятелей отделяла только долина протяженностью не более мили.

Утром 2 августа 47 г. Фарнак выстроил войска в боевую линию; ничуть не сомневаясь в своей победе, спустился по крутому склону в долину, затем стал подни-

¹¹ Боспорское царство — небольшое самостоятельное государство на Черном море.

¹² Понт — область в Малой Азии у берегов Черного моря между Арменией и Вифинией, с 65 г. вошла в римскую провинцию Понт и Вифиния.

¹³ 1 римская миля (=1000 шагов) =1,48 км.

маться на крутой холм, где уже стояли наготове римские легионы. Опрометчивость Фарнака изумила Цезаря. Он впервые имел дело с таким неумелым противником и не понимал, как можно было атаковать в столь невыгодной для себя позиции. В завязавшемся рукопашном бою римляне стали сбивать врагов с крутого склона. Падая, варвары давили тех, кто находился внизу. Многие из них были перебиты, оставшиеся в живых побросали оружие. Фарнак спасся бегством.

Цезарь был чрезвычайно обрадован столь быстрым и счастливым для него исходом войны. Как сказал древний историк, «Цезарь победил Фарнака за одно сражение — атаковав, подобно молнии, которая в один миг приходит, поражает, исчезает» (Флор, 2, 13, 63). Всю добычу Цезарь подарил солдатам, а царем Боспора сделал Митридата Пергамского.

С того дня, как Цезарь прибыл в Понт, прошло всего лишь 5 дней, а в Рим уже неслись его ликующие слова — *veni, vidi, vici* («пришел, увидел, победил»).

КОНЕЦ ВОЙНЕ

(47—45 гг.)

В то время как обе армии сражались с величайшим пылом, вдруг как по взаимному согласию наступила жуткая тишина и общей мыслью было: «Доколе же?»

Флор

Теперь Цезарь окончательно уверовал в свою удачу. Он и прежде не упускал случая напомнить римлянам, что ведет свое происхождение от богини Венеры и, следовательно, находится под ее покровительством. Но если раньше это было всего лишь демагогической уловкой для простого народа, то после победоносных войн в Александрии и Малой Азии Цезарь всерьез поверил в свою исключительность. Эта убежденность впервые пришла к нему после того, как Помпей, разгромив его войско при Диррахии, не воспользовался до конца своим успехом и вместо того, чтобы развивать его, дал своему сопернику собраться с силами для нового сражения.

А уж после Фарсала у Цезаря не оставалось никакого сомнения в том, что ему благоприятствует сама Фортуна. Осмысливая в «Записках о гражданской войне» ход и итоги войны с Помпеем, он неоднократно возвращается к мысли о значении Фортуны, счастья, судьбы, случайности во всех человеческих делах, но особенно на войне (см., напр., 3, 68; 70; 72).

До начала гражданской войны Цезарь мог лишь мечтать о военной славе Помпея, который воевал чуть ли не во всех частях света, не проиграл ни одного сражения и своей удачливостью затмил всех современных ему полководцев, в то время как его собственная военная деятельность ограничивалась в основном пределами Галлии и далеко не всегда была успешной.

В сентябре 47 г. Цезарь прибыл в Рим и сразу убедился в том, что в столице за время его отсутствия воцарилась анархия. Марк Антоний, которому он передал

город в управление,¹ со своими обязанностями не справлялся. В Риме не прекращались волнения. Антонию пришлось применить даже военную силу против народного трибуна Публия Корнелия Долабеллы, который, после того как сенат отказался утвердить его предложение о кассации долгов, призвал римский плебс к восстанию.

Цезарь быстро навел порядок в общественных делах. Прежде всего он распорядился, чтобы сенат возобновил свою работу и регулярно собирался для обсуждения текущих вопросов. Затем он провел выборы магистратов, расширив состав сената за счет своих сторонников. Чтобы унять недовольство плебса, был осуществлен ряд финансовых мероприятий, например частичная отмена задолженностей по квартирной плате.

В это время среди солдат-ветеранов, расквартированных в Кампании, вспыхнул мятеж. Разгневанные тем, что им не выплачивается вознаграждение за прежние походы, ветераны двинулись к Риму и встали лагерем на Марсовом поле. Сенаторы, посланные Цезарем, чтобы успокоить воинов, были убиты. Тогда Цезарь, не слушая друзей, сам вышел к мятежникам и обратился к ним с речью. Он начал с того, что назвал их «гражданами», а не «солдатами», как обычно, дав таким образом понять, что не считает их больше воинами. Затем он сказал, что все они с этого момента уволены со службы (Свет. Бож. Юлий, 70). Хладнокровие Цезаря было поразительно, он распускал легион так, как будто для него это дело уже решенное. Трюк удался. Отставка показала легионерам слишком унижительной и позорной, и они стали горячо просить Цезаря оставить их на службе, а зачинщиков мятежа наказать. Притворно не соглашаясь и вынуждая упрашивать себя, он, наконец, великодушно уступил их просьбам, сократив главным мятежникам на треть обещанную им долю добычи и земли.

Новый поход уже был не за горами. В Африке собрались его давнишние враги: Афраний, некогда легат Помпея в Испании; Лабиев, правая рука Цезаря в Галлии, но в самом начале гражданской войны изменивший ему; Сципион, тесть Помпея, и самый опасный из всех —

¹ В 47 г. Цезарь был заочно объявлен диктатором во второй раз, а Марк Антоний — начальником конницы, т. е. его основным помощником.

Катон Младший. В их распоряжении находилось войско в 35 тысяч пехотинцев, которое возглавил Сципион. Кроме того, они могли рассчитывать на помощь нумидийского царя Юбы.²

За два года до этих событий летом 49 г. цезарианцев постигла в Африке одна из самых крупных неудач. Царь Юба, принявший сторону Помпея, разбил войско Гая Куриона, который опрометчиво отправился из Сицилии в Африку всего лишь с двумя легионами и пятьюстами всадниками. Когда Курион увидел, как под ударами нумидийской конницы гибнет вверенная ему Цезарем армия, он, чтобы избежать позора, бросился навстречу врагам и пал с оружием в руках. Память об этом сокрушительном поражении была еще жива и на необстрелянных солдат, которыми Цезарь пополнил свои легионы, действовала угнетающе.

В Африку Цезарь переправлялся из сицилийского города Лилибея. При высадке на африканский берег он, как рассказывает об этом эпизоде Светоний, сходя с корабля, оступился и упал, что у римлян считалось плохим предзнаменованием. Однако моментально нашелся и вышел из затруднительного положения, воскликнув: «Ты в моих руках, Африка!» (Свет. Бож. Юлий, 59).

Прежде чем произошло генеральное сражение, у Цезаря было некоторое время, которым он воспользовался для того, чтобы соорудить укрепления и обучить легионеров-новобранцев простейшей тактике боя. С кораблей была снята часть гребцов и моряков, и таким образом боевые силы цезарианцев немного увеличились. Цезарь распорядился свезти с кораблей в лагерь металлические снаряды и машины, а из Сицилии прислать железо и свинец для изготовления на месте стрел, копий и отливки пуль. Позаботился он и о доставке продовольствия, которого оставалось уже очень мало, так что легионерам приходилось расходовать его с большой бережливостью. Не хватало корма для лошадей, что вынуждало воинов кормить их морским мхом, предварительно смывая с него соль.

В армии помпеянцев было около сотни слонов. Их огромный рост и необычный вид приводили в ужас солдат Цезаря, никогда прежде не видевших этих животных.

² Нумидия — страна в северной Африке между Мавританией и Карфагеном.

Да и лошади не могли привыкнуть к их запаху и реву. Для того чтобы воины преодолели свой страх перед слонами и лошади свыклись с ними, Цезарь приказал доставить в свой лагерь несколько слонов. Солдаты знакомились с внешним видом, особенностями и повадками этих диких животных, трогали их руками, убеждались в их медлительности, учились метать в них копья с притупленными концами. Лошади тоже привыкли к слонам и перестали их бояться.

Все это время Цезарю как простому учителю фехтования приходилось лично учить молодых солдат пользоваться мечом и копьем. «По указанным выше причинам, — пишет неизвестный автор «Африканской войны», — Цезарь сделался озабоченнее, медлительнее и осторожнее и оставил свою прежнюю быстроту, с которой он привык вести войны» (Афр. война, 73).

При всем том Цезарь не преуменьшал численность вражеских сил для ободрения солдат, а наоборот, преувеличивал. Однажды, когда легионеры были уstraшены слухами о приближении к ним несметных полчищ Юбы, он на солдатской сходке сказал им, хотя это было заведомой ложью, что на них идет армия в 200 тысяч воинов и с тремя сотнями слонов, так что нет нужды ломать себе голову и лучше прямо поверить его словам, на паникеров же он быстро найдет управу (Свет. Бож. Юлий, 66).

6 апреля 46 г. армии Цезаря и Сципиона сошлись в решающем сражении. Сципион стремился заманить Цезаря в западню на одном из двух перешейков, по которым он приблизился к городу Тапсу. Но хитрость обернулась против него самого. Неожиданно для Цезаря его солдаты так энергично атаковали неприятельские позиции, что он успел дать лишь пароль «Счастье» и тут же поскакал на врага (Афр. война, 83).³ Сципион, из-за слишком узкого пространства не имея возможности маневрировать, не смог организованно отвести свои легионы, и сражение превратилось, по существу, в массовое избиение помпеянцев. Многие из них сдались в плен. Бежать удалось лишь немногим, среди них был Лабиев,

³ Некоторые авторы утверждают, что Цезарь не участвовал в этом сражении, так как в самом начале боя с ним случился припадок падучей. Он потерял сознание и был отнесен солдатами в безопасное место (Плут. Цез., 53).

который вместе с сыновьями Помпея скрылся в Испании. Афраний был схвачен и казнен солдатами Цезаря. Царь Юба, отвергнутый своими подданными при попытке вернуться в столицу Нумидии город Заму, покончил с собой. По пути в Испанию в морском бою погиб Сципион.

Но больше всего римлян потрясло самоубийство Марка Порция Катона (95—46). Это была личность замечательная во многих отношениях. Даже такой глубоко преданный Цезарю человек, как Саллюстий, признает исключительность Катона. Он считает, что в его время лишь два человека блистали выдающейся доблестью — Марк Катон и Гай Цезарь. «Катона,— пишет он,— отличали умеренность, чувство долга, но больше всего суровость. Он соперничал не в богатстве с богатым и не во власти с властолюбцем, но со стойким в мужестве, со скромным в совестливости, с бескорыстным в воздержанности» (Салл. Кат., 54).

Человек высочайшей нравственной силы, Катон старался во всем подражать своему великому предку Катону Цензору,⁴ который являлся для него образцом староримской доблести. От него правнук унаследовал непреклонность, честность, порядочность и пылкую любовь к отечеству. «Если ему льстили, он бывал несговорчив и груб, но еще сильнее противился тому, кто пытался его запугать» (Плут. Кат., 1). Жил Катон скромно и бережливо, в любое время года ходил с непокрытой головой, передвигался только пешком. Нередко он появлялся на Форуме и даже в курии босой и в тоге на голом теле.

Находя нравы своих современников испорченными, Катон считал необходимым идти им во всем наперекор. Например, когда римляне стали увлекаться ярко-красной тканью, он демонстративно оделся в темное (там же, 6). С удивительной выдержкой и терпением переносил Катон болезни. Чувствуя, что заболевает, он запирался в своей комнате и никого не принимал до тех пор, пока недуг не отступал от него.

Непримиримый враг Цезаря и фанатичный сторонник сенатской республики, Катон был идейным вождем всего сенатского лагеря и принимал активное участие в борьбе с цезарианцами. Весть о поражении Сципиона застала

⁴ Марк Порций Катон (Старший) (234—149) — цензор 184 г., политический деятель, оратор и историк.

его в городе Утике,⁵ последнем оплоте помпеянцев в Африке. Катон сильно укрепил город и собирался дать отпор Цезарю, двинувшемуся на Утику. Однако население города было в такой панике, что Катону пришлось оставить мысль о сопротивлении.

Античные историки подробно описывают последние часы и смерть Катона. В тот день он был, как всегда, спокоен и ни в чем не изменил своим привычкам. Вечером принял ванну, затем отправился ужинать. Причем ужинал сидя, а не лежа, как было заведено у римлян. Это обыкновение он ввел с тех пор, как умер Помпей,— в знак траура. Поужинав, Катон сердечно обнял сына и вошел в спальню, из которой домощадцы, заподозрив неладное, предусмотрительно вынесли меч. Он потребовал вернуть оружие на место, лег на кровать и погрузился в чтение диалога Платона о душе. Уже под утро, полагая, что все, кто находился у его дверей, заснули, он вонзил меч себе в живот.

Когда выпали его внутренности, он, застонав, упал с кровати. При этом опрокинулся стоявший рядом столик, грохот которого разбудил дежуривших у его дверей слуг. Те закричали. На крик прибежал сын и друзья Катона. Увидев его, плавающего в крови, с вывалившимися кишками, все оцепенели от ужаса. Не растерялся лишь врач. Он быстро вложил на место внутренности и зашил рану. Очнувшись, Катон поблагодарил своих спасителей и сказал, что хочет спать. Друзья, чтобы не беспокоить больного, покинули спальню, захватив с собой меч. Дождавшись, когда все выйдут, Катон молча разорвал повязки и швы раны и, разбрасывая руками внутренности, в страшных мучениях умер.

Узнав о самоубийстве Катона, Цезарь сказал только: «О, Катон, мне ненавистна твоя смерть, ибо тебе было ненавистно принять от меня спасение» (Плут. Цез., 54). Когда известие о смерти Катона достигло Рима, многие были совершенно раздавлены страшной новостью.казалось, что теперь уже ничто не сможет противостоять Цезарю, что у него «особая судьба быть непобедимым», и, воюя с ним, приходится иметь дело с самим роком (Апп. Гр. война, 2, 97).

⁵ Утика, столица римской провинции Африка и резиденция наместника, расположена к востоку от границ Нумидии и в 30 км северо-западнее Карфагена. Свое прозвище «Утический» Катон получил от названия города, в котором оборвалась его жизнь.

Вскоре последние очаги помпеянского сопротивления в Африке были ликвидированы. Нумидия была превращена в римскую провинцию под названием Новая Африка.⁶ Ее наместником Цезарь назначил Саллюстия, будущего историка.

В августе 46 г. Цезарь вернулся в Рим и в течение одного месяца отпраздновал 4 триумфа! Эти небывалые почести сенат воздал ему за победы в Галлии, Египте, Малой Азии и Африке.

Церемония триумфа была определена с древнейших времен. В назначенный день полководец, удостоившийся триумфа, в торжественном шествии отправлялся с Марсова поля и через триумфальные ворота въезжал на колеснице в Рим. Здесь процессия проходила по Большому цирку, Коровьему рынку, Велабру⁷ и по Священной дороге вступала на Форум, затем поднималась на Капитолий к храму Юпитера. Улицы, по которым двигалась праздничная процессия, были украшены венками, двери храмов открыты. Зрители приветствовали участников шествия криками. Во главе процессии шли должностные лица и сенаторы, за ними следовали трубачи, далее везли военную добычу и изображения взятых городов и покоренных стран, потом шествовали жрецы, затем вели белых быков для жертвоприношения и наиболее знатных пленников в оковах.⁸ Наконец, стоя на золоченой триумфальной колеснице, запряженной четверкой белых коней, ехал триумфатор. Колесницу окружали ликторы, фасции в руках которых были обвиты лавровыми ветками. Тут же находились музыканты и певцы.

Победитель, увенчанный лавровым венком, был одет в пурпурную, вышитую узором из пальмовых листьев тунику и в такого же цвета тогу с золотыми звездами на ней. Его лицо было покрыто краской, как у древних статуй Юпитера. Таким образом одеждой и лицом полководец-триумфатор уподоблялся Юпитеру. В одной руке он сжимал скипетр из слоновой кости с золотым орлом наверху, а другой — лавровую ветвь. Государственный раб, стоявший на колеснице позади триумфатора,

⁶ В 146 г. после завершения III Пунической войны территория Карфагенского государства была объявлена римской провинцией Африка.

⁷ Велабр — квартал в Риме между Капитолием, Форумом и Палатином.

⁸ У подъема на Капитолий пленников уводили и обычно казнили.

держал над его головой золотую корону. Толпа встречала счастливец криками: «Оглядывайся назад и помни, что ты человек!»

Замыкали процессию солдаты, которые распевали песенки, высмеивающие полководца. Брань и насмешки, по представлению древних, должны были отвести беды, грозящие чересчур удачливому смертному. Кроме того, они предостерегали победителя от зазнайства.

В храме Юпитера триумфатор приносил жертву богу и слагал с себя венок и вместе с ним воинскую власть, которой он был облечен на время войны, после чего происходила раздача подарков солдатам и затем наступало время пиршества.

Первый из четырех триумфов, который Цезарь отпраздновал в 46 г., был посвящен завоеванию Галлии в 58—50 гг. В торжественной процессии римляне увидели пленного вождя галлов Верцингеторига, который почти 6 лет томился у них в заточении. Праздник чуть было не омрачило неожиданное происшествие: на Велабре у колесницы, в которой ехал Цезарь, сломалась ось, и триумфатор едва не упал с нее, лишь с большим трудом удержав равновесие. На Капитолий шествие вступило, когда уже начало смеркаться. К неописуемому восторгу публики была устроена иллюминация. Цезарю, поднимающемуся к храму Юпитера, освещали дорогу множество факелов, установленных на спинах 40 слонов.

В следующем, египетском, триумфе перед колесницей победителя были проведены царевна Арсиноя, сестра Клеопатры, и евнух Ганимед. Арсиноя могла считать себя счастливой, ведь она после этого осталась жива и не была задушена в подземной тюрьме, как Верцингеториг и другие пленники. Во время шествия солдаты распевали шуточные песенки про Цезаря и Клеопатру вроде той, которую передает Светоний: «Берегите своих жен, граждане,— мы везем лысого бабника» (Свет. Бож. Юлий, 51). О том, что Цезарь был равнодушен к женщинам, в Риме знали все. До столицы уже наверняка дошли слухи о новом, совсем недавнем увлечении Цезаря в Африке мавританской царицей Евной.

Как уже упоминалось, Цезарь, хотя и достигший вершин могущества, к шуткам в свой адрес относился с благодушием, что нравилось простому народу, видевшему в этом проявление его демократичности. Впро-

чем, не исключено, что упоминание о его успехах у женщин льстило мужскому самолюбию Цезаря.

Третий триумф запомнился римлянам главным образом огромной надписью, которую несли в процессии. Она состояла из трех слов: «Пришел, увидел, победил». Так Цезарь сообщил Риму о своей победе над царем Фарнаком.

В африканском триумфе внимание народа привлек четырехлетний Юба, сын нумидийского царя Юбы, покончившего с собой. Мальчику была сохранена жизнь, он воспитывался в Италии и впоследствии получил римское гражданство.⁹

Все понимали, что победа над царем Нумидии — это всего лишь официальный повод для триумфа. Не мог же Цезарь открыто хвалиться тем, что он разгромил в Африке армию своих соплеменников? Вообще о своих победах в гражданской войне Цезарь предпочитал умалчивать. Ни в одном из писем, отправленных в Италию, он ни разу не сообщил о своих успехах в борьбе с помпеянами.

Всех своих воинов Цезарь щедро вознаградил, а каждому жителю Рима выдал, помимо зерна и масла, по 400 сестерциев и устроил для них угощение на 22 тысячах столов (Плут. Цез., 55). В те дни в Риме были даны самые разнообразные представления. В один из дней на Марсовом поле сражались два конных отряда: по 200 всадников с каждой стороны. В другой раз были показаны смешанные бои пехотинцев против всадников. Особый восторг вызвало сражение, в котором с каждой стороны участвовало по 500 пехотинцев, 300 всадников и 20 слонов. Для проведения этих и других мероприятий пришлось построить на Марсовом поле временный цирк и расширить Большой цирк у Палатинского холма.

Римляне жили в предвкушении еще более небывалого зрелища — морской баталии, для которой уже давно копали озеро на правом берегу Тибра. Их ожидания не были обмануты. В состоявшемся морском бою приняли участие 4 тысячи гребцов и 2 тысячи бойцов.

Состязания колесниц, битвы гладиаторов, звериные травли (в те дни жители Рима впервые увидели в своем городе жирафа), скачки на конях, выступления атлетов,

⁹ Через 20 лет Юба оказался на мавританском престоле. Его женой была дочь Клеопатры. Как свидетельствует Плутарх, Юба стал одним из самых ученых греческих писателей (Плут. Цез., 55).

театральные представления целый месяц сменяли друг друга, привлекая в столицу все новые и новые толпы людей. Город был перенаселен. Многим приходилось ночевать в палатках прямо на улицах Рима. Нередко возникали давки, в которых немало приезжих и жителей столицы было задавлено насмерть.

Римляне никогда еще не видели столь многочисленных и пышных зрелищ в течение одного месяца. Цицерон, обращаясь в сентябре 46 г. к Цезарю, предрекал: «Потомки наши несомненно будут поражены, слыша и читая о тебе как о полководце и наместнике провинций, о Рейне, Океане, Ниле, о бесчисленных сражениях, невероятных победах, о памятниках и играх для народа, о твоих триумфах» (Циц. За Марц., 9, 28).

Осенью вместе со своим братом, супругом и соправителем, в Рим прибыла Клеопатра. С ней был ее годовалый сын, родившийся в июне 47 г., через месяц после отъезда Цезаря из Египта. Никто в Риме не сомневался, что отец ребенка — Цезарь, но официально это не объявлялось.¹⁰ Египетской монаршей чете была отведена для жительства загородная вилла Цезаря за Тибром.

Клеопатру ничуть не смущало то обстоятельство, что Цезарь женат. Жена Цезаря, Кальпурния, несмотря на частые измены мужа, любила его и оставалась ему верна, отличаясь в этом отношении от многих римских матрон. У Цезаря не было ни оснований, ни намерения с ней разводиться. Не исключено, однако, что египетская царица все же рассчитывала на брак с римским диктатором, ведь она родила ему сына, чего не смогла сделать ни одна из трех его законных жен: есть сведения, что уже был подготовлен проект закона, по которому Цезарю позволялось иметь жен сколько угодно для рождения наследников (Свет. Бож. Юлий, 52).

26 сентября 46 г. Цезарь как верховный pontифик при большом стечении народа открыл построенный на собственные средства храм Венеры-прародительницы. Обет о постройке храма он дал в Греции накануне решающего сражения с Помпеем под Фарсалом. В новом храме рядом со статуей богини Венеры стояло прекрасное изображение Клеопатры. То, что Цезарь возвеличил свою

¹⁰ Цезарион, сын Цезаря от Клеопатры, был убит в 30 г. по приказу Октавиана.

любовницу, вознеся ее до уровня богини, произвело на римлян очень неблагоприятное впечатление.

Впрочем, вскоре Цезарю пришлось расстаться на 9 месяцев не только с Клеопатрой, но и с Римом. Вновь дали знать о себе помпеянцы. Теперь уже в Испании собралась большая армия, главнокомандующим которой был провозглашен старший сын Помпея — Гней. Тот самый Гней, который 3 года назад приезжал в Александрию по поручению отца и был покорен там египетской царицей. К Гнею Помпею присоединились его младший брат Секст, Тит Лабие и Атий Вар. Вместе с ними в Испанию прибыли уцелевшие части африканской армии помпеянцев.

Гней Помпей сумел сосредоточить в Испании 13 легионов и вспомогательные войска. Это была уже грозная сила, с которой Цезарь не мог не считаться. Поэтому, не закончив множество начатых дел, Цезарь, в 3-й раз облеченный властью диктатора и консула, срочно отбыл в Испанию. Своим заместителем в Риме он назначил Марка Эмилия Лепида.

После ряда столкновений Цезарю удалось овладеть хорошо защищенной крепостью помпеянцев, что чрезвычайно осложнило их положение, так как многие испанские общины стали принимать сторону Цезаря. Наконец, 17 марта 45 г. состоялось решающее сражение у города Мунды. Гней Помпей расположил свои легионы на холмах. Цезарю пришлось преодолеть со своими солдатами долину, пересечь протекавший через нее ручей и только потом атаковать боевую линию врага. Своим паролем он избрал на этот раз слово «Венера», как бы вверяя свою судьбу самой богине (Апп. Гр. войны, 2, 104).

Неожиданно для Цезаря сражение приняло непредвиденный поворот. Его воины дрогнули и начали отступать. Сняв с головы шлем, Цезарь бросился наперерез бегущим назад солдатам. Взывая к их стыду, он кричал, что пусть уж они сразу выдадут его мальчишкам (Плут. Цез., 56). Но ничего не помогало. Воины в страхе продолжали отступать. Тогда, выхватив щит у одного из легионеров, он ринулся на врагов с криком: «Да станет это концом для меня — жизни, а для вас — походов» (Апп. Гр. войны, 2, 104). Только теперь солдаты остановились.

Однако исход битвы долгое время оставался неясен.

Казалось, что Фортуна отвернулась от Цезаря. Он находился в таком смятении духа, что хотел даже убить себя (Флор, 2, 13, 83). В отчаянье он устремился вперед и опередил свой боевой строй почти на 30 метров. В него было брошено до 200 копий — от одних он отклонился, другие отразил щитом. Это отчаянное единоборство Цезаря с целой армией внесло перелом в ход сражения. Центурионы, а затем и солдаты бросились за своим командиром на вражеские позиции. Через несколько часов все было кончено. Военное счастье не оставило Цезаря и на этот раз. Противник потерял на поле боя свыше 30 тысяч человек. Среди убитых были Лабиен и Атий Вар. После этого сражения Цезарь сказал своим друзьям, что ему приходилось часто сражаться за победу, но впервые — за жизнь (Плут. Цез., 56; Апп. Гр. войны, 2, 104).

Потерпев поражение, сыновья Помпея бежали. Гней вскоре погиб, а Секст еще много лет боролся с Цезарем и цезарианцами.

Прошло немало времени, прежде чем Цезарь смог вернуться в Италию. Нужно было навести порядок в Испании. Одни города и общины были сурово наказаны, другие, наоборот, получили различные привилегии. Лишь в сентябре 45 г. Цезарь прибыл в Италию. В октябре состоялся его триумфальный въезд в Рим.¹¹

Так закончилась последняя война, которую вел Цезарь.

¹¹ Цезарь задержался в своем Лавиканском поместье в Лации, где 13 сентября составил завещание, которое передал на хранение старшей весталке.

ЗАМЫСЛЫ, ПЛАНЫ, НАЧИНАНИЯ

(45—44 гг.)

День ото дня он задумывал все более великие и многочисленные планы устройства и украшения столицы, укрепления и расширения державы.

Светоний

Незадолго до своего отъезда в Испанию Цезарь произвел перепись населения в Риме. Данные переписи оказались удручающими: из 320 тысяч граждан осталось в живых лишь 150 тысяч. Таков был урон, нанесенный междоусобными войнами только в столице. Не меньшими были потери и в остальных городах Италии, не говоря уже о провинциях. Не удивительно, что триумф, отпразднованный Цезарем по случаю его победы при Мунде, произвел на римлян тягостное впечатление, ведь на этот раз он победил не чужеземных вождей, а сыновей Помпея, пролил кровь не варваров, а своих сограждан. Такой славы, считает Плутарх, скорее следовало стыдиться (Плут. Цез., 56).

Как обычно, после триумфального шествия было устроено угощение для народа. Но Цезарю оно показалось скудным и несоразмерным его щедрости, поэтому он повторил пиршество через 4 дня. Второй обед оказался неслыханно роскошным.

В честь победы сенат назначил пятидесятидневное благодарственное молебствие. Отныне Цезарю разрешалось появляться на всех пирах в одежде триумфатора. По свидетельству Светония, Цезарь, к тому времени уже основательно лысевший и страдавший из-за безобразившей его лысины, с наибольшим удовольствием воспользовался правом постоянно носить на голове лавровый венок (Свет. Бож. Юлий, 45).

Было принято постановление о строительстве на Палатине за государственный счет дома для Цезаря, куда он должен был перебраться из жилища, некогда выделенного ему как верховному понтифику на Священной

дороге. Повсюду воздвигались статуи, изображающие его, а одну из них из слоновой кости вместе с изваяниями богов выносили на особых носилках в дни игр и торжественных процессий.

Сенат провозгласил Цезаря диктатором на 10 лет с правом рекомендовать кандидатов на самые ответственные должности в государстве. Он получил титулы императора, отца отечества и имя освободителя. Его особа была объявлена неприкосновенной. Одновременно Цезарю была вручена цензорская власть, право контролировать частную жизнь граждан. Цензором он оказался на удивление суровым. Брак одного сенатора он объявил недействительным только на том основании, что новобрачная лишь накануне развелась с прежним мужем. А своего любимого вольноотпущенника, обольстившего жену римского всадника, он приказал казнить, хотя никаких жалоб на него не поступало.

Теперь, когда все вооруженные противники были побеждены, Цезарь смог целиком отдаться реформаторской деятельности, направленной по преимуществу на пресечение злоупотреблений со стороны правящих сословий. Так, срок управления консульскими провинциями он ограничил двумя годами, а преторскими — годом. При этом наместники провинций лишались военной власти, их обязанности сводились к судебному и административному надзору. В интересах италийских жителей Цезарь провел закон, предоставлявший городам Италии большую самостоятельность в решении местных вопросов.

Была упорядочена налоговая система. Отныне деятельность публиканов (откупщиков налогов в провинциях) ограничивалась и ставилась под контроль. За публиканами сохранялся сбор только косвенных налогов (таможенная пошлина, арендная плата с государственных земель и т. п.), прямые же налоги стали вноситься государству непосредственно представителями общин.

Особым постановлением ужесточались наказания за убийство римского гражданина и другие уголовные преступления. Если прежде за человеком, совершившим беззаконие и затем удалившимся в изгнание, сохранялось имущество, то теперь он расплачивался за преступление своим состоянием. Предполагалось, что эта мера в какой-то степени снизит число злодеяний среди римских богачей.

В целях упорядочения судопроизводства Цезарь наме-

ревался создать общий свод законов. Пока же он внимательно присматривался к деятельности судебных органов, тщательно изучал все гражданские и уголовные дела, поступавшие к нему лично, причем при вынесении приговора был очень строг. Он постоянно и ревностно следил за соблюдением принятых законов, прежде всего законов против роскоши, в частности ограничивающих круг людей, которым разрешалось пользоваться носилками, пурпурными одеждами и жемчужными украшениями. Теперь это право сохранялось лишь в строго установленные дни, только за теми, кто был старше 55 лет, женат и имел детей.

Для пресечения показной роскоши устанавливался предел расходам при погребении. Даже повседневные траты были строго нормированы: в будние дни они не должны были превышать 200 сестерциев, а в праздничные — 300 сестерциев. Запрещалась также продажа и потребление изысканных и дорогих яств. Особые сторожа следили на рынках за тем, чтобы этот запрет не нарушался. У людей, все же сумевших приобрести запрещенные деликатесы, кушанья изымались прямо со столов специально отряженными для этого дела солдатами (Свет. Бож. Юлий, 43).

Что касается самого Цезаря, то он не изменял своим привычкам, по-прежнему жил скромно, в быту довольствовался немногим, излишеств в еде не допускал, в питье был очень воздержан. В свое время это отметил даже Катон, который сказал: «Цезарь один из всех берется за государственный переворот трезвым» (там же, 53).

Поскольку численность населения в столице сильно сократилась, Цезарь позаботился об издании указа, запрещающего римским гражданам старше двадцати и моложе сорока лет, не находящимся на военной службе, покидать Италию более чем на три года.

При Цезаре значительно увеличилось число городских преторов, квесторов и эдилов. Он позаботился о пополнении сената, вводя в его состав многих своих сторонников: офицеров, вольноотпущенников, провинциалов, только что получивших гражданские права, и даже нескольких галлов. По своему обыкновению Цезарь продолжал щедро раздавать права римского гражданства, несмотря на то, что это вызывало сильное недовольство у римской знати, не желавшей ни с кем делиться своими привилегиями. Число сенаторов было доведено теперь до

900 человек.¹ Таким образом в административном аппарате республики появилось большое количество энергичных, преданных Цезарю людей, прежде мало кому известных. Чтобы облегчить им продвижение по службе, Цезарь повел решительную борьбу с подкупом в избирательной кампании, к которому он сам нередко прибегал в прошлом.

Всех своих солдат-ветеранов Цезарь постарался обеспечить землей. 80 тысяч человек были расселены в заморских колониях Рима, самые многолюдные из которых Коринф и Карфаген отстраивались теперь заново.² Одновременно Цезарь сократил число чужеземцев, проживавших в столице, сделав, однако, исключение для врачей и учителей. При этом он даровал им римское гражданство, чтобы таким образом поощрить прибытие в Италию новых специалистов.

Хотя многие в Риме надеялись на упразднение долговых обязательств, отмены долгов не произошло, но были сделаны некоторые перерасчеты, в результате которых общая сумма долга сократилась почти на четверть.

Для пополнения государственной казны на все товары, ввозимые в Италию, была наложена пошлина. Таможенный сбор сразу сделался прибыльной статьей государственного дохода.

В 46—44 гг. Цезарь распорядился отчеканить около 20 миллионов денариев в золотой монете, на которой по дарованному ему сенатом праву поместил свое изображение.³ Значительная часть этих денег предназначалась для оплаты легионеров и раздачи римским гражданам. Новый денарий скоро сделался единой денежной единицей в Риме и во всех западных провинциях.

Еще до отъезда Цезаря в Испанию по его указанию была проведена реформа календаря.⁴ К середине I в. до н. э. римский календарь уже не был согласован со сменой времен года и в 46 г. отставание составляло

¹ В эпоху ранней республики в сенат входило 300 человек, при Сулле число сенаторов возросло до 600 человек.

² Города Коринф в Греции и Карфаген в северной Африке были разрушены римлянами в 146 г. во время III Пунической войны.

³ Первым портретом, помещенным на римской монете, является изображение Юлия Цезаря.

⁴ Ведение календаря входило в круг обязанностей Цезаря как верховного понтифика.

90 дней. Находясь в Египте, Цезарь присматривался к системе счисления времени у египтян и нашел ее более совершенной, чем у римлян. По совету греческого математика и астронома Сосигена, он отказался от прежнего способа счисления и взамен ввел постоянный календарь из $365\frac{1}{4}$ суток. В 46 г. Цезарь добавил к текущему году 90 дней для того, чтобы месяцы соответствовали временам года.

С 1 января 45 г. был введен календарный год, насчитывающий 365 дней и месяцы такой же продолжительности, как в настоящее время. Каждый четвертый год добавлялся дополнительный день к февралю. Если раньше римский год начинался с 1 марта, то теперь начало года было установлено с 1 января, что совпадало со вступлением в должность новых консулов.⁵ Благодаря введению уточненного календаря был положен конец различным махинациям, вызванным путаницей в счете, например, незаконному продлению чьей-нибудь магистратуры (Dio Cass. Hist. Rom., 40, 62).

В Риме регулярно появляются указы Цезаря, регламентирующие торговые операции, упорядочивающие снабжение города хлебом, обязывающие эдилов производить текущий ремонт улиц и многие другие. «День ото дня,— пишет Светоний,— он задумывал все более великие и многочисленные планы устройства и украшения столицы, укрепления и расширения державы» (Свет. Бож. Юлий, 44). В его планы входило строительство грандиозного храма Марса и сооружение театра, который своими размерами превосходил бы театр, построенный в 55 г. Помпеем на Марсовом поле.⁶ Он задумал открыть несколько публичных библиотек; устройство одной из них — греко-латинской — он поручил Марку Варрону.⁷

Среди многочисленных замыслов Цезаря важное место занимали проекты по мелиорации и проведению каналов. Десятки тысяч земледельцев предполагалось обеспечить

⁵ Юлианский календарь сохранялся в европейских странах до XVI в., в России — до 1918 г., когда по декрету Совнаркома за подписью Ленина после 31 января наступило 14 февраля.

⁶ Театр Помпея, имевший в диаметре около 160 метров, вмещал 35 тысяч зрителей, из которых 28 тысяч могли сидеть. Это был первый каменный театр в Риме.

⁷ Марк Теренций Варрон Реатинский (116—27) — римский ученый-энциклопедист, автор 70 сочинений по разным областям научных знаний. Первая публичная библиотека в Риме была учреждена Гаем Азинием Поллионом в 39 г. (Плин. Ест. ист., 35, 9).

землей после осушения Помптинских болот⁸ и спуска Фуцинского озера.⁹ Для облегчения торговых сношений и подвоза в столицу продовольствия Цезарь планировал провести канал, который отводил бы воды Тибра на юг Лация к Таррацине, чтобы оттуда купцы могли продолжить путь в Рим, не подвергаясь опасностям морского плавания. Отводом Тибра к Ватиканским холмам увеличивалась площадь Марсова поля, которое Цезарь предполагал отдать под застройку и таким образом решить злободневный жилищный вопрос. Эту эффективную меру помешала осуществить Цезарю смерть.

Неосуществленными остались и другие проекты: возведение плотины у Остийского берега с последующим устройством там гаваней и якорных стоянок, прокладка дороги от Адриатического моря через Апеннины к верховьям Тибра, строительство судоходного канала на коринфском перешейке в Греции.¹⁰

Обратившись к государственной деятельности, Цезарь отдавался ей с большой увлеченностью. Все новые планы рождались в его голове. «Многочисленные успехи,— пишет Плутарх,— не были для деятельной природы Цезаря основанием спокойно пользоваться плодами своих трудов. Напротив, как бы воспламеняя и подстрекая его, они порождали планы еще более великих предприятий в будущем и стремление к новой славе, как будто достигнутая его не удовлетворяла. Это было некое соревнование с самим собой, словно с соперником, и стремление будущими подвигами превзойти совершенные ранее» (Плут. Цез., 58).

В ближайшем будущем Цезарь намеревался вернуться к военной деятельности. Он уже разработал план грандиозного похода на Восток. На Балканском полуострове были наготове крупные силы: 16 легионов пехоты и 10 тысяч всадников (Апп. Гр. войны, 2, 110). Предполагалось захватить сначала Дакию и затем двинуться на Евфрат против Парфии. Сокрушив эту самую могущественную державу на Востоке, Цезарь отомстил бы

⁸ Помптинские болота, расположенные на побережье Лация между Цирцеями и Таррациной, уже неоднократно, но безуспешно осушались.

⁹ Фуцинское озеро — самое крупное озеро в центральной Италии к востоку от Рима. Проект Цезаря по спуску озера был осуществлен, хотя и неудачно, императором Клавдием (41—45).

¹⁰ Впоследствии этот проект Цезаря пытались осуществить императоры Калигула (37—41) и Нерон (54—68).

за смерть Красса, погибшего в 53 г. в парфянском походе, и основательно пополнил бы римскую казну. Однако главной целью новой войны была реализация честолюбивых замыслов Цезаря. Ведь, если бы ему удалось захватить Парфию, возникло бы гигантское государство от Атлантического океана до Индии. Подвластные Цезарю земли были бы обширнее монархии Александра Македонского.

Среди столь разных и многочисленных дел Цезарь находил время и для литературных занятий. В эти годы он пишет небольшую поэму «Путь» о своем походе в Испанию, куда он отправился в декабре 46 г. для борьбы с помпеянами. В ответ на панегирик Цицерона «Катон», прославлявший злейшего врага Цезаря Катона Утического, он создает сочинение в двух книгах под названием «Антикатон». Катон был одним из немногих людей, к которым Цезарь открыто выражал свою неприязнь.

Хотя Цицерон в своем сочинении всячески расхваливал и превозносил Катона, Цезарь в ответном слове не только отдал дань красноречию и всей жизни Цицерона, но продолжал относиться к нему с прежним уважением и дружелюбием (Плут. Циц., 39). Цицерон оказался одним из тех римлян, которые, подчиняясь скорее обстоятельствам, чем внутреннему убеждению, не скупилась на славословия и самому Цезарю в надежде на его благосклонность. Но если с властью Цезаря Цицерон как-то мирился, то Клеопатре он не прощал ничего. В его письмах тех лет хватает старческого брюзжания, но когда в них речь заходит о Клеопатре, они дышат неприкрытой ненавистью к ней.

«Царицу я ненавижу,— пишет он своему близкому другу Аттику,¹¹ — что я по праву так поступаю, знает Аммоний, поручитель за ее обещания, которые имели отношение к науке и соответствовали моему достоинству» (Циц. К Атт., 15, 2). Поводом для вспышки послужил следующий эпизод. В конце 45 г. Цицерон посетил Клеопатру на ее вилле за Тибром. Возможно, он хотел лично представиться женщине, которая пользовалась особым расположением диктатора. Предлогом для визита послужила какая-то книга, необходимая Цицерону для его философских занятий. Клеопатра, выслушав просьбу

¹¹ Помпоний Аттик (109—32) — богатый римский всадник, крупный книгоиздатель, тиражировавший, в частности, сочинения Цицерона.

знаменитого оратора, распорядилась доставить ему книгу из Александрийской библиотеки. Однако Аммоний, который должен был проследить за этим, ничего не сделал, чем навлек на свою госпожу ненависть Цицерона.

Впрочем, недоволен был не только Цицерон. Многие римляне уже открыто выражали свое недовольство, причем не только Клеопатрой, но и самим Цезарем. По Риму упорно ходили слухи, что Цезарь стремится к царской власти. Издавна ненавистное римлянам слово «царь» (гек), равносильное для них понятию «тиран», было у всех на устах. Будоража и устрашая, оно звучало как призыв к борьбе.

Были, конечно, и такие люди, которые ненавидели Цезаря, движимые завистью или личной обидой. Однако большинство римлян опасалось, что Цезарь, сосредоточивший в своих руках огромную власть, — к тому времени он был провозглашен диктатором пожизненно — однажды воспользуется ею, чтобы задушить республику и установить монархию.

Монархические тенденции Цезаря уже ни у кого в Риме не вызывали сомнений. Признаки того, что он стремится стать монархом, были налицо. Цезарь не скрывал, что считает государственный строй республики не только устаревшим, но и попросту мертвым. Он прямо заявлял: «Республика — ничто, пустое имя без тела и облика» (Свет. Бож. Юлий, 77). Однажды в январе 44 г. кто-то возложил на статую Цезаря царскую диадему. Тогда же какой-то человек из толпы, приветствуя Цезаря, назвал его царем. Диктатору пришлось поправить зарвавшегося льстеца, сказав, что он не царь, а Цезарь. Но больше всего возмутил римлян инцидент на пастушеском празднике Луперкалий 15 февраля, когда консул Марк Антоний при огромном стечении народа пытался возложить на голову Цезаря царскую корону. Раздавшиеся при этом жидкие, заранее подготовленные хлопки произвели на всех удручающее впечатление. Когда же Цезарь отверг корону, то это было встречено всеобщим рукоплесканием. Точно так же реагировал народ и на повторную попытку со стороны Антония увенчать Цезаря короной. Тогда Цезарь, сказав, что «в Риме один только царь — Юпитер», распорядился отнести корону в храм на Капитолий. Однако всем показалось, что делает он это с неохотой, как бы подчеркивая

жертвенность своего поступка (Dio Cass. Hist. Rom., 44, 11).

В Риме всерьез говорили о том, что Цезарь замыслил перенести столицу в Илион или Александрию. Тайные недоброжелатели Цезаря активно распространяли в народе эти и подобные им небылицы. Ненавистникам помогали льстецы, которые своими неумеренными восхвалениями и предложениями новых почестей вольно или невольно восстанавливали римское население против всесильного диктатора.

Над головой Цезаря вновь собрались тучи.

Глава восьмая

РОКОВЫЕ ИДЫ МАРТА

(МАРТ 44 г.)

О, бессмертные боги, какой ценой заплатил этот мягкосердечный человек за свою благосклонность к Бруту!

Веллей Патеркул

Недовольство Цезарем зрело уже давно. Новые почести, установленные для него сенатом, были равносильны открытому обожествлению его личности. Ему посвящались храмы и жертвенники. В его честь повсюду устраивались различные игры. Статуя Цезаря была помещена в храме среди статуй богов. Месяц квинтилий переименовали в Юлий (июль).¹ Клятва именем Цезаря получала юридическую силу. Ему было дано право пользоваться в сенате и суде золотым курульным креслом.

«Наперебой предлагались чрезмерные почести, неуместность которых привела к тому, что Цезарь сделался неприятен и ненавистен даже самым благонамеренным людям», — пишет Плутарх (Плут. Цез., 57). Такова участь неограниченной власти. Льстецы и вторящие им тайные недоброжелатели сделали свое черное дело. В обстановке всеобщего угодничества и лести характер Цезаря начал меняться в худшую сторону. Он сделался

¹ Таким образом Цезарь уже при жизни приравнялся к богам, которым в римском календаре были посвящены месяцы: январь — Янусу, март — Марсу, май — Майе, июнь — Юноне.

нетерпелив и раздражителен. Нередко утрачивая контроль над собой, он позволял себе пренебрежительное отношение к окружающим, чего прежде никогда не допускал.

Как-то раз, когда к нему явились консулы в сопровождении сенаторов, он принял их у храма Венеры-прародительницы, сидя, а не стоя. Такое подчеркнутое высокомерие диктатора вызвало недовольство не только сената, но и простого народа, усмотревшего в поведении Цезаря оскорбление всего государства. Есть, правда, сообщение о том, что Цезарь хотел, как подобало, встать перед сенаторами, но его удержал один из льстецов Корнелий Бальб (Свет. Бож. Юлий, 78; Плут. Цез., 60).

Увидев, с каким огорчением расходятся сенаторы, Цезарь осознал недостойность своего поведения и попытался оправдать его своей болезнью: ее приступы всегда неожиданны для него, внезапное головокружение, а затем судороги не позволили ему принять сенаторов, как того требовало их высокое достоинство. Но уже никто не верил этим объяснениям, тем более, что, когда однажды перед ним самим не встал один из народных трибунов, он долго не мог ему этого простить и при всяком удобном случае язвительно повторял: «Если Понтию Аквиле это будет угодно» (Свет. Бож. Юлий, 78).

Всегда отличавшийся независимостью и трезвостью суждений Цезарь вдруг стал прислушиваться к лицемерным славословиям в свой адрес. Он уже прямо заявлял, что «люди должны разговаривать с ним осторожнее и слова его считать законом» (там же, 77). Такое чрезмерное самомнение Цезаря часто сводило на нет его усилия вернуть себе симпатии римлян. А между тем он, действительно, делал многое такое, что должно было бы привлечь к нему людей. Помиловал многих видных помпеянцев. Приказал восстановить статуи Помпея, низвергнутые после Фарсальского сражения. Допустил к государственным должностям детей римских граждан, репрессированных и казненных при Сулле. Разрешил вернуться в Италию даже тем, кто еще не получил официального прощения.

Казалось, что все эти акты милосердия находят у римлян понимание и вызывают их одобрение. Цицерон в одной из своих речей публично благодарит Цезаря: «Нет ничего более удобного народу, чем доброта, а из множества твоих доблестей наибольшее восхищение и наибольшую признательность вызывает твое

мягкосердечие. Ведь люди более всего приближаются к богам именно тогда, когда даруют людям спасение. Самое высшее в твоей судьбе то, что ты можешь спасти возможно большее число людей, а самое лучшее в твоём характере то, что ты этого хочешь» (Циц. За Лиг., 12, 37—38).

Тем не менее число недовольных Цезарем постоянно росло. Друзья уже не раз призывали его к бдительности и осторожности, предлагая себя в качестве телохранителей, но Цезарь неизменно отвергал эти предложения, заявляя, что «лучше один раз умереть, чем постоянно ожидать смерти» (Плут. Цез., 57). «Повторяя, что он предпочитает умереть, нежели внушать страх, Цезарь ожидал милосердия, которое проявлял сам», — пишет Веллей Патеркул (Велл. Пат. Рим. ист., 2, 57).

Терпимость Цезаря к людям, настроенным к нему враждебно, была, в самом деле, поразительна. Всякий раз, когда до него доходили слухи, что кто-то из римлян злоумышляет против него, Цезарь, стараясь, по словам Светония, «пресекать, но не наказывать», ограничивался тем, что объявлял особым эдиктом, что ему все известно, клеветникам же советовал одуматься (Свет. Бож. Юлий, 75).

Хотя на людях Цезарь нередко проявлял порочающую его заносчивость, у себя дома он по-прежнему был прост и справедлив, не делая никаких различий между собой и своими гостями. Доказательством может служить следующий случай. Однажды раб, прислуживавший за столом, подал гостям не такой хлеб, как хозяину. За эту оплошность он был сурово наказан: на какое-то время закован в колодки.

Усиленно пропагандируя легенду об Аскании-Юле, основателе рода Юлиев, и всячески поощряя культ Венеры-прародительницы, Цезарь в то же время был терпим к иноземным культам, дозволив, например, иудеям отправлять свои религиозные обряды в римской столице (Jos. Flav. Antt. Jud., 14, 10, 8).

Как всегда, он был внимателен к друзьям, заботлив к клиентам, признателен всем тем, кто был к нему расположен, причем независимо от их социального положения. Но все его прекрасные качества и многочисленные акты милосердия не смогли перевесить растущей к нему неприязни в народе. В столице с каждым днем все больше пагнетались страсти вокруг его имени.

Римлянам было сообщено, что в пророческих книгах обнаружено предсказание, гласящее, что парфян сможет одолеть лишь тот человек, который имеет царскую власть, поэтому на одном из заседаний сената будет предложено провозгласить Цезаря царем.

Уже давно группой римских аристократов разрабатывался план физического устранения диктатора. Вдохновителем заговора был претор Гай Кассий Лонгин. Во время гражданской войны он сражался на стороне Помпея. После войны Цезарь не только простил его, но принял в круг своих друзей и предоставил ему должность претора. Однако Кассию, в котором кипела личная злоба к Цезарю, казалось, что он заслуживает большего. Ему удалось втянуть в заговор 60 человек, среди которых были не только помпеянцы, в свое время помилованные Цезарем, но и близкие к диктатору люди, до недавнего времени его явные сторонники, служившие под его знаменами еще в Галлии, которым Цезарь полностью доверял: Сервий Гальба, Гай Требоний, Децим Юний Брут.

В заговоре особая роль отводилась Марку Юнию Бруту (85—42), мать которого, Сервилию, Цезарь когда-то очень любил и не оставлял своим вниманием даже в самую напряженную пору гражданской войны: постоянно делал ей подарки и как-то помог ей за бесценок купить с аукциона богатейшие поместья. Был даже слух, что Брут — внебрачный сын Цезаря.

Брут имел склонность к научным занятиям; в первую очередь его привлекала философия, особенно учение Платона и его последователей. Он прекрасно владел родным языком и прославился как великолепный оратор. Кумиром Брута был его дядя Марк Порций Катон, которому племянник подражал с величайшим рвением. Впоследствии он, по примеру Цицерона, прославил его в своем сочинении «Катон».

В войне Цезаря и Помпея Брут присоединился к последнему, так как считал его дело более справедливым, и принимал участие в сражении при Фарсале. Судьба Брута была небезразлична Цезарю, который перед началом сражения отдал командирам легионов приказ ни в коем случае не убивать Брута и стараться, по возможности, вообще не задеть его. После сражения Цезарь был сильно встревожен, не видя Брута среди сложивших оружие, и очень обрадован, когда нашел его

наконец в числе уцелевших помпеянцев.

Завершив гражданскую войну, Цезарь осыпал Брута своими милостями и дал ему преторскую должность в самом Риме. Через три года Брут должен был стать консулом. Цезарь безгранично доверял Бруту, видел в нем своего преемника и часто выполнял его просьбы о помиловании тех или иных помпеянцев. Конечно, все это Цезарь делал ради Сервиллии. При желании Брут мог бы стать самым влиятельным после Цезаря человеком в государстве, а со временем занять в нем первое место. Именно такая судьба ожидала Брута, но его подстрекал и торопил Кассий.

Заговорщики сделали все, чтобы привлечь Брута в свои ряды. Поскольку римляне видели в нем потомка легендарного Луция Юния Брута, основателя Римской республики и первого консула, участвовавшего в изгнании из Рима царей,² его причастность к заговору придавала всему предприятию особую символичность. Авторитет, которым Брут пользовался у народа, гарантировал, как казалось заговорщикам, поддержку широких масс.

В те дни статуя древнего Брута была испещрена надписями: «О, если бы ты был сегодня с нами!» и «Если бы жил Брут!». Однажды утром судейское возвышение, на котором Брут исполнял свои преторские обязанности, оказалось исписанным воззваниями: «Ты спишь, Брут!», «Ты не Брут!» и тому подобными обращениями (Плут. Брут, 9).

Многочисленные устные и письменные призывы, а также давление на него со стороны жены, дочери Катона, в конце концов возымели действие: Брут принял сторону заговорщиков, уже своим участием упрочив их ряды. Когда Цезарю доносили о том, что Брут злоумышляет против него, он категорически отказывался верить в это. Прикасаясь рукой к своей груди, он говорил: «Неужели Брут не повременит, пока это тело не станет мертвой плотью?», имея в виду, что Брут

² Изгнание царя Тарквиния Гордого и установление в Риме республики относится приблизительно к 509 г. Легендарный Луций Юний Брут был патрищем, позднейшие Юнии принадлежали к плебейскому сословию, но из политических соображений они пригязали на происхождение от древнего Брута.

и так в скором времени унаследует высшую власть в государстве (там же, 8). Цезарь не допускал даже мысли, что Брут ради приближения этой минуты способен на предательство.

Друзьям, выразившим свою обеспокоенность и предлагавшим для его охраны призвать в столицу испанские когорты, Цезарь отвечал: «Ничего нет хуже продолжительной охраны: это примета того, кто находится в постоянном страхе» (Апп. Гр. войны, 2, 108). К тому же Цезарь очень полагался на данную сенаторами в январе 44 г. клятву, которой они обязались охранять его жизнь.

Упорное нежелание Цезаря поверить в угрожавшую его жизни опасность вызвало у некоторых друзей подозрение, что он сознательно пренебрегает их советами. Им казалось, что Цезарь, измученный болезнями, устал от жизни. Но это было не так. Просто для себя Цезарь уже давно все решил. «Смерть,— говорил он,— отдохновение от бедствий, а не мука; она избавляет человека от всяческих зол: по ту сторону ни для печали, ни для радости места нет» (Салл. Кат., 51, 20; ср. Циц. Кат., 4, 7).

Он никогда не гневался на прорицателей, предсказывавших ему скорую кончину, считая, что «лучше один раз встретиться с грозящим отовсюду коварством, чем в вечной тревоге его избегать» (Свет. Бож. Юлий, 86). «Я,— говорил Цезарь,— достаточно долго прожил как для законов природы, так и для славы» (Циц. За Марц., 8, 25). Однако умирать он вовсе не спешил. На 18 марта назначалось его отбытие на войну против Парфии. Сначала Цезарь намеревался присоединиться к войску, ожидавшему его в Македонии, и уже затем двинуться дальше на Восток. 15 марта (у римлян этот день назывался идами³) на заседании сената предполагалось провозгласить Цезаря царем внеиталийских провинций с правом носить корону за пределами Италии.

Мартовские иды были намечены заговорщиками днем для покушения на диктатора. Они сговорились собраться

³ В каждом месяце было 3 дня, по отношению к которым обозначались все остальные дни месяца: 1-й день месяца назывался календами, 5-й или 7-й — идами, 13-й или 15-й — идами.

в курии Помпея,⁴ где назначалось провести заседание сената. Убийство должно было совершиться открыто перед важнейшим государственным органом республики, что подчеркивало бы патриотический характер акции.

Накануне Цезарь был приглашен на обед к Марку Лепиду⁵ и весь вечер 14 марта провел в гостях в обществе близких друзей. За столом он по своему обыкновению делал какие-то записи и одновременно беседовал с присутствующими. Обсуждали его предстоящий отъезд из Рима. Вдруг речь зашла о смерти и кто-то обратился к нему с вопросом, какой бы конец он желал себе. Цезарь тут же ответил: «Неожиданный!»

В ночь на 15 марта, когда Цезарь уже спал в своем доме, все двери и окна в его спальне, словно от удара, внезапно распахнулись. Разбуженный шумом, Цезарь открыл глаза. Комната была залита ярким светом. В окна заглядывала полная луна. Он прислушался. Тишину ночи нарушали какие-то неясные звуки. Присмотревшись, он увидел, что это рыдает во сне Кальпурния. Он не стал будить ее, но от жалобного плача жены у него на душе сделалось тревожно. Заглушив в себе непонятно от чего возникшее непривычное ему чувство страха, Цезарь попытался заснуть. Но сон его был беспокоен. Ему снилось, что он летает под облаками и у него перехватывает дыхание.

Утром Кальпурния, обливаясь слезами, умоляла супруга отложить заседание сената: во сне ей привиделось, что она держит в объятиях мужа, истекающего кровью. Опасения жены и не свойственный ей суеверный страх поколебали Цезаря, ведь ничего подобного за Кальпурнией раньше не замечалось. То ли под влиянием жены, то ли из-за собственного недомогания Цезарь решил остаться дома. К тому же ему вспомнилось предсказание гадателя Спуринны, что мартовские иды принесут ему беду. Хотя Цезарь никогда не был суеверен и открыто высмеивал предзнаменования, на этот раз он решил поостеречься и не выходить из дома. Он попросил Антония от его имени распустить сенат.

Не желая откладывать исполнение задуманного, за-

⁴ Курия Помпея — одно из зданий, построенных Помпеем в 55 г. вместе с каменным театром.

⁵ Марк Эмилий Лепид — консул 46 г., начальник конницы при Цезаре, будущий участник 2-го триумvirата.

говорщики послали к Цезарю Децима Брута Альбина с наказом во что бы то ни стало привести диктатора в курию. Насмехаясь над мнительностью Кальпурнии и порицая женские предрассудки, Децим Брут горячо убеждал Цезаря не откладывать заседания сената, в противном случае он навлечет на себя упреки в заносчивости: если его решение все же окончательно, то пусть он сам, явившись в курию, сообщит об этом собравшимся там сенаторам. Цезарь поддался на уговоры Брута, которому всегда и во всем доверял.⁶ К тому же Брут проявил исключительную настойчивость: взяв Цезаря за руку, он чуть ли не силой вывел его на улицу.

Было уже около 10 часов, когда Цезарь появился на Священной дороге. Когда-то, 40 лет назад, он, тогда мало кому известный шестнадцатилетний юноша, избранный жрецом Юпитера, ежедневно проходил по ней из регии к храму Юпитера Капитолийского. Казалось, что с тех пор на Форуме ничто не изменилось. Так же было многолюдно. Кричали торговцы, ссорились покупатели, бродячие фокусники демонстрировали свое искусство, слонялись бездельники и ротозей, шныряли мальчишки, словом, вокруг кипела повседневная жизнь большого столичного города, который Цезарь любил всем сердцем.

Диктатора окружила плотная толпа клиентов, просителей, зевак, и никто из них не догадывался, что нога Цезаря касается камней Форума в последний раз. Пройдя через Форум, Цезарь поднялся по Веллабру, обогнул слева Капитолий и направился в сторону Марсова поля. Какой-то раб порывался что-то ему сказать, но так как все его попытки пробиться сквозь толпу окончились ничем, он бросился к Кальпурнии, заявив, что ему необходимо дождаться возвращения Цезаря, чтобы сообщить ему нечто чрезвычайно важное. С появлением этого странного, незнакомого ей раба Кальпурния, в тревоге за мужа не находившая себе места, окончательно лишилась покоя.

Между тем Цезарь подошел к курии Помпея. Увидев перед входом Спуринну, когда-то предсказавшего, что мартовские иды грозят ему бедой, Цезарь шутливо заметил, что иды марта наступили, а предсказание не

⁶ Децим Брут накануне вечером пировал вместе с Цезарем у Марка Лепида.

сбылось. «Да, наступили, но еще не прошли», — ответил тот (Плут. Цез., 63; Свет. Бож. Юлий, 81).

Воспользовавшись задержкой Цезаря, некий Артемидор передал ему записку, в которой разоблачалось готовящееся покушение. Однако Цезарь, стиснутый со всех сторон просителями, не смог прочитать ее, хотя неоднократно порывался сделать это. Так он и вошел в сенат, держа записку в левой руке.

При входе Цезаря одна группа заговорщиков, как было условлено, заняла место позади его кресла. Другая группа обступила Цезаря сразу же возле дверей. Под той у них было спрятано оружие, вносить которое в курию строжайше запрещалось. Один из заговорщиков, Тиллий Кимвр, обратился к Цезарю с просьбой отозвать из изгнания брата. Остальные, делая вид, что поддерживают просьбу, сопровождали Цезаря до самого кресла. Удивленный чрезмерной настойчивостью просителей, Цезарь начал раздражаться. Тогда Кимвр схватил тогу Цезаря и потащил ее на себя. Это был сигнал к нападению.

Первым нанес удар в затылок Каска. Но устранившись собственной дерзости, он лишь слегка задел Цезаря, который, обернувшись, успел схватить и задержать занесенный над ним меч. Не имея другого оружия, Цезарь стал защищаться бывшим у него в руке стилем, остроконечной палочкой для письма,⁷ и успел даже пронзить Каске руку. В это время другой заговорщик поразил Цезаря мечом в бок, Кассий — в лицо, Марк Брут нанес удар в пах, еще кто-то вонзил ему меч между лопатками. Тут уже и остальные заговорщики бросились с мечами на Цезаря, чтобы никому из них не оказаться в стороне от убийства.

«Цезарь метался и кричал, но, увидев Брута с обнаженным мечом, накинул на голову тогу и подставил себя под удары» (Плут. Цез., 66). Израненный, он упал к ногам статуи Помпея, сильно забрызгав ее своей кровью. Набросившись на Цезаря, многие заговорщики в суматохе переранили друг друга. Цезарь получил 23 раны. Из них, как потом установил врач Антистий, только одна оказалась смертельной.

⁷ Римляне писали на восковых табличках продолговатым металлическим стержнем-стилем. Отсюда название небольшого пишала — стилет.

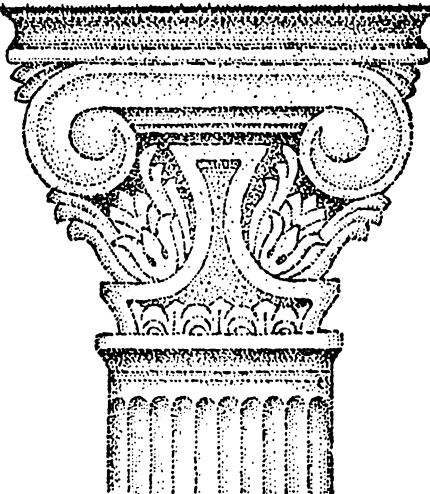
Все находившиеся в здании курии в панике бежали. Смятение и страх овладели жителями столицы. В городе, словно при нашествии врага, закрывались окна, наглухо запирались двери.

Бездыханное тело Цезаря долго лежало у подножья статуи Помпея. Лишь вечером трое рабов, взвалив его на носилки, вынесли труп из курии. «Они несли домой того, кто еще несколько часов тому назад был властелином вселенной» (Апп. Гр. войны, 2, 118).

Так на пятьдесят шестом году оборвалась жизнь Гая Юлия Цезаря.

ТВОРЧЕСТВО

ЖАНР «ЗАПИСОК»

Разумеется, мы простим Гаю Цезарю, что, вынашивая великие замыслы и постоянно погруженный в дела, он достиг в красноречии меньшего, чем от него требовал его божественный генний.

Тацит

Цезарь писал очень много, почти не расставаясь с писцовыми табличками и стилем. Когда у него не было возможности писать самому, он диктовал специально обученному рабу, который всегда находился рядом. Близкий друг и биограф Цезаря Гай Оппий свидетельствует, что Цезарь мог ехать на коне и диктовать письма одновременно нескольким писцам (Плут. Цез., 17).

Если верить Плинию Старшему,¹ Цезарь обладал невероятной способностью делать сразу три дела: говорить, слушать и в то же время писать или читать. Он мог диктовать разные письма одновременно четверем, а если занимался только составлением писем, то и семи писцам (Plin. Nat. hist., 7, 91). Многие из того, что Цезарь написал, носило деловой характер, многое имело вид черновых записей, и лишь часть написанного получила стилистическую обработку.

Из довольно обширного и разнообразного литературного наследия Цезаря до нас дошли только исторические сочинения "Commentarii belli Gallici" («Записки о галльской войне») в семи книгах и "Commentarii belli civilis" («Записки о гражданской войне») в трех книгах.² В них излагаются ход военных действий в Галлии с 59 по 52 г. и события гражданской войны в 49—48 гг., то есть события, активным участником которых

¹ Гай Плиний Старший (23—79 гг. н. э.) — историк и натуралист, автор «Естественной истории» в тридцати семи книгах.

² Античная книга — папирусный свиток или пачка пергаментных тетрадок общим объемом около тысячи строк.

был сам Цезарь. Все остальные произведения Цезаря не сохранились.

Литература издавна являлась для римлян одним из способов самовыражения. Они охотно посвящали ей свой досуг, предпочитая иногда литературные занятия всем другим видам деятельности. Во II—I вв. до н. э., когда Римское государство вышло за пределы города Рима, ставшего только столицей огромной Средиземноморской державы, на историческую арену начали выдвигаться отдельные личности, способные оказывать и оказывающие мощное влияние на ход истории. Это было время самого бурного развития всех отраслей духовной жизни в Риме: критики, грамматики, науки, поэзии, красноречия, истории, философии, права. Все большее количество римлян приобщается к культурному наследию Греции и эллинизированного Востока.

Под влиянием эллинистической философии и литературы в Риме окончательно утверждается индивидуалистическая идеология. Мнение коллектива перестает быть единственным и определяющим в жизни людей. Отдельный индивид решительно отстаивает свои права и, противопоставляя себя коллективу, требует к себе особого внимания, стремясь оставить свой след в политической и культурной жизни общества.

В политике личность утверждает себя через диктатуры и различные формы единоличной власти (Сулла, Помпей, Цезарь), в философии — через эпикуреизм Лукреция,³ в поэзии — через субъективную и автобиографическую лирику (Катулл и его окружение).

В эпохи политических катастроф и социальных потрясений всегда обостряется интерес к отечественной истории, в которой люди пытаются найти объяснение и обоснование новой исторической реальности. К началу I в. до н. э. римская историография заметно эволюционировала, все чаще склоняясь к более научным и современным методам исследования. Она уже не ограничивается, как прежде, показом исключительно внешних событий, а обращает внимание и на проблемы внутренней жизни.

У римских историков все отчетливее проявляется готовность отойти от традиционных способов изложения

³ Тит Лукреций Кар (ок. 95—55) — автор дидактической поэмы «О природе вещей», представляющей собой изложение эпикурейского учения.

исторического материала и тяга к поиску таких форм, которые отвечали бы задачам новой историографической концепции. Однако еще продолжают создаваться исторические сочинения по анналистическому методу, в которых повествование ведется по старинке, в форме летописи, от истоков и возникновения Рима, события располагаются в строго хронологической последовательности, без малейшей попытки понять их внутреннюю, причинно-следственную связь, без отделения главного от второстепенного. Историки-анналисты еще не задумываются над психологической мотивировкой человеческих поступков.

Все же для римской историографии более характерным является теперь монографический подход к материалу, когда изображаются отдельные события или лица и наряду с поиском идеальных образов делается попытка извлечь из римской истории этические уроки и дать на ее основе картину нравов. Эта историография уже не обращается к легендарному прошлому Рима, а предпочитает исследовать события по времени более близкие, даже современные автору.

Подлинное выражение историографии, ставящей своей задачей не сухой перечень сведений, а объяснение людей и событий и отвечающей требованиям художественности, впервые отчетливо обнаруживается лишь в сочинениях Цезаря, а несколько позже в монографиях Саллюстия.

В Риме уже появились образцы литературного жанра, которому была уготована замечательная судьба. Речь идет об автобиографии, жанре, вызванном к жизни интересами по преимуществу лично-политическими. В автобиографиях авторы, оправдывая свою политическую деятельность, защищаются от нападков политических противников или, наоборот, обрушиваются на них. Это — те стимулы, которые в значительной степени лежат в основе дошедших до нас исторических сочинений Цезаря. Записки о своей жизни, написал, например, Сулла, в 79 г. сложивший с себя диктаторские обязанности и удалившийся на покой.⁴

Появление автобиографического жанра знаменует собой окончательное утверждение в римском обществе индивидуалистического сознания. Автобиографический

⁴ Мемуары Суллы, из-за смерти автора прерванные на 22-й книге, закончил и издал его вольноотпущенник Корнелий Эппикад.

характер имеют и уцелевшие сочинения Цезаря. Но между мемуарами Суллы, а также сходными по жанру произведениями других авторов, и «Записками» Цезаря есть существенное различие. Сулла писал свои воспоминания о событиях, которые уже стали достоянием прошлого, Цезарь же писал по горячим следам, поэтому его «Записки» часто напоминают дневниковые записи.

Современный читатель, не искушенный в античной литературе, взявшись за чтение Цезаря, будет разочарован. Уже на первых страницах он с удивлением обнаружит, что повествование не соответствует его привычным представлениям о художественной литературе. Вряд ли его переубедит утверждение, что «Записки» Цезаря — это один из лучших образцов изящной словесности на латинском языке. Его недоумение понятно. Дело в том, что некоторые формы прозаической литературы, в настоящее время не предназначенные для художественных целей (труды по истории, философии, географии и т. п.), у древних наряду с познавательными выполняли и эстетические задачи. От этих произведений ждали занимательности, которая достигалась различными средствами художественной выразительности. Для сочинений делового, узкоспециального и научного характера, например по математике, кулинарии, праву, художественная стилизация была не обязательна.

Римская историография с самого начала своего возникновения ставила перед собой очень конкретные, практические задачи, никогда не занимаясь отвлеченным исследованием исторической истины ради самой истины. Пронизанная элементами публицистики, историография во времена Цезаря приобретает общественно-политическую значимость и часто используется в интересах отдельных партий. Античный историк стремится прежде всего привлечь и удержать внимание читателя, затем убедить и склонить его на свою сторону. Чтобы достичь этого, он обращается к помощи различных стилистических средств, относясь к историографии как к искусству, как к особому роду словесно-художественного творчества.

Современному читателю может показаться, что повествование Цезаря чересчур перегружено географическими названиями, топографическими описаниями, военными выкладками, в которых вроде бы нет никакой художественности. Уж очень сухо и деловито ведет Це-

зять свой рассказ, лишая его ярких стилистических украшений. В «Записках», например, трудно отыскать тропы, слова, употребленные в переносном значении, что уже само по себе непривычно для современного читателя, который от художественного произведения ждет прежде всего образности.

Действительно, Цезарь очень скуп на эмоциональную и экспрессивную окраску своего стиля, который с полным основанием можно рассматривать как нормативный. До минимума ограничивая свой словарь, он употребляет слова всегда в их прямом значении, устраняя таким образом всякую двусмысленность и достигая предельной сжатости повествования. Отсутствие тропов историк мастерски компенсирует синтаксическими фигурами: параллелизмами, гипербатами, брахилогией, асиндетоном и другими. Искусным расположением слов он достигает замечательного эффекта. Например, выдвигая сказуемое или второстепенный член на первое место, он сообщает ему добавочные смысловые и выразительные оттенки.

Всякое отклонение от синтаксической нормы могло служить художественной цели. Но это способен по-настоящему оценить лишь тот, кто знаком с грамматическим строем латинского языка. При передаче на другой язык эти особенности, как правило, исчезают. В переводе невозможно отразить ритмическое членение фраз и звучание латинской речи. А между тем античные авторы, рассчитывая на то, что их произведения будут читаться главным образом вслух, огромное внимание обращали на звучание и ритм своих фраз. Даже сведущие в латыни люди лишены возможности в полной мере оценить достоинства прозы Цезаря, поскольку музыкальная основа нашего языка сильно отличается от латинского: русский язык, например, не знает долгих и кратких слогов.

В сочинениях Цезаря, особенно в «Записках о галльской войне», ярко проявляется интерес и какое-то обостренное любопытство автора к географическим данным, этнографии, обычаям и, вообще, к людям, что очень редко встречается у других писателей. Это не просто дань эллинистической традиции или бесстрастная констатация и проявление общей культуры, а подлинная увлеченность Цезаря новым для него миром. Бережным отношением к подробностям и частностям, стремлением к точности их изложения Цезарь создает у читателя

ощущение полной объективности, чему способствует сама манера повествования. Этнографические экскурсы имеют некоторые стилистические особенности и особый, несколько замедленный ритм изложения.

Как оратор и стилист Цезарь сложился в школе Марка Антония Гнифона, который в то время был главой аналогистов⁵ в Риме. От него Цезарь усвоил вкус к правильному и чистому языку, свободному от неологизмов и редких малоупотребительных слов. Свои стилистические установки Цезарь излагал в трактате «Об аналогии», утраченном для нас. Принципы, провозглашенные Цезарем-грамматиком, были им применены в «Записках», в которых он воздерживается от слов «новых и непривычных». Он устраняет из своей речи неологизмы, архаизмы, иноязычные слова (разумеется, когда в них нет особой необходимости) и одновременно всю ту лексику, которая может придать его стилю новизну и экстравагантность. Он тщательно отбирает слова, пользуясь при этом, как уже отмечалось, минимумом лексики и воздерживаясь от чрезмерной синонимии.

При поверхностном чтении Цезаря может возникнуть ощущение монотонности его латыни, но при внимательном чтении оно исчезает, так как на самом деле латинский язык в его произведениях живой, разнообразный, но ни в коем случае не пестрый. Его манере изложения присущи стилистическая прозрачность, предельная точность и чистота языка. Чтобы не нарушать стилистического единообразия, Цезарь, например, сводит к минимуму использование прямой речи, которая встречается в «Записках» всего 21 раз.

«Записки» Цезаря являются образцом полного соответствия формы и содержания: излагаемый в них материал, любая мысль и настроение писателя находят адекватное выражение. Стиль Цезаря, сжатый и лаконичный, создаст ощущение необычайной стремительности, но эта стремительность не имеет ничего общего с приближительностью и небрежностью.

О непревзойденной простоте и точности языка «Записок» имеется авторитетное мнение Цицерона. «Нагие, простые, прелестные» — такими прилагательными опре-

⁵ Аналогисты отстаивали стройность и морфологическое единообразие языка.

делил великий оратор литературные достоинства «Записок», «ибо всякие украшения речи с них, словно одежда, сняты» (Циц. Брут, 262). «Нагая простота» «Записок», о которой говорит Цицерон, — это не что иное, как абсолютная реализация художественного замысла. Естественность и непринужденность прозы Цезаря — результат большого искусства и тщательной отделки.

Если стиль — это сам человек, если в языке наиболее ярко проявляется его личность,⁶ то в какой-то степени эта истина применима и в отношении жанра, которому писатель отдает предпочтение в своем литературном творчестве. Выбор автором формы для своего произведения никогда не бывает случаен, особенно в античности, где система литературных жанров отличалась исключительной четкостью и устойчивостью. Поскольку в древности каждому жанру соответствовал свой, особый стиль, выбор жанра для древнего писателя означал одновременно и выбор стиля.

Латинские авторы обычно сами объявляют о своем намерении подключиться к литературной традиции. Установка только на эксперимент чужда самому духу римской литературы республиканского периода. У нас нет примеров пренебрежительного отношения римских писателей к устоявшимся в литературе жанровым формам. Правда, римские поэты и прозаики часто не укладываются в рамки традиционных форм и, нарушая существующие каноны, обогащают литературу. Но и в этих случаях речь может идти не о сознательном жанровом новаторстве, а скорее о яркой творческой индивидуальности, вносящей свои неповторимые черты в привычную форму. Из-за плохой сохранности римской литературы каждое уцелевшее произведение представляется единственным и неповторимым. Мы лишены возможности сравнить его с другими произведениями этого жанра, поэтому судить о степени новаторства конкретного писателя в отношении того или иного литературного жанра всегда очень трудно.

Жанр — это не просто комбинация формальных приемов, а форма видения и осмысления определенных сторон мира, выражение не только художественного,

⁶ «Какова жизнь, такова и речь» гласит известная греческая поговорка, которую в латинской форме приводит стоик Сенека (Сен. К Луц., 114, 1). Стиль — своеобразное отражение жизни человека и его характера (там же, 115, 2).

но и социального опыта писателя. Чувство жанра предполагает наличие у писателя обостренного чувства времени, ведь актуальность жанра самым тесным образом связана с пробуждением в обществе соответствующих идейных интересов. Жанр, отражая реальное состояние общества, одновременно является отражением авторской личности, ее отношений с окружающей средой.

В римском обществе I в. до н. э. особенно остро стояли вопросы единства личности и общества, внутренней свободы и государственной необходимости. Освобождение личности от диктата коллектива потребовало введения в римскую литературу новых жанровых форм, в поисках которых прозаики и поэты вновь обратились к литературе греков. Как уже отмечалось, в историографии появились малые формы, такие, как историческая монография, автобиография, жизнеописание выдающихся личностей и т. п.

Что касается исторических сочинений Цезаря, то их жанр в разное время определялся по-разному. В них видели мемуары апологетического характера, военную хронику, политический памфлет, официальный отчет сенату или римскому народу, разновидность автобиографии, самопанегирик, дневник военных действий, публицистические записки о своем времени.

Как правило, в начальных стихах или главах своего произведения римский автор старался указать на свой греческий образец и, следовательно, на сам жанр. В последней трети I в. до н. э. поэт Гораций для названий сборников своих стихотворений стал использовать их жанровые наименования — «беседы», «послания». До него авторское обозначение жанра в самом названии произведения встречается довольно редко. Возникает вполне естественный вопрос, что хотел сказать Цезарь, назвав свои исторические сочинения словом *commentarii*? Можно ли его понимать как авторское жанровое обозначение? Если да, то какое значение вкладывал в этот термин сам Цезарь, и в какой мере он придерживался закона избранного им жанра?

Невозможно допустить, что Цезарь мог назвать свой литературный труд словом непривычным или малопонятным для римлян. Это противоречило бы его стилистической концепции, о которой мы только что говорили. Словом *commentarii* назывались записки, которые с древнейших времен были обязаны вести должностные лица

в Риме, а также записи, относящиеся к деятельности больших жреческих коллегий. Известны, например, *commentarii pontificum* («записи понтификов»), которые Цезарь, как верховный понтифик, знал и за составлением которых должен был следить. Эти записи не сохранились, но упоминание о них мы находим у многих авторов.

Когда Цезарь писал свои «Записки», термин «комментарии» уже вышел за пределы узкой сферы технического обращения и начал циркулировать в сфере литературного обихода. Например, мемуары Суллы иногда приводятся под названием «*Commentarii rerum gestarum*» («Записки о деяниях»). Известно, что современник Цезаря крупный ученый-неопифагореец Нигидий Фигул написал и издал сочинение «*Commentarii grammatici*», в котором рассматривал вопросы синонимии, морфологии, этимологии и т. п.

Слово *commentarii* означает «заметки, записки для памяти», указывая не столько на сочинение, принадлежащее к определенному литературному жанру, сколько на собрание дневниковых записей, представляющих собой серию сырых заметок, еще не являющихся связным и окончательным по форме повествованием. Таким образом, «комментарии» — это необработанный материал, основа будущего сочинения. Подобные «комментарии» частного характера лежали в основе первого целиком дошедшего до нас памятника латинской прозы — книги Катона Старшего «О сельском хозяйстве». Это сочинение, не получившее окончательной литературной обработки, первоначально предназначалось узкому кругу читателей.

Греческими эквивалентами слова *commentarius* являются *ῥόμνῆμα* (*hupomnēma*) и менее точное *ἑφημερίς* (*ephēmeris*), которое мы находим у ряда греческих писателей и в рукописях X—XI вв., где эти слова использованы в названии исторических сочинений Цезаря.

Греческое слово *ῥόμνῆμα* имеет смысл «записи, сделанной по памяти или непосредственно за событиями». Цицерон, уговаривая Луция Лукция написать историю своего консульства, предоставлял в его распоряжение «записи всех событий» (*commentarii rerum omnium* — Циц. К близким, 5, 12, 10; ср. 8, 11, 4). Лукиан⁷ в своем сочинении «Как писать историю» рекомендует историку,

⁷ Лукиан — греческий писатель, живший во II в. н. э.

после того как он соберет материал, сделать сначала *блѳмѳма* и лишь затем наводить красоту и привлекательность с помощью риторических фигур и ритма (48). Вслед за Цезарем, определившим свои сочинения как *commentarii*, этим же термином их квалифицируют его современники Цицерон (Брут, 262), Гиртий (Галл. война, 8 пред. 2; 4; 8, 4, 3), а позже Светоний (Бож. Юлий, 56). Разумеется, «Записки» Цезаря — нечто большее, чем простые «заметки», они подчинены определенному художественному замыслу и носят следы стилистической обработки.

Пытался ли Цезарь скрыть свою заботу о художественной отделке «Записок» или чувствовал, что из-за нехватки времени не довел их до желаемого результата и потому назвал их «комментариями», как бы не претендуя на их литературную ценность, сказать трудно. Скорее всего, цель Цезаря состояла в том, чтобы противостоять историографии, которая в это время утверждалась в Риме как жанр главным образом ораторский, предназначенный улаживать, убеждать, волновать (Циц. Брут, 185). Не достоверность, а убедительность — девиз этой историографии, в которой документальность нередко подменялась правдоподобием.

Не случайно Цицерон называет историю «трудом в высшей степени ораторским» (О зак., 1, 2, 5) и считает, что «ораторам позволено переиначивать историю как угодно, лишь бы они могли сказать что-нибудь позатейливей» (Брут, 42). А в упомянутом письме к Лукцею, которое датируется 56-м годом, просит написать о его собственной деятельности, «отступив от законов истории» (К близким, 5, 12, 3).⁸ Цицерон с неодобрением отзывается об историках, не умеющих украсить историческое повествование цветами красноречия (Брут, 228; О зак., 2, 5).

Видимо, в это время в римской историографии резко обозначилась тенденция обращать внимание преимущественно на внешнюю сторону изложения и силу эмо-

⁸ Известны и другие высказывания Цицерона об истории, которую он называет «свидетельницей времени, светом истины, жизнью памяти, учительницей жизни, вестницей старины» (Об ор., 2, 9, 36), требуя от исторического произведения правдивости и беспристрастности, формулируя обязательные для каждого историка законы: не допускать лжи, не бояться правды, не давать воли ни пристрастию, ни злобе (там же, 2, 15, 26).

ционального воздействия на читателя. Сходный взгляд на историю удерживался в течение всего следующего столетия. «История,— поясняет Квинтилиан,⁹ — близка поэзии и до некоторой степени представляет собой стихотворение в прозе, и таким образом пишется для рассказа, а не для доказательства» (Quint. Inst., 10, 1, 31).

Историографии, имеющей своей целью с помощью различных стилистических уловок лишь наставлять читателя и возбуждать его эмоции, Цезарь противопоставляет историографию, всецело поглощенную проблемами военного искусства и топографии. Он демонстративно не хочет облачать свой труд в «художественное одеяние», принятое у ораторов и моралистов.

Поскольку в античности каждый литературный жанр, отражая определенное отношение личности и общества, бытовал в соответствующей социальной среде и имел свою аудиторию, выбор писателем жанра определялся в значительной степени его предполагаемым адресатом. «Записки» Цезаря адресованы прежде всего образованным читателям, которые следили не только за политической ситуацией, но и за литературной полемикой в Риме. Форма «записок, или комментариев» едва ли могла рассчитывать на успех очень широкой аудитории, привыкшей к более простым и доступным, по преимуществу драматическим, видам словесного искусства. Внешняя непритязательность «Записок» не могла обмануть искушенного в литературе читателя, что видно уже из суждений о стиле Цезаря его современников (Циц. Брут, 261—262; Гирт. Галл. война, 8 пред. 4—7). Точно так же «низкое» содержание и прозаический стиль стихотворной сатиры никого в Риме не вводили в заблуждение; она всегда циркулировала в узком кругу образованных римлян, друзей поэта.

Характер и форма «Записок» должны были внушить читателям мысль, что автор заботится единственно об исторической истине, а художественная сторона вовсе не интересует его. В «Записках» Цезарь обращается главным образом к своим друзьям-единомышленникам, а с друзьями нужно быть по возможности простым, искренним и достоверным. Учитывая знатное происхождение Цезаря, его положение и огромное влияние в Риме, надо ли сомне-

⁹ Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35—96) — автор трактата по риторике «Воспитание оратора» в 12-ти книгах.

ваться в том, что круг этих первых читателей «Записок» был велик?

В соответствии с поставленной перед собой задачей Цезарь писал именно комментарии, одним из первых римской литературе придав художественный характер жанру, который прежде имел исключительно официально-деловое назначение.

«ЗАПИСКИ О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ»

Цезарь был не только весьма искусным и изящным стилистом: он обладал также истинным умением излагать свои замыслы.

Авл Гиртий

Каждый, кто хочет понять и по достоинству оценить «Записки о галльской войне», должен прежде всего решить для себя вопрос, какую цель преследовал Цезарь, создавая их. Обычно в «Записках о галльской войне» видят сочинение оправдательного и пропагандистского характера. По мнению исследователей, Цезарь поставил перед собой цель главным образом политическую, поскольку «Записки» должны были ответить на обвинения политических противников, которые считали вооруженную интервенцию Цезаря в Галлии необоснованной. В научной и учебной литературе «Записки» нередко трактуются как апология военных и политических действий Цезаря против галлов в 58—52 гг.

Вопрос о цели «Записок» теснейшим образом связан с вопросом об их достоверности и степени объективности в них Цезаря. Ведь если Цезарь действительно намеревался представить в благовидном свете свои действия в Галлии, то естественно предположить, что для достижения этого он мог приуменьшить или вообще скрыть некоторые свои неудачи и, наоборот, приукрасить успехи.

Проблема достоверности «Записок» Цезаря восходит еще к античности. По свидетельству Светония, уже Азиний Поллион, младший современник Цезаря, находил, что «Записки» написаны без должной тщательности и заботы об истине.¹ Суждение Азиния Поллиона сурово сверх меры. Правда, неточностей, например географических, хватает, однако сознательное искажение истины Цезарем доказать очень трудно. Параллельные источники, целиком

¹ «Многое, что делали другие, Цезарь напрасно принимал на веру, и многое, что делал он сам, он умышленно или по забывчивости изображает превратно» (Азиний Поллион, см.: Свет. Бож. Юлий, 56).

не зависящие от Цезаря или не имеющие с ним совпадений, почти полностью отсутствуют. Светоний, приведя мнение Азиния Поллиона, счел все же необходимым добавить: «Впрочем, Поллион полагает, что он (т. е. Цезарь) переделал бы и исправил их (т. е. «Записки»)» (Свет. Бож. Юлий, 56).

Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении материалам, в «Записках» нет полного искажения фактов. Можно говорить лишь об особой манере, причем весьма искусной, представлять события в наиболее благоприятном для автора свете: они иногда сдвигаются во времени; подача, окраска и нюансировка фактических данных строго продуманы, в щекотливых и затруднительных для Цезаря ситуациях используются иносказательные выражения и умалчивания. Однако Цезарь является слишком значительной личностью, чтобы опускаться до откровенной лжи. Одно дело — утверждать, что «Записки» рисуют события с точки зрения самого Цезаря, другое — видеть в них умышленную фальсификацию истории.

В «Записках», несомненно, были использованы официальные отчеты и донесения Цезаря сенату, а также переписка Цезаря с его легатами. Все донесения римских наместников из управляемых ими провинций подлежали серьезной проверке в сенате, что исключало возможность явной лжи. Кроме того, среди читателей «Записок» наверняка были офицеры, служившие в армии Цезаря и знавшие весь ход галльской кампании не понаслышке, а как очевидцы событий (Лабиев, Квинт Туллий Цицерон, Гай Фабий, Гиртий и многие другие). В этой ситуации он вряд ли решился бы беспардонно фальсифицировать историю.

Из этого вовсе не вытекает, что Цезарь пишет исключительно историческое сочинение, руководствуясь при этом правдой и только правдой. Не следует забывать, что «Записки» — труд по преимуществу литературный, и вряд ли нужно требовать от их автора беспристрастности. Поскольку главный участник и выразитель событий, о которых в «Записках» идет речь, — сам Цезарь, было бы ошибкой слепо вернуть в его полную объективность. Едва ли «Записки» представляли бы сейчас для нас такой интерес, если бы в них излагался лишь ход военных действий, а личность самого автора, его цели и желания остались «за кадром».

Если верить Цицерону, задачей Цезаря было оставить будущим историкам материал для дальнейшей обработки и украшения.² Об этом свидетельствует и Авл Гиртий, когда пишет, что «Записки» были созданы с той целью, чтобы будущие историки не были лишены сведений о важнейших событиях римской истории.³ Вполне возможно, что сам Цезарь в частных беседах (Гирт. Галл. война, 8, пред. 8) указывал на то, что его сочинение обращено к будущему, выражая таким образом убежденность в исторической значительности своих действий в Галлии и нежелание унижаться до полемики с политическими врагами.

И все же «Записки», будучи обращены к потомкам, не в меньшей степени адресованы современникам Цезаря. А вот кому именно? По этому вопросу единство мнений так и не достигнуто.

Одни исследователи считают, что Цезарь составил «Записки», предназначая их для широких кругов читателей в Риме а может быть, и в римской Галлии. «Записки» обращены к широким массам образованных людей в Риме и Италии, утверждают другие. Адресат «Записок», заявляют третьи,— весь *populus Romanus*. Есть и такие, которые доказывают, что «Записки» адресованы прежде всего римской аристократии, которая боролась против Цезаря. Наконец, было высказано мнение, что предполагаемыми читателями «Записок» была небольшая группа образованных и влиятельных римлян, однако не уточняется, кто были эти люди: друзья или враги Цезаря.

Учитывая жанр «Записок», невозможно согласиться с тем, что Цезарь писал их для всего римского народа, не говоря уже о чужеземцах. Во-первых, многие римские граждане не умели читать, во-вторых, в конечном счете не они, а сенат решал, имеет или не имеет Цезарь

² «Его целью было снабдить тех, кто захочет написать историю, готовым материалом для обработки; но разве что глупцы обрадуются случаю приложить к написанному им свои шипцы для завивки, люди же здравомыслящие никогда не возьмутся за перо после него, так как незатейливая и ясная краткость — самое лучшее украшение историй» (Циц. Брут, 262; ср. Свет. Бож. Юлий, 56).

³ «Они были изданы с целью сообщить будущим историкам достаточные сведения о столь важных деяниях; но они встретили такое единодушное одобрение, что можно сказать, у историков предвосхищен материал для работы, а не сообщен им» (Гирт. Галл. война, 8, пред. 5).

право выставлять свою кандидатуру на должность консула во второй раз, ведь не исключено, что «Записки» появились в разгар предвыборной борьбы.

Не следует также видеть в «Записках» отчет наместника римскому сенату. Едва ли Цезарь был настолько наивен, чтобы верить в возможность переубедить своих заклятых врагов в сенате. Разве требовало каких-либо оправданий то, что являлось первейшим долгом каждого римского полководца — забота о внешних границах республики? Галльская война была логическим продолжением общей политики Рима по отношению к другим народам, и Цезарь в Галлии лишь защищал интересы римлян (см. Циц. О конс. пров., 9, 22—23). По случаю побед римского оружия в Галлии в Риме трижды были назначены неслыханные дотоле длительные благодарственные молебствия: 15 дней в 57 г. и 20 дней в 55 и 52 гг.,⁴ что уже само по себе являлось признанием исключительности заслуг Цезаря перед государством. Вряд ли Цезарь мог рассчитывать изменить мнение политических противников в лучшую для себя сторону. Чего стоило одно только чудовищное предложение Катона выдать Цезаря германцам, вынесенное им на рассмотрение сената в 55 г.

«Записки» вне всякого сомнения адресованы конкретному читателю, главным образом друзьям Цезаря. Все римские поэты и прозаики, приступая к созданию произведений, четко представляли свою будущую читательскую аудиторию. Для Цезаря-солдата, человека дела, ясно осознающего не только свои цели, но и пути их достижения, — иначе и быть не могло. Он хорошо знает, к кому обращается в своем сочинении. В его намерения не входило оправдываться или защищаться: открытая полемика с политическими противниками не могла быть успешной в отсутствие Цезаря в Риме. Человек действия, он предоставлял другим отстаивать его интересы в сенате (а таких людей хватало, например Клодий, Курион и другие), предпочитая иметь дело с вооруженным противником на поле сражения.

В «Записках» Цезарь разъясняет суть и характер проводимых им в Галлии мер⁴приятий. Цель этих разъяснений — выработать общу⁵ политическую плат-

⁴ Цез. Галл. война, 2, 35; 4, 38; 7, ⁵10; ср.: Свет. Бож. Юлий, 24. — Благодарственные молебствия богам по случаю победы обычно назначались продолжительностью в 5 дней.

форму своих сторонников в борьбе с враждебной сенатской группировкой, ведь успешные действия Цезаря в Галлии, обеспечившие ему широкую популярность, верность и преданность военного сословия, у сенатской оппозиции вызывали тревогу и не раз становились объектом ее нападок. Манера Цезаря рассказывать о самом себе в 3-м лице позволяла его приверженцам использовать в политических дебатах текст «Записок» без значительной переделки, неизбежной в том случае, если бы повествование велось от 1-го лица.

В научной литературе утвердилось мнение, что «Записки о галльской войне» были завершены и опубликованы Цезарем в 52—51 гг., но не позже 50 г. Они служили своего рода политическим манифестом Цезаря, в намерения которого входило заочно выставить свою кандидатуру на консульских выборах 49 г. как считают многие ученые. Понятно, что им очень бы хотелось, чтобы все семь книг «Записок» были написаны сразу после завершения седьмого года войны с галлами.

Однако находятся исследователи, которые полагают, что есть немало оснований для другой датировки, что отдельные книги «Записок» создавались в соответствующий год в перерывах между военными действиями и публиковались поочередно в течение семи лет. Эта гипотеза сильно ослабляет версию, согласно которой «Записки» должны были сослужить Цезарю важную службу в предвыборной борьбе. Как бы то ни было, завершение седьмой книги «Записок» совпало с крайне неблагоприятной для Цезаря политической ситуацией в Риме.

Заслуживает внимания точка зрения, согласно которой «Записки» издавались Цезарем отдельными выпусками из одной, двух и более книг. К ней нас склоняют, в частности, наблюдения над использованием в «Записках» авторской речи от 1-го лица. Таких случаев, где глагол употреблен в форме 1-го лица (1-е лицо в прямой речи к делу не относится), оказалось около 50.⁵ Обычно это так называемые глаголы речи, например, *demonstravimus* («мы указали»), *diximus* («мы сказали»), *docuimus*

⁵ Как правило, это формы 1-го лица множественного числа; 1-е лицо единственного числа встречается крайне редко (например, 4, 27, 2; 4, 16, 2; 4, 17, 1; 2, 24, 1), поэтому некоторые издатели исправляют единственное число на множественное.

(«мы показали»), *monstravimus* («мы упомянули»).⁶ Чаще всего Цезарь использует выражения типа *ut supra demonstravimus* («как мы выше указали»).

Нередко от указанных глаголов зависит инфинитивный оборот (в русском языке он передается придаточным предложением). Например: «*[Бельгийская Галлия] которая, как мы сказали, составляет треть Галлии*» (2, 1, 1); «*[часть конницы] которая, как я выше упоминал, перешла через Мосу*» (4, 16, 2); «*[Кантий] который, как мы выше указали, расположен у моря*» (5, 22, 1); «*солдаты, которые, как мы указали, отправились под особым знаменем вместе [с когортами]*» (6, 40, 4). С помощью подобных словесных выражений автор отсылает читателя к соответствующим местам «Записок», где о данном предмете уже шла речь.⁷ Таким образом, он выполняет роль проводника, помогающего читателю ориентироваться в тексте «Записок». Кроме того, эти указания должны внушить читателю мысль об основательности и правдивости автора и его стремлении к полной ясности.

Авторские отсылки с глаголом в 1-м лице характерны для книг 2 — 7, в 1-й книге употребляется исключительно безличная форма *ut dictum est/ut ante dictum est* («как сказано выше»). В последующих книгах такие безличные и иногда лично-пассивные конструкции без указания на действующее лицо (например, 6, 25, 1) встречаются один, редко два раза в каждой книге соответственно. Исключением является 7-я книга, в которой нет безличных или лично-пассивных конструкций указанного типа с интересующим нас значением, зато более чем в десяти случаях употреблен оборот с глаголом в 1-м лице. Лексическое и грамматическое единство рассматриваемых выражений выдержано лишь в 1-й и 7-й книгах. В 1-й книге используется только глагол *dicere* в безличной конструкции *dictum est*; в 7-й —

⁶ Кроме названных, употребляется глагол *ostendimus* («мы показали») (3, 10, 1) и выражение *mentionem fecimus* («мы упомянули») (6, 38, 1). Цезарь ни разу не использовал глагол *scripsimus* («мы написали»): видимо, он предпочитал диктовать писцам, а не писать собственноручно. Ср. *scripsi* («я написал») у Гиртия (8, 44, 3).

⁷ Чаще всего такие указания отсылают к соответствующим местам данной книги, реже — других книг, напр.: 2, 1, 1/1, 54, 3; 3, 5, 2/2, 25, 1; 5, 3, 2/3, 11, 1; 6, 2, 1/5, 58, 6. В нескольких случаях ссылка повторяется, например на 2, 25, 1 в 3, 5, 2 и 6, 38, 1; на 4, 21, 7 в 5, 22, 3 и 7, 76, 1.

глаголы *demonstrare* и *dicere*, всегда в форме 1-го лица множественного числа. Наибольшую лексическую пестроту в описываемых нами случаях дают книги 2, 4, 6.⁸

Приведенные примеры не охватывают всех случаев употребления автором 1-го лица по отношению к самому себе. Начиная с 5-й книги, форма 1-го лица служит ему и для других целей. Так, в рассказе о постройке новых судов для переправы в Британию автор говорит о том, что Цезарь приказал сделать их несколько ниже тех кораблей, «которыми мы пользуемся в Нашем море», и несколько шире тех кораблей, «которыми мы пользуемся в остальных морях» (5, 1, 2). Автор счел необходимым сделать здесь разъяснение, обращаясь при этом к совместному опыту его и читателей.

Говоря об островах, лежащих у побережья Британии, он приводит мнение многих писателей, сообщающих, что там во время зимнего солнцестояния 30 суток продолжается ночь. «Но мы,— продолжает автор «Записок»,— в своих расспросах таких сведений не получали и только на основании точных измерений посредством водяных часов видели, что ночь там короче, чем на материке» (5, 13, 4).

Еще отчетливее заявляет о себе автор в 6-й книге. Так, обратив внимание на то, что галльские жрецы-друиды считают грехом записывать тексты священных стихов, он лично объясняет причины этого явления, вводя их следующими словами: «мне кажется, это заведено по двум причинам» и т. д. (6, 14, 4). А в главе о германцах, упомянув о Геркинском лесе, добавляет: «[лес], который, как я нахожу, известен по слухам Эратосфену и некоторым другим греческим ученым» (6, 24, 2).

В 7-й книге «Записок» автор, не зная точно, являются ли действия галльского племени эдуев вероломством, говорит так: «это нам не известно, и, как кажется, не может считаться твердо установленным» (7, 5, 6). Но самый яркий пример, где автор обнаруживает себя, можно сказать, «с головой», следующий: «в это время *на наших глазах* случился достойный упоминания эпизод, о котором мы не сочли возможным умолчать» (7, 25, 1). Речь

⁸ *demonstravimus, diximus, nominavimus* — во 2-й книге; *commemoravi, demonstravi, diximus* — в 4-й книге; *demonstravimus, docuimus, mentionem fecimus* — в 6-й книге.

идет о мужестве галлов в осажденном римлянами городе Аварике. Сходным образом автор «Записок» говорит о речи Критогната, представителя галльского племени арвернов, выступившего перед соплеменниками против предложения о сдаче римлянам осажденной Алезии (7, 77, 2).⁹

Автор, вплоть до 5-й книги остававшийся в тени, вдруг начинает давать разъяснения от себя лично, делиться своими наблюдениями, выражать собственное отношение к излагаемым фактам, а иногда и сомнения в правильности общепринятого толкования того или иного события. Он поражается тому, что ему довелось увидеть или узнать от других. Означает ли это, что в авторский монолог врывается голос самого Цезаря?¹⁰ Или образ рассказчика, созданный им в начальных книгах «Записок», по каким-то причинам перестал удовлетворять в последующих книгах?

Возрастающему от книги к книге авторскому вторжению в ход повествования сопутствуют изменения в стиле изложения. Например, в 4-й книге впервые появляется прямая речь, которая дважды встречается в 5-й и 6-й книгах соответственно, достигая рекордного числа (6 случаев) в 7-й книге; или появляются конструкции с предикатом в начале предложения: в сравнении с 1-й книгой в 7-й их в три раза больше.

Представляется, что эти и другие стилистические особенности последних книг прямо связаны с изменениями в политической жизни Рима, личными обстоятельствами жизни самого Цезаря, задачами, которые он решал в той или иной конкретной исторической ситуации. Так, в 5-й книге, как уже отмечалось, впервые очень четко обнаруживается образ автора. В ней излагаются события 54 г., а раньше, в 55 г., сенатским постановлением Цезарю был продлен срок управления Галлией еще на 5 лет, что тотчас упрочило его положение в политических кругах.

Похоже, что Цезарь писал и публиковал «Записки» в несколько приемов: сначала появилась 1-я книга, затем

⁹ В последнем примере (7, 77, 2) отсутствие личного местоимения 1-го лица *mihi* или *nobis* легко восполняется по смыслу.

¹⁰ Образ автора в «Записках о галльской войне» неизбежно отождествляется с обликом исторического Цезаря, полководца и политического деятеля, однако между образом автора и личностью Цезаря полного совпадения быть не может.

2-я — 4-я вместе, потом книги 5-я — 6-я (возможно одним выпуском), и, наконец, после завершения 7-й книги было опубликовано новое, дополненное и частично переработанное издание «Записок», включавшее все семь книг. Каждая такая публикация преследовала определенную цель. Не исключено, например, что в 7-й книге Цезарь ставил себе задачу не только довести до сведения читателей, как на самом деле развивались самые драматические события галльской кампании — всеобщего галльского восстания 52 г., но и определить для себя линию поведения на будущее. Ведь в самом Риме события развивались для Цезаря с неменьшим драматизмом. В 54 г. умерла дочь Цезаря, бывшая замужем за Помпеем; в 53 г. погиб один из триумвиров Марк Лициний Красс; в 52 г. убит Клодий, сторонник Цезаря, в этом же году Помпей избирается единоличным консулом до августа и примиряется с сенатом; в 51 г. делаются попытки лишить Цезаря командования в Галлии. Разрыв между Цезарем и сенатом стал неизбежен, все предвещало столкновение с Помпеем и его партией. В этой экстремальной ситуации, когда Цезарю нужно было быстро принять решение, урок 52 г. приобретал для него особое значение. К прежним задачам присоединяется новая: теперь объектом пристального изучения становится сам Цезарь и его тактика.

Говоря о самом себе в 3-м лице, Цезарь как бы со стороны взирает на себя и свои действия, вникая в ход сражений и причины неудач и успехов, выпавших на его долю за время войны, которую он уже более семи лет ведет в Галлии.¹¹ Цезарь прекрасно понимал, что любая ошибка, недооценка или переоценка своих военных и человеческих качеств неминуемо приведут его к политической катастрофе.

Какой, например, урок он мог для себя извлечь из опыта подавления всегалльского восстания, чуть было не лишившего его всех прежних завоеваний? Главный вывод, видимо, заключался в том, что своими успехами он обязан прежде всего внезапности и стремительности своих действий. В этом убеждает помимо соображений общего характера рассмотрение в «Записках» лекси-

¹¹ Потребность проанализировать свои действия в прошлом, чтобы выработать тактику на будущее, испытывал, напр., знаменитый римский полководец нач. I в. н. э. Германик (см.: Тац. Анн., 2, 5).

ческой группы *celeritas* — *celeriter* («быстрота» — «быстро») и других близких по семантике слов.¹² Если в книгах 1-й — 4-й мы находим лишь единичное употребление указанных лексем, то начиная с 5-й (опять 5-я!) книги положение резко меняется, их число резко возрастает.

В 1-й книге *celeritas* (быстроту) проявляют германцы в своем особом способе вести сражение (1, 48, 7), во 2-й — галлы при нападении на врага (2, 19, 7—8; ср. 20, 4), в 4-й — британцы, сумевшие благодаря быстроте избежать гибели (4, 35, 1). В последующих книгах это свойство все чаще обнаруживают римляне. В тяжелых для римских солдат обстоятельствах единственным спасением для них оказывается быстрота (5, 29, 6). Можно сказать, что *celeritas* становится для римских солдат одной из воинских доблестей — *virtutes* (ср. 5, 48, 1 и 5, 34, 2). Часто все зависит именно от быстроты (7, 40, 2). Она дает римлянам выгоду (7, 20, 1), помогает предупредить замыслы врагов, преодолеть неблагоприятное местоположение (7, 9, 4; 45, 9). Не случайно Цезарь старается исполнять свои планы со скоростью, которой он был обязан успехом большей части своих предприятий (7, 12, 3).

В 7-й книге Цезарь создает настоящее похвальное слово стремительности наступления: «и с такой быстротой захватили [римляне] три лагеря, что царь нитиоброгов Теутомат, застигнутый врасплох в своей палатке — так как спал в полдень полунагой — с трудом вырвался на раненной лошади из рук грабивших лагерь солдат» (7, 46, 5). Эта впечатляющая сцена не имеет ничего общего с сухим военным рапортом, который иногда видели в «Записках» Цезаря. В самом деле, какую важную информацию, необходимую для служебного отчета, несут в себе такие детали, как указание на обыкновение неприятельского царя спать полуобнаженным в середине дня, или упоминание о том, что лошадь царя была ранена? Но все это — штрихи, характеризующие автора «Записок» как человека — наблюдательного, как рассказчика — искусного и достоверного.

Стремительность была присуща самой натуре Цезаря,

¹² Например: *mature* (вовремя), *subito* (внезапно), *repente* (неожиданно), *partim* (сразу же), *citissime* (очень быстро), *velocissime* (очень стремительно) и др.

который прекрасно знал за собой это качество (Свет. Бож. Юлий, 37; Dio Cass. Hist. Rom., 17, 48).¹³ Авл Гиртий, соединяющий быстроту с великим везением (8, 31, 3; ср. 46, 2), особо подчеркивает стремительность Цезаря (8, 52, 1). Однако в быстроте действий Цезаря не было ничего от поспешности и безрассудной опрометчивости. Стремительность Цезаря — это спрессованный опыт человека, поступкам которого всегда были свойственны последовательность и твердая логика.

И когда его час пробил, он поступил с той обдуманной для себя и неожиданной для противника быстротой, которая неизменно вела его к победе. 11 января 49 г. Цезарь после тщательной подготовки внезапно для неприятеля перешел через Рубикон и стремительно захватил Пицен, начав серию блистательных побед в Египте, Азии, Африке и Испании.

¹³ Плиний Старший называет стремительность Цезаря «летучей, как огонь» (Nat hist., 7, 91).

«ЗАПИСКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ»

Люди здравомыслящие никогда не возьмутся за перо после него, так как незатейливая и ясная краткость — самое лучшее украшение истории.

Цицерон

Три книги «Записок о гражданской войне» охватывают события с января 49 г. до середины ноября 48 г., включая сражение при Фарсале и смерть Помпея. Задача Цезаря в «Записках» — снять с себя обвинение политических противников, взваливавших на него ответственность за развязывание гражданской войны, и показать, что война была спровоцирована сенатской партией, в то время как он сам делал все возможное, чтобы избежать ее.

Сочинение открывается очень кратким сообщением о заседании римского сената 2 января 49 г. и последовавших затем событиях, вынудивших Цезаря к решительным действиям, из-за которых он был объявлен врагом государства. 1-я книга посвящена рассказу о том, как, перейдя через Рубикон, Цезарь, стремительно двигаясь по направлению к столице и захватывая лежащие на его пути города Италии, достиг Рима; о бегстве Помпея, консулов и сенаторов в Брундизий, их переправе в Грецию и походе Цезаря в Испанию.

Во 2-й книге рассказывается об осаде Гаем Требонием Массилии, разгроме помпеянцев в Испании, тяжелом поражении и гибели в Африке Гая Куриона. Содержание 3-й книги — события в Греции, куда Цезарь переправился на кораблях из Брундизия: поражение армии Цезаря под Диррахием и победа в битве при Фарсале 9 августа 48 г. В последних главах кратко сообщается о гибели Помпея в Египте, высадке Цезаря в египетской столице и начале александрийской войны.

Стремление к миру — это лейтмотив, постоянно звучащий в «Записках». Цезарь хорошо понимал, что, переправившись с войском через Рубикон, он совершил противозаконное действие, так как нарушил границы

собственно Италии. Обоснованность этого решения он и стремится доказать в своем сочинении.

В начальных главах Цезарь уверяет читателей в том, что со своей стороны он неоднократно предпринимал попытки найти компромиссное решение конфликта, но этому активно препятствовали его политические противники в сенате. «Сам Помпей, подстрекаемый врагами Цезаря и не желавший терпеть наряду с собою какого-либо равносильного соперника, совершенно порвал дружественные отношения с ним и снова сблизился с теми, кто раньше были их общими врагами и бóльшую часть которых он сам навязал Цезарю, пока был с ним в родстве» (Цез. Гр. война, 1, 4).

Цезарь представляет события так, словно все случившееся — результат происков «шайки олигархов» (*factione paucorum* — 1, 22, 5), лишивших народных трибунов их законных прав, а его самого — милостей, дарованных ему римским народом: права заочно баллотироваться на консульских выборах. Однако, несмотря на обиду, он готов идти на любые уступки и все претерпеть ради блага государства, ведь он защищает не себя лично, а римский народ и его свободу. Но отчаявшись уладить недоразумение мирными средствами, «Цезарь должен был признать, что пора, наконец, отказаться от этих слишком частых и напрасных попыток и думать только о войне» (1, 26).

Как в политической, так и в военной деятельности Цезаря просматривается определенная последовательность. И его столкновение с сенатской олигархией, возглавляемой в то время Помпеем, было неизбежно и лично для него делом уже решенным. В «Записках» он разъясняет, что выступил не против римского народа, а против кучки недобросовестных политиканов, обманывающих народ и паразитирующих за счет государства.

Желание Цезаря развенчать своих врагов, дискредитировать их отчетливо выражено уже в первых главах, где он излагает, по его убеждению, истинные, хотя и тщательно скрываемые, причины враждебного к нему отношения вожжаков сенатской аристократии. Это — личная обида и старая вражда к нему Катона; громадные долги и надежда на царскую власть консула 49-го года Луция Лентула; желание Сципиона получить при поддержке своего тестя Помпея провинции и войска; стремление к единовластию самого Помпея (1, 4). Люди,

окружавшие Помпея, тщеславны и хвастливы. В своих амбициозных и корыстных устремлениях они «попирают и божеское и человеческое право». Равнодушные к судьбе отечества, главари сенатской верхушки думают лишь о барыше и личной выгоде.

Цезарь уверяет, что на своем пути в Рим он всюду встречал полное сочувствие населения, что города Италии охотно открывали перед ним свои ворота, что все жители Пиценской области принимали его не только с великой радостью, но и с большой готовностью исполнить все его требования (1, 14). Цезарь хочет внушить читателям, что единственной его заботой было не причинить какого-нибудь ущерба италийским городам. Так, подходя к городу Корфинию, он не вступил в него ночью только потому, что опасался, как бы солдаты не вздумали его грабить. А войдя в Корфиний, он не тронул городскую казну, «чтобы видели, что он столь же бережно обращается с деньгами, как с человеческой жизнью» (1, 23).

Вступив в Рим и созвав оставшихся там сенаторов, Цезарь заявил, что жестокости и высокомерию помпеянцев, их мелочности и слабохарактерности он намерен противопоставить справедливость и доброжелательность (1, 32). Цезарь постоянно подчеркивает свою мягкость, терпимость — и упрямство, высокомерие, хвастовство помпеянцев.

В обрисовке Цезаря окружение Помпея может вызывать только негодование. Сильное впечатление оставляет рассказ Цезаря о том, как незадолго до Фарсальской битвы в ставке Помпея возникли склоки из-за дележа государственных и жреческих должностей, занимаемых в то время цезарианцами. Уже делилось имущество Цезаря и его сторонников, причем споры нередко доходили до взаимных оскорблений. Придумывались наказания для еще не поверженного противника. «Все хлопотали либо о своих почестях, либо о денежных наградах, либо о преследовании своих врагов», — пишет Цезарь о вождях помпеянского лагеря (3, 83). Помпеянцы открыто выражали свое презрение к войску Цезаря, считая, что победа у них уже в руках.

Особенно потрясает картина, открывшаяся взору Цезаря, когда он ворвался в лагерь помпеянцев. «В лагере Помпея, — читаем мы в «Записках», — можно было увидеть выстроенные беседки; на столах стояла масса серебряной посуды; пол в палатках был покрыт свежим

дерном, а палатки Луция Лентула и некоторых других были даже обвиты плющом; много было и других указаний на чрезмерную роскошь и уверенность в победе. Ясно было, что люди, стремившиеся к ненужным наслаждениям, нисколько не боялись за судьбу этого дня. И такие люди упрекали в излишестве несчастное и выносливое войско Цезаря, которое всегда страдало от нужды в предметах первой необходимости» (3, 96).

Духовное превосходство Цезаря над нравственно разложившимися помпеянами в «Записках» настолько очевидно, что, кажется, исключена даже сама возможность сомнения в том, что именно он, а не помпеянцы, является подлинным защитником древнеримских моральных ценностей и республиканской законности, нагло попорченной сенатской аристократией. Бездуховность и порочность помпеянских лидеров обернулись для них вполне закономерным поражением. Вывод напрашивается сам собой: римская знать, пораженная такими пороками, как корыстолюбие (*avaritia* — 3, 32, 1) и страсть к роскоши (*luxuries* — 3, 96, 1—2), не способна больше управлять государством. Алчность порождает в людях заносчивость, жестокость и склонность к насилию, а роскошь — забвение стыда, наглость и утрату верности.

Государству, где все становится предметом купли и продажи, нужна крепкая рука. Не исключено, что именно к этой мысли хочет подвести своих читателей Цезарь. Вполне возможно, что, рисуя разложение правящего сословия, Цезарь готовил идейную базу для проведения мероприятий против роскоши, финансовых злоупотреблений, подкупа, разврата и других пороков, с которыми он повел борьбу в последние годы своей жизни.

Если наши соображения верны, то «Записки о гражданской войне» должны быть опубликованы в 46 г., когда Цезарь вплотную занялся реформаторской деятельностью. Замеченная учеными близость последней книги «Записок о галльской войне» с тремя книгами «Записок о гражданской войне» заставляет думать, что между завершением первого сочинения и началом работы над вторым не могло пройти много времени.

Азиний Поллион, обвиняющий Цезаря в искажении истины, слишком сгущает краски. Для части фактов, изложенных в «Записках о гражданской войне», у нас имеется другое важнейшее свидетельство очевидца тех

событий, который говорит о них с несомненной искренностью. Это письма Цицерона. Они обладают для нас особой ценностью, потому что дают нам неплохую возможность проверить достоверность «Записок». Весьма существенно то, что в письмах выражено мнение именно Цицерона, человека в то время крайне враждебного Цезарю. При сличении «Записок» Цезаря с эпистолярным наследием Цицерона серьезных расхождений, по крайней мере в изложении фактов, не обнаружено. Что же касается интерпретации и оценки фактических данных, то они — и это вполне естественно — у Цезаря и Цицерона различны.

Нам уже приходилось говорить об особой манере Цезаря представлять события: ярко освещать одни из них и оставлять в тени другие, те, которые могут вызвать у читателей сомнения в правильности его действий. В этом отношении показательно сознательное умалчивание о некоторых фактах или очень беглое, часто невнятное, упоминание о них. Так, сообщая о начале военных действий против римского сената, Цезарь, чтобы не заострять внимания на факте своего перехода через пограничную реку Рубикон, говорит сглаженно: «Он направился в Аримин».

Об абсолютной объективности Цезаря в «Записках», разумеется, не может быть речи. Ведь он, что вполне естественно, стремится навязать читателю свою точку зрения на войну с Помпеем, всеми способами заставить его поверить в свою оценку событий.

«Записки о гражданской войне» имеют апологетический характер. Когда Цезарь писал их, он не мог не учитывать, что и на греческом и на латинском языках уже существовали сочинения, прославляющие Помпея, а также то, что враждебное отношение к нему самому сенатской аристократии, проявившееся еще во время его военных действий в Галлии, теперь уже полностью провалилось наружу. Так что нет ничего странного в том, что он с максимальной четкостью определяет собственную позицию.

В «Записках» в центре событий стоит Цезарь, однако значительная роль отводится и его войску, которое, возвышаясь над всеми событиями и людьми, вместе со своим полководцем составляет одно неразрывное целое. Сквозь маску авторской беспристрастности повсюду просвечивает любовь Цезаря к своим солдатам.

О них он говорит с благодарностью и теплотой. Но всякий раз, когда речь заходит о политических противниках, тон Цезаря становится резким и язвительным. Он иронизирует над полной неспособностью и неоправданной самоуверенностью военачальников, с которыми ему приходится сражаться.

Между «Записками о галльской войне» и «Записками о гражданской войне» очень трудно установить какое-то принципиальное различие. Позиция Цезаря-человека и Цезаря-писателя в обоих произведениях остается неизменной. Он верит в справедливость всех своих действий, по крайней мере, хочет убедить в этом читателей. И все же общая для обоих произведений установка автора на самопрославление и дискредитацию политических противников в «Записках о гражданской войне» имеет более определенный характер.

Если между двумя историческими произведениями Цезаря есть все же различия, то они касаются в основном стиля повествования. Выдающийся художник слова, Цезарь очень чутко реагирует на различия в содержании, что не могло не отразиться на стиле его сочинений. Однако трудно сказать, является ли это сознательным изменением стиля или на стиль оказывает влияние чувство возрастающей ответственности Цезаря за события, активным участником которых он был и о которых теперь рассказывает.

Как и в «Записках о галльской войне», в «Записках о гражданской войне» главными героями повествования являются Цезарь и его войско. Однако душевное состояние Цезаря, его настроение в том и другом произведениях совершенно различны. В «Записках о галльской войне» им владеет сознание возложенных на него обязанностей, чувство ответственности и озабоченность командира, вынужденного вести тяжелую войну в суровых для римских солдат условиях. Но в этом сочинении нет горечи и обиды, как в «Записках о гражданской войне».

Различны и противники Цезаря. В первом произведении это примитивные, грубые и жестокие галлы, которые, несмотря на свою дикость и низкую культуру, все же способны вызывать к себе уважение храбростью и смекалкой. Во втором произведении врагами Цезаря являются представители римской знати: по своему духу они чужды настоящим римлянам и достойны лишь презрения.

Как всегда, Цезарь стремится быть в изложении предельно простым, ясным и стремительным. В «Записках» нет ни одной посторонней эмоции. Но это вовсе не означает, что Цезарь — бесстрастный повествователь, просто он старается не акцентировать свои эмоции, более того, он весьма решительно сдерживает их. Цезарь полностью убеждает нас в своей правоте благодаря не только стилистическому мастерству, но в значительной степени удивительному искусству владеть собственными чувствами. Ни разу не нарушив спокойного, делового тона повествования, Цезарь с помощью тщательного отбора слов всегда достигает нужного ему эффекта, то сообщая излагаемому эпизоду нужный колорит, то, наоборот, лишая его всякой дополнительной окраски.

Впечатлению бесстрастия «Записок» способствует в значительной степени то, что Цезарь о самом себе говорит в 3-м лице. Употребление Цезарем 3-го лица по отношению к самому себе не имеет никакого отношения к исторической объективности или ее видимости, как принято считать. Это стилистический прием принципиального значения. Он обладает исключительной эффективностью и создает в совокупности с другими элементами характерный стиль Цезаря, отличающийся прозрачностью, четкостью и точностью. К тому же стиль автора, говорящего о себе в 3-м лице, становится более свободным, естественным и непринужденным. Этот прием, помимо прочего, дает автору возможность выделиться, показать себя таким формалистом и педантом. Кстати, благодаря этому приему имя Цезаря в обоих произведениях упоминается 775 раз, что немало важно в сочинении апологетического характера.

Как и в «Записках о галльской войне», своей манерой изложения Цезарь создает у читателей «Записок о гражданской войне» ощущение необычайной стремительности. В этом нет ничего удивительного, ведь стремительность, как мы уже имели возможность убедиться, была в натуре самого Цезаря. Все же в ряде случаев он отказывается от своей обычной напористости и стремительности в повествовании, когда это продиктовано художественными задачами. Стиль Цезаря — это стиль солдата, очень естественный, свободный от всего показного, быющего на внешний эффект, потому что Цезарь стремится доказать и убедить, а не просто поразить воображение своих читателей.

Стиль Цезаря, ставший как бы его «визитной карточкой» в веках, является слишком точным отображением личности самого Цезаря, чтобы сделаться предметом подражания даже в тех случаях, когда его сочинения принимались в расчет как исторический источник. Если в конечном счете всякое литературное произведение — это воспроизведение автором самого себя, то в римской литературе найдется немного писателей, которые в искусстве самоизображения достигли такой же удивительной достоверности, как Цезарь в «Записках».

Сам факт, что невозможно провести границу между Цезарем-человеком и Цезарем-писателем, весьма показателен, потому что является еще одним свидетельством того, что в Цезаре удачно сочетались гений государственного и военного деятеля с талантом величайшего историка и стилиста. Таким образом, можно смело говорить о гармоничности этой великой личности.

УТРАЧЕННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Сила, остроумие и страстность его красноречия свидетельствуют о том, что, выступая с речами, он испытывал воодушевление такое же, как на поле боя.

Квинтилиан

До того как приступить к созданию прозаических произведений, Цезарь писал в стихах. В ранней юности он сочинил поэму «Похвала Геркулесу» и трагедию «Эдип». Эти ученические опыты Цезаря никогда не были опубликованы, о них нам сообщает Светоний (Бож. Юлий, 56).

Обращение Цезаря к древнейшим сказаниям о народном герое греков Геракле (у римлян — Геркулес) в целом понятно. В образе Геракла его привлекли мужество и бесстрашие героя, посвятившего себя истреблению чудовищ и наказанию злодеев во имя торжества справедливости на земле. Геракл был любим не только в Греции, но и в Италии, где он совершил некоторые из своих подвигов, например убил сына Вулкана, огнедышащего великана Кака, обитавшего в пещере на Авентинском холме и разбойничавшего в округе. Между Палатином и Авентином находился так называемый Великий алтарь, который с древнейших времен был связан с культом Геркулеса.

Труднее сказать, что привлекло юного Цезаря в греческом мифе о фиванском царе Эдипе, ставшем жертвой родового проклятия, — ему было предназначено убить отца и жениться на своей матери. Популярный у греческих трагиков миф об Эдипе, насколько нам известно, до Цезаря в Риме никем не разрабатывался. Цезарь был первым из римлян, написавшим трагедию на этот сюжет. Возможно, это было какое-то школьное упражнение.

Все древние авторы, упоминающие о Цезаре, без каких-либо оговорок восхищаются его речами (от них до нас дошли лишь несколько названий и очень краткие

фрагменты). Считается, что Цезарь как оратор является аттикистом.¹ Действительно, в пользу такой дефиниции говорит многое. Прежде всего стилистические принципы, изложенные в теоретическом трактате Цезаря «Об аналогии», и в какой-то степени стиль его «Записок». Сейчас, правда, исследователи склоняются к тому мнению, что Цезарь, как все крупные стилисты, в своей практической деятельности вышел за узкие рамки доктрины, которую он разделял в плане теории.

Если Цезарь и присоединялся к концепции аттикистов, то это выражалось главным образом в его вполне естественном стремлении к ясности, четкости, содержательности и вовсе не означает, что он стал рабом каких-то теоретических программ, пусть даже таких, в основе которых лежало требование сжатости, предельной краткости и, порой, стилистической сухости.

Его первым публичным выступлением была речь против видного сулланца Гнея Корнелия Долабеллы, поставившая 23-летнего Цезаря в один ряд с лучшими ораторами Рима. О популярности этой речи свидетельствует тот факт, что она ходила в списках и сохранялась по крайней мере до II в. н. э., поскольку была известна Тациту и Авлу Геллию² (Тац. Диал., 34; Gell. Noct. Att., 4, 16, 8; ср. Val. Max. Dict. memor., 8, 9, 3).

Известна также речь Цезаря, произнесенная им 5 декабря 63 г. в сенате против смертного приговора катилинариям, потребованного Катонем. Саллюстий в своей монографии о заговоре Катилины приводит (разумеется, в собственной интерпретации) текст этой речи (Салл. Кат., 51). Большой резонанс вызвали две надгробные речи, произнесенные Цезарем вскоре после его вступления в должность квестора в 68 г. на похоронах тетки Юлии и жены Корнелии, умершей в том же году. Имеются свидетельства и о других речах Цезаря.

Ораторское искусство Цезаря высоко оценил Цицерон, который в трактате «Брут» пишет, что изяществом стиля Цезарь обязан своей основательной литературной

¹ Аттикисты стремились к сжатому и безыскусственному красноречию, беря себе за образец язык и стиль греческих прозаиков V—IV вв.

² Авл Геллий (II в. н. э.) составил сборник выписок из сочинений греческих и римских писателей в 20-ти книгах под названием «Аттические ночи».

подготовке и что блеск его речи не нуждается во всяких уловках и хитросплетениях и держится на очень удачной манере изложения (Циц. Брут, 252; 261). Цицерон приводит слова Цезаря, в которых тот ратует за простую, повседневную речь (*facilem et cotidianum sermonem* — там же, 253). За «удивительное изящество речи» хвалит Цезаря-оратора автор I в. н. э., знаток греческой и римской литератур Квинтилиан. Он считает, что только Цезарь мог бы быть соперником Цицерона, если бы он посвятил себя исключительно красноречию, и сравнивает силу его ораторского искусства с его необыкновенным даром полководца (*Quint. Inst.*, 10, 1, 114).

Античные авторы упоминают о письмах Цезаря.³ Несколько его писем дошло до нас в переписке между Цицероном и Аттиком. Это письма, адресованные самому Цицерону, а также Гаю Оппию и Бальбу Корнелию, доверенным друзьям Цезаря в Риме. По всей видимости, письма Цезаря впоследствии были собраны и изданы, поскольку Авл Геллий говорит о «книгах писем Гая Цезаря» (*Gell. Noct. Att.*, 17, 9, 1).

В письмах Цезарь отдает распоряжения, обращается с просьбами и советами, выражает благодарность и т. п.⁴ Письма были известны Светонию; он имел их под рукой, когда писал биографию Цезаря (Свет. Бож. Юлий, 26). На письма Цезаря как на свой источник указывает в «Гражданских войнах» историк Аппиан (2, 79).

Светоний рассказывает, что, если Цезарю нужно было сообщить близким что-нибудь негласно, он пользовался в этих случаях тайнописью, то есть переставлял буквы так, чтобы из них не складывалось ни одного слова: «...чтобы разобрать и прочитать их, нужно читать всякий раз четвертую букву вместо первой, например, *D* вместо *A* и так далее» (Бож. Юлий, 56).⁵

В один из самых напряженных периодов галльской войны в промежутке между 55 и 52 гг. Цезарь написал

³ «Записки о гражданской войне» Цезарь начинает словами о своем письме к римскому сенату.

⁴ Плутарх сообщает, что «Цезарь первым пришел к мысли беседовать с друзьями по поводу неотложных дел посредством писем, когда величина города и исключительная занятость не позволяли встречаться лично» (Плут. Цез., 17).— Самое раннее письмо Цицерона к Аттику датировано 68 г.

⁵ О письмах Цезаря и шифре в них был написан целый трактат грамматиком I в. н. э. Пробом (*Gell. Noct. Att.*, 17, 9, 1).

грамматический трактат в 2-х книгах «Об аналогии». Это сочинение было посвящено Цицерону. В нем Цезарь с позиции аналогистов отстаивает лингвистический пуризм и грамматическое единообразие. Цицерон передает обращенные к нему в трактате слова Цезаря: «Ты должен быть признан как бы первооткрывателем всех богатств красноречия, столь много послужившего во славу и величие римского народа; но значит ли это, что теперь мы должны забросить простую повседневную речь?» (Циц. Брут, 253). Началом всякого красноречия Цезарь считает выбор слов (там же). Малоупотребительные и редкие слова должны быть устранены из речи. «Избегай, как подводного камня, неупотребительных и необычных слов», — советует он (Gell. Noct. Att., 1, 10; ср. Macrobian. Sat., 1, 5).

В конце своей жизни Цезарь вернулся к поэзии и написал небольшую поэму «Путь» о своем путешествии в Испанию, куда он отправился для борьбы с оставшимися в живых помпеянами, завершившейся в 46 г. сражением при Мунде. Тема поэмы была увязана с поэтической традицией описания путешествия, т. е. путевого дневника в стихах, образец которого дал во II в. до н. э. поэт Луцилий, в форме дорожных записей рассказавший о своем путешествии в Сицилию. Эта традиция была продолжена Горацием и другими римскими поэтами.

Почти полностью утрачено (сохранилось лишь несколько кратких фрагментов) произведение Цезаря «Антикатон» в 2-х книгах. Это сочинение по ряду признаков сближалось с «Записками о гражданской войне», так как отражало современные Цезарю события политической жизни. По всей видимости, оно было написано в 45 г., т. е. на следующий год после самоубийства Катона в Утике, в ответ на сочинение Цицерона, в котором прославлялся Катон. Памфлет Цезаря изобилует обвинениями против Катона. Некоторые катоновские поступки стали в нем объектом иронии и насмешки Цезаря, как это имеет место и в «Записках о гражданской войне». В «Антикатоне» Цезарь отдает дань красноречию Цицерона и «просит не сравнивать его слово воина с искусной речью оратора, который много времени посвятил усовершенствованию своего дара» (Плут. Цез., 3). Читавший памфлет Цезаря Плутарх обратил внимание на тот факт, что Цезарь, который

обычно проявлял к своим врагам мягкость и снисходительность, излил в нем много гнева.

Незлопамятный и обычно отходчивый Цезарь проявил в отношении Катона редкую для него непримиримость. Личная неприязнь к Катону имела, в чем мы уже могли убедиться, политическую основу. Искажая некоторые известные поступки Катона и превратно их истолковывая, он стремился развенчать и дискредитировать Катона как гражданина и политического деятеля, а вместе с ним всех тех, чьим идейным вождем он был. В своем памфлете Цезарь использовал весь набор традиционных обвинений в нарушении общепринятых моральных норм (корыстолюбие, развращенность, святотатство), обычных в инвективной литературе, получившей в то время очень большое распространение в Риме.

Цезарь обвиняет Катона в неумном корыстолюбии, так как он отдал другу свою жену Марцию, хотя очень ее любил и имел от нее детей. Когда же тот умер, оставив Марции огромное состояние, Катон взял ее назад в свой дом. Даже то, что Катон, отправившись в Азию на помощь Помпею, повез с собой одну из своих сестер, вдову Лукулла, послужило Цезарю основанием для того, чтобы осудить своего врага за безнравственность. Он выставляет Катона способным даже на кощунство: якобы Катон, не поскупившись на расходы при погребении своего горячо любимого брата, после сожжения трупа в поисках расплавившегося в огне золота просеял прах умершего через решето (Плут. Кат., 11).

У нас имеется свидетельство о том, что Цезарь оставил какие-то ученые книги о движении звезд, используя в них знания, полученные им в Египте (Plin. Nat. hist., 18, 234—237; ср. Macrob. Sat., 1, 16, 39). Это сочинение по астрономии было написано, по всей видимости, не самим Цезарем, а по его поручению в связи с реформой римского календаря.

Светоний в биографиях римских поэтов приводит небольшой фрагмент из шести стихов, возможно, из поэмы Цезаря на литературно-критическую тему, в которых содержится отзыв о комедиях Теренция (Свет. Тер., 5).

Как мы видим, литературная продукция Цезаря в жанровом отношении была весьма разнообразной: в разные периоды своей жизни он написал поэмы, трагедию, политический памфлет, исторические записки, грам-

матический трактат, речи, письма, и, возможно, научное исследование. Светоний, перечисляя сочинения Цезаря, называет и "Dicta collectanea" («Сборник изречений»), не разъясняя, однако, что он собой представлял. Наряду с юношескими опытами Цезаря, поэмой о Геркулесе и трагедией «Эдип», Август⁶ запретил издавать и эти изречения (Свет. Бож. Юлий, 56). Об этом сборнике было известно Цицерону, который в письме к Луцию Папирию Пету, датированном июлем 46 г., упоминает о «свитках изречений» (*volumina úloфθεуμάτων*) как уже законченных к тому времени Цезарем, продолжающим, тем не менее, собирать глубокомысленные и остроумные высказывания, в частности, остроты самого Цицерона (Циц. К близким, 9, 16, 4).⁷

Сам собой напрашивается вопрос: почему Цицерон в середине 46 г. вспомнил о каких-то юношеских, по всей видимости, предназначенных для личного пользования, рабочих записях Цезаря? Ответ может быть один. Цезарь не расставался со своим увлечением и в зрелые годы, возможно, вернувшись к нему по прошествии какого-то промежутка времени.

Тяга римлян к сентенциозной нравоучительности общеизвестна. Еще Аппий Клавдий Слепой, видный государственный деятель, живший на рубеже IV—III вв. до н. э., составил сборник «Сентенции». Среди его афоризмов была знаменитая сентенция «Каждый — сам кузнец своего счастья», которую приводит в «Письмах к Цезарю» Саллюстий (1, 1).⁸ Видимо, Аппий Клавдий стал первым собирать и редактировать народные дидактические пословицы, используя при этом богатейшую гномическую литературу греков.

Какое-то собрание моралистических наставлений составил в свое время Квинт Энний. Оно так и называлось — «Наставления». Известно, что Марку Порцию Катону Старшему, крупному политическому деятелю и прозаику, принадлежал сборник изречений под названием «Апофтегмы», частью переведенных с греческого.

⁶ Октавиан Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — приемный сын Юлия Цезаря, с 43 г. управлявший Римским государством.

⁷ Книга высказываний (апофтегм) самого Цицерона была составлена в 46 г. Гаем Требонием (Циц. К близким, 15, 21).

⁸ Еще раньше эта мысль встречалась у Плавта в комедии «Три монеты» (стих 363) и в виде стихотворной цитаты у Корнелия Непота в биографии Аттика (11, 6).

Для самого Катона был характерен сжатый и четкий способ выражения, о чем можно судить по дошедшим до нас фрагментам его сочинений, в частности речей, а также по тому большому количеству афоризмов, которые приписываются ему позднейшими авторами (Плут. Кат. Старш., 8—9).

Спрос на дидактическую сентенциозную мудрость был высок и среди простого народа, о чем свидетельствует популярность мимов современника Цезаря вольноотпущенника Публилия Сира. Его произведения были насыщены таким множеством сентенций, что из них была составлена целая антология.⁹ Римский мимиограф сочинял свои сентенции, имеющие характер рекомендаций на все случаи жизни, в форме одностиший, явно в подражание греческому комедиографу Менандру, чрезвычайно популярному в Риме. Цезарь хорошо знал и любил комедии Менандра. Как уже отмечалось, сохранился небольшой отрывок из его поэмы, в которой он сравнивает Менандра с Теренцием, отдавая предпочтение первому.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в «Сборнике изречений» Цезаря, о котором упоминают Цицерон и Светоний, цитаты из Менандра занимали значительное место. В решающий для него и судьбы Рима момент, при переходе с войском через Рубикон вечером 11 января 49 г. Цезарь произнес ставшую исторической фразу: *Iacta alea esto* («Да будет брошен жребий» — Свет. Бож. Юлий, 32). Как сообщает Плутарх, эти слова были произнесены Цезарем на греческом языке (Плут. Помп., 60). Это вполне правдоподобно, поскольку фраза представляет собой цитату из комедии Менандра «Флейтистка». В сохранившемся отрывке из этой комедии один из собеседников пытается отговорить другого от женитьбы, но получает в ответ: «Дело решено. Пусть будет брошен жребий» (фр. 59, 4). Согласно Плутарху, «это слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен» (Плут. Цез., 32).

В силу своей тяги ко всякого рода нормативности, правилам и образцам римляне питали особую слабость к заучиванию на память для демонстрации

⁹ Как многие аналогичные собрания, эта антология дошла до нас в переработанном виде, причем значительная часть сентенций в ней явно не принадлежит Публилию Сиру.

своей образованности. Умело и кстати употребленная в речи цитата — свидетельство культуры говорящего. Не случайно Цезарь в «Записках о галльской войне» счел очень важным сделать следующее отступление: «Мне кажется... со многими людьми бывает, что они, находя себе опору в записи, с меньшей старательностью учат наизусть и запоминают прочитанное» (6, 14, 4).

При чтении Цезарь выписывал понравившиеся ему изречения.¹⁰ Некоторые из цитат стали расхожими в его устной речи. Цицерон, а вслед за ним и Светоний, сообщают, что на устах Цезаря всегда были стихи из «Финикиянок» Еврипида (524—525): «Коль преступить закон — то ради царства; / А в остальном его ты должен чтить» (Циц. Об обяз., 3, 21, 82; Свет. Бож. Юлий, 30). Еврипид, наряду с Менандром, дал немало сентенций для коллекции Цезаря.¹¹

Круг чтения Цезаря в школьные годы в общем известен. Это Гомер, Софокл, Еврипид, Менандр; из римлян — Ливий Андроник, Энний, Теренций. В книжном шкафу Цезаря, разумеется, находились сочинения греческих ораторов, подлежащих изучению всеми, кто готовился к ораторской деятельности. Произведения этих и других авторов¹² Цезарь не только хорошо знал, но и тщательно изучал; они сыграли значительную роль в формировании, с одной стороны, культуры его устной речи, писательского стиля — с другой.

Итак, Цезарь начиная с юношеских лет собирал меткие изречения. Это его увлечение ничуть не противоречило духу времени и находилось в русле культурной традиции. Дидактическая сентенциозная мудрость пользовалась спросом среди всех слоев римского населения — и среди образованной элиты, каковой был кружок Сципионов, член которого Квинт Энний составил сборник

¹⁰ По всей видимости, записи такого рода вели многие образованные римляне, чему в большой степени способствовала система школьного образования в Риме, канонизировавшая целый ряд греческих и римских авторов.

¹¹ В своде менандровских изречений к подлинным стихам Менандра примешано множество строчек Еврипида.

¹² Светоний сообщает, что незадолго до своей смерти Цезарь читал «Киропедию» греческого историка Ксенофонта (Бож. Юлий, 87). В свою памятную книжку Цезарь наверняка заносил изречения греческого философа Эпикура, самое популярное произведение которого «Главные мысли» имело форму афоризмов.

моралистических наставлений, и среди простого народа, для которого писал свои мимы, насыщая их сентенциями, бывший раб Публилий Сир.

Судя по характеру сборников подобного рода, можно предположить, что Цезарь не только делал выписки, но и заносил в свою памятную книжку собственные мысли. Некоторые высказывания Цезаря, ставшие впоследствии афористическими, приводят Плутарх, Светоний, Аппиан и другие. Среди них такие, надменные, по мнению Светония, выражения, как: «Республика — ничто, пустое имя без тела и облика», «Сулла не знал и азов политики, если отказался от диктаторской власти» (Бож. Юлий, 77). Плутарх вкладывает в уста Цезаря следующие изречения: «Почетное надо предоставлять сильнейшим, а необходимое — слабейшим»; «Я предпочел бы быть первым в галльской деревушке, чем вторым в Риме»; «Оружие и законы не уживаются друг с другом» и другие (Плут. Цез., 17; 11; 35). А фраза «Чего тебе бояться? Ты везешь Цезаря и его судьбу», которая является вольным переводом из Плутарха, сообщающего, что этими словами Цезарь ободрил кормчего, когда их, плывущих по морю, застигла буря, вошла в поговорку уже в I в. н. э.

Дион Кассий приводит следующий афоризм Цезаря: «Есть две вещи, которые утверждают, защищают и умножают власть, — войска и деньги, и друг без друга они немислимы» (Dio Cass. Hist. Rom., 42, 49). Но, пожалуй, самыми знаменитыми являются слова, которыми Цезарь сообщил в Рим о своей победе в 47 г. над царем Фарнаком: Veni, vidi, vici («Пришел, увидел, победил» — Свет. Бож. Юлий, 37; Плут. Цез., 50).¹³

Какое-то представление о содержании и характере записей, входивших в «Сборник изречений», мы можем сделать на основании дошедших до нас «Записок» Цезаря, хотя они, насколько нам известно, никогда не рассматривались как источник моралистических или философских сентенций. Все, о чем бы Цезарь ни говорил, обогащено его личным опытом. Даже такая, широко бытовавшая в латинском языке фраза, как «опыт —

¹³ Плутарх пишет: «По-латыни эти слова, имеющие одинаковые окончания, создают впечатление удивительной краткости» (Цез. 50). Флор свидетельствует, что Цезарь в связи с победой над Фарнаком говорил, что «он обезоружил врага раньше, чем обнаружил» (2, 13, 63).

лучший учитель»,¹⁴ уточненная Цезарем: «опыт в соединении с человеческой изобретательностью во всем учитель», выглядит у него по-новому (Цез. Гр. война, 2, 8, 3).

В «Записках» повсюду рассеяны упоминания о значении счастья, судьбы, случайности. Нередко они имеют афористическую форму. Вот некоторые примеры. «Счастье во всем играет большую роль, особенно же в делах войны» (Галл. война, 6, 30, 2). «Судьба, столь могущественная в человеческих делах, особенно же на войне, часто производит громадные перемены благодаря незначительным случайностям» (Гр. война, 3, 68, 1; ср. 3, 70, 1). «Часто самые ничтожные обстоятельства причиняют огромный урон» (там же, 3, 72, 4). «На войне часто незначительные обстоятельства приводят к большим переменам» (там же, 1, 21, 1).

Но Цезарь никогда не стал бы выдающимся полководцем, если бы уповал только на милость судьбы и свое везение. «Если не во всем бывает удача,— формулирует он,— то на помощь судьбе должна приходиться личная энергия» (там же, 3, 73, 4). Некоторые его мысли, выраженные в сжатой форме, имеют характер наставления: «Задача полководца — побеждать столько же умом, сколько мечом» (там же, 1, 72, 2).

Огромный жизненный опыт Цезаря-полководца отлит в чеканную форму сентенции: «Ошибаются те, которые ожидают на войне только одних успехов» (Галл. война, 7, 29, 3). «Нет такого храброго человека, которого неожиданность не смутила бы» (там же, 6, 39, 2). «Часто целые армии страдают от ошибки полководца» (Гр. война, 3, 72, 4). «Военное счастье создало полководцам расположение войска, а неудача — ненависть» (там же, 2, 31, 3). «Что мы хотим, тому охотно верим, и что думаем, то предполагаем и у других» (там же, 2, 27, 2). «Люди вообще охотно верят тому, чего они желают» (Галл. война, 3, 18, 6). «Все, что от людей далеко, сильнее действует на их душу» (там же, 7, 84, 5). «В момент величайшей опасности страх не знает сострадания» (там же, 7, 26, 4). «В делах неожиданных молва обыкновенно преувеличивает событие» (Гр. война, 3, 36,

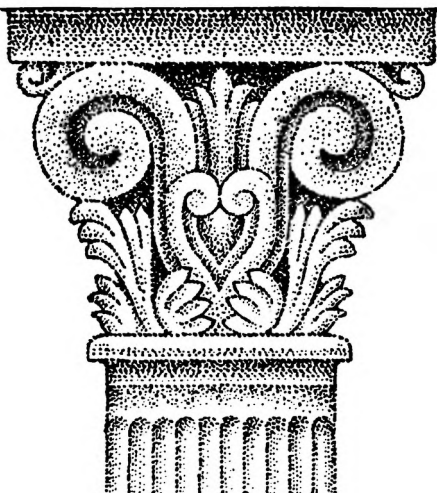
¹⁴ Это выражение встречается у Цицерона (За Раб., 4, 9), Плиния Старшего (Nat. hist., 26, 6) и Плиния Младшего (Письма, 1, 20, 12).

1). «Большая ошибка — рассчитывать на какую-либо помощь со стороны тех, которые сами отчаялись в своем спасении» (Галл. война, 5, 41, 5). «Все люди от природы стремятся к свободе и ненавидят рабство» (там же, 3, 10, 3).

В этих и других сентенциях Цезаря отразилась его неизменная вера в себя, твердость в несчастьях, прозорливость и великодушие. Сжатые выразительные формулировки, концентрирующие мысль Цезаря, делают его повествование предельно четким и энергичным. Однако в своих сентенциях он не претендует на какую-то оригинальность. Его мысли в той или иной форме встречаются и у других писателей. Тем не менее все они глубоко прочувствованы самим Цезарем и отображают его мировоззрение, его личность, способствуя созданию характерного, присущего только ему стиля.

« ЗАПИСКИ... »

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
ЗАПИСКИ О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ
Книга 6, главы 11—28*

(Сравнительная характеристика
галльских и германских нравов)

11. Нам представляется нелишним поговорить о нравах Галлии и Германии и об отличии этих народов друг от друга. В Галлии не только во всех общинах и во всех округах и других подразделениях страны, но чуть ли не в каждом доме существуют партии. Во главе этих партий стоят лица, имеющие в общественном мнении наибольший вес, на их суд и усмотрение передаются все важнейшие дела. Этот порядок установился, по-видимому, очень давно с тем, чтобы людям простым была обеспечена помощь против сильных. Ибо ни один глава партии не позволяет притеснять и обижать своих приверженцев; в противном случае он теряет у своих сторонников всякое влияние. В общем итоге это явление наблюдается во всей Галлии, ибо во всех общинах существует две партии.

12. Ко времени прибытия Цезаря в Галлию во главе одной партии стояли эдуи,¹ во главе другой — секваны.² Последние сами по себе были сравнительно слабы, так как эдуи были издавна самым влиятельным народом и от них зависело много племен. Поэтому секваны вступили в союз с германцами и привлекли их на свою сторону большими материальными жертвами и обещаниями. Но после нескольких удачных сражений и уничтожения всей знати эдуев они получили такой перевес, что перетянули на свою сторону от эдуев значительную часть зависимых племен, взяли у них в заложники детей их князей, заставили дать от лица общины клятву не принимать ничего против секванов, а также насильственно завладели частью их пограничной земли и, таким образом, приобрели себе главенство над всей Галлией. Это крайне тяжелое положение заставило Дивитиака³ отправиться в Рим и просить помощи у на-

* Печатается по кн.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей//Пер. и коммент. М. М. Покровского. М., 1962.

¹ Эдуи — народ в Кельтской Галлии, между Лигером (Луарой) и Араром (Соной).

² Секваны — одно из племен в Бельгийской Галлии, по правому берегу Родана.

³ Дивитиак — влиятельный эдуй, друг Цезаря.

шего сената. С приходом Цезаря все изменилось: были возвращены эдуям заложники, отданы назад зависимые племена, при содействии Цезаря были завязаны связи с другими племенами, так как племена, примкнувшие к эдуям, находили, что эти новые условия для них выгоднее и власть справедливее. Но и во всех других отношениях влияние и авторитет эдуев возросли, и, таким образом, секваны должны были выпустить из рук свое главенство. Их место заняли ремы,⁴ и как только обнаружилось, что они пользуются одинаковым с эдуями расположением Цезаря, их клиентами стали объявлять себя те племена, которые из-за старой неприязни никоим образом не могли вступить в союз с эдуями. Ремы опекали их с большой заботливостью и этим укрепляли свое новое, внезапно приобретенное влияние. Вообще к этому времени дело обстояло так, что наиболее влиятельными считались эдун, а второе место по своему значению занимали ремы.

13. Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатым, которые имеют над ними все права господ над рабами. Но вышеупомянутые два класса — это друиды и всадники. Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно, они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах, — решают те же друиды; они же назначают награды и наказания; и если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают

⁴ Ремы — племя белгов между реками Матрона и Аксона.

встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность. Во главе всех друидов стоит один, который пользуется среди них величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием. В определенное время года друиды собираются на заседания в освященное место в стране карнутов,⁵ которая считается центром всей Галлии. Сюда отовсюду сходятся все тяжущиеся и подчиняются их определениям и приговорам. Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею ознакомиться, отправляются туда для ее изучения.

14. Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими; они вообще свободны от военной службы и от всех других повинностей. Вследствие таких преимуществ многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники. Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок у них заведен по двум причинам: друиды не желают, чтобы их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти; да и действительно со многими людьми бывает, что они, находя себе опору в записи, с меньшей старательностью учат наизусть и запоминают прочитанное. Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость. Кроме того, они много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов.

⁵ Карнуты — галльская народность между реками Лигером (Луарой), и Секваной (Сеной).

15. Другой класс — это всадники. Они все выступают в поход, когда это необходимо и когда наступает война (а до прихода Цезаря им приходилось почти ежегодно вести или наступательные, или оборонительные войны). При этом чем кто знатнее и богаче, тем больше он держит при себе слуг и клиентов. В этом одном они видят свое влияние и могущество.

16. Все галлы чрезвычайно набожны. Поэтому люди, пораженные тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или дают обет принести человеческие жертвы; этим у них заведуют друиды. Именно галлы думают, что бессмертных богов можно умилостивить не иначе, как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческой жизни. У них заведены даже общественные жертвоприношения этого рода. Некоторые племена употребляют для этой цели огромные чучела, сделанные из прутьев, члены которых они наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени. Но, по их мнению, еще угоднее бессмертным богам принесение в жертву попавшихся в воровстве, грабеже или другом тяжелом преступлении; а когда таких людей не хватает, тогда они прибегают к принесению в жертву даже невиновных.

17. Из богов они больше всего почитают Меркурия. Он имеет больше, чем все другие боги, изображений; его считают изобретателем всех искусств; он же признается указывателем дорог и проводником в путешествиях; думают также, что он очень содействует наживе денег и торговым делам. Вслед за ним они почитают Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. Об этих божествах они имеют приблизительно такие же представления, как остальные народы: Аполлон прогоняет болезни, Минерва учит начаткам ремесл и искусств, Юпитер имеет верховную власть над небожителями, Марс руководит войной. Перед решительным сражением они обыкновенно посвящают ему будущую военную добычу, а после победы приносят в жертву все захваченное живым, остальную же добычу сносят в одно место. Во многих общинах можно видеть целые кучи подобных предметов в освященных местах, и очень редко случается, чтобы кто-либо из неуважения к этому религиозному обычаю осмелился скрыть у себя что-нибудь из добычи или унести из кучи: за это определена очень мучительная казнь.

18. Галлы все считают себя потомками отца Дита⁶ и говорят, что таково учение друидов. По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчислят так, что сперва идет ночь, за ней день. В остальных своих обычаях они отличаются от прочих народов главным образом тем, что позволяют своим детям подходить к себе при народе не раньше достижения ими совершеннолетия и воинского возраста и считают неприличным, чтобы сын в детском возрасте появлялся на публике при отце.

19. К деньгам, которые муж получает в приданое за женой, он прибавляет такую же сумму из своего имущества на основании произведенной оценки. Этому соединенному капиталу ведется общий счет, и доходы с него откладываются. Кто из супругов переживает другого, к тому переходят обе половины капитала вместе с выросшими за все время процентами. Мужья имеют над женами, как и над детьми, право жизни и смерти, и когда умирает знатный человек — глава семейства, то собираются его родственники и в случае, если его смерть возбуждает какие-либо подозрения, пытаются жен, как рабов, и уличенных казнят после всевозможных пыток, между прочим, сожжением. Похороны у галлов, сравнительно с их образом жизни, великолепны и связаны с большими расходами. Все, что, по их мнению, было мило покойнику при жизни, они бросают в огонь, даже и животных; и еще незадолго до нашего времени по соблюдении всех похоронных обрядов сжигались вместе с покойником его рабы и клиенты, если он их действительно любил.

20. В общинах наиболее благоустроенных существует строгий закон, чтобы всякий, кто узнает от соседей — будет ли это просто болтовня или определенная молва — нечто касающееся общественных интересов общин, доносил властям и не сообщал никому другому, так как опыт показал, что ложные слухи часто пугают людей безрассудных и неопытных, толкают их на необдуманные действия и заставляют принимать ответственные решения по важнейшим делам. Власти, что найдут нужным скрыть, скрывают, а то, что найдут полезным, объявляют народу, но вообще о государственных делах позволено говорить только в народном собрании.

⁶ Дит, или Плутон — римский бог подземного царства.

21. Нравы германцев во многом отличаются от галльских нравов: у них нет друидов для заведования богослужением и они мало придают значения жертвоприношениям. Они веруют только в таких богов, которых они видят и которые им явно помогают,— именно: в солнце, Вулкана и луну; об остальных богах они не знают и по слуху. Вся жизнь их проходит в охоте и в военных занятиях: они с детства приучаются к труду и к суровой жизни. Чем дольше молодые люди сохраняют целомудрие, тем больше им славы у своих: по их мнению, это увеличивает рост и укрепляет мускульную силу; знать до двадцатилетнего возраста, что такое женщина, они считают величайшим позором. Однако это и не скрывается, так как оба пола вместе купаются в реках и одеваются в шкуры или небольшие меха, которые оставляют значительную часть тела голой.

22. Земледелием они занимаются мало; их пища состоит главным образом из молока, сыра и мяса. Ни у кого из них нет определенных земельных участков и вообще земельной собственности; но власти и князья каждый год наделяют землей, насколько и где найдут нужным, роды и объединившиеся союзы родственников, а через год заставляют их переходить на другое место. Этот порядок они объясняют разными соображениями; именно, чтобы в увлечении оседлой жизнью люди не променяли интереса к войне на занятие земледелием, чтобы они не стремились к приобретению обширных имений и люди сильные не выгоняли бы слабых из их владений; чтобы люди не слишком основательно строились из боязни холодов и жары; чтобы не нарождалась у них жадность к деньгам, благодаря которой возникают партии и раздоры; наконец, это лучшее средство управлять народом путем укрепления в нем довольства, раз каждый видит, что в имущественном отношении он не уступает людям самым сильным.

23. Чем более опустошает известная община соседние земли и чем обширнее пустыни, ее окружающие, тем больше для нее славы. Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из своих земель, уходили дальше и чтобы никто не осмеливался селиться поблизости от них; вместе с тем они полагают, что они будут находиться в большей безопасности, если будут устранять повод для страха перед неожиданными набегами. Когда община ведет оборони-

тельную или наступательную войну, она выбирает для руководства ею особую власть с правом жизни и смерти. В мирное же время у них нет общей для всего племени власти, но старейшины областей и пагов⁷ творят суд среди своих и улаживают их споры. Разбои вне пределов собственной страны у них не считаются позорными, и они даже хвалят их как лучшее средство для упражнения молодежи и для устранения праздности. И когда какой-нибудь князь предлагает себя в народном собрании в вожди подобного набега и вызывает желающих за ним последовать, тогда поднимаются все, кто сочувствует предприятию и личности вождя, и при одобрениях народной массы обещают свою помощь. Но те из них, кто на самом деле не пойдет, считаются дезертирами и изменниками, и после этого им ни в чем не верят. Оскорбить гостя германцы считают грехом, и кто бы и по какому бы делу к ним не пришел, ограждают его от обид, признают его неприкосновенным, для него открыты все дома и с ним все делятся пищей.

24. Было некогда время, когда галлы превосходили храбростью германцев, сами шли на них войной и вследствие избытка населения при недостатке земли высылали свои колонии за Рейн. Таким образом самые плодородные местности в Германии около Геркинского леса⁸ (как я нахожу, он известен по слухам Эратосфену⁹ и некоторым другим греческим ученым под именем Оркинского) захватили вольки-тектосаги¹⁰ и там поселились. Народ этот до сих пор там живет и пользуется большой славой за свою справедливость и военную доблесть. Но теперь германцы продолжают пребывать в той же нужде и бедности и по-прежнему терпеливо выносят их; у них осталась такая же пища, как прежде, и такая же одежда. Что же касается галлов, то близость римских провинций и знакомство с заморскими товарами способствует развитию у них благосостояния и новых потребностей; благодаря этому они мало-помалу привыкли к тому, чтобы их побеждали, и после многих поражений даже и сами не пытаются равняться в храбрости с германцами.

⁷ Паг — округ.

⁸ Геркинский лес — этим названием обозначались покрытые лесами горы на пространстве от Шварцвальда до Карпат.

⁹ Эратосфен — греческий ученый III в. до н. э., занимался историей, математикой, астрономией и географией.

¹⁰ Вольки-тектосаги — племя в Нарбонской Галлии.

25. Упомянутый Геркинский лес тянется в ширину на девять дней пути для хорошего пешехода; иначе определить его размеры невозможно, так как германцы не знают мер протяжения. Лес этот начинается на границе гельветов, неметов и рауриков¹¹ и тянется параллельно с рекой Данувием до страны даков и анартов;¹² отсюда он забирает налево, в сторону от реки и при своем огромном протяжении проходит через земли многих народов. В этой части Германии нет человека, который мог бы сказать, что доходил до конца этого леса (хотя бы он пробыл шестьдесят дней в пути) или даже слышал бы, где этот конец находится. Как известно, в нем водится много пород животных, невиданных в других местах. Наиболее своеобразные и замечательные из них суть следующие.

26. Здесь водится бык с видом оленя; у него на лбу между ушами выдается один рог, более высокий и прямой, чем у известных нам рогатых животных. В своей верхней части он широко разветвляется наподобие ладони и ветвей. У самки такое же сложение, как у самца: ее рога имеют такую же форму и такую же величину.

27. Водятся и так называемые лоси. Строением тела и пестротой они похожи на козлов, но несколько больше их, рога у них тупые, а ноги без связок и сочленений. Поэтому они не ложатся, когда хотят спать, и раз они почему-либо упали, то уже не могут ни стать на ноги, ни даже приподняться. Логовище им заменяют деревья: они к ним прислоняются и таким образом спят, немного откинувшись назад. Как только по их следам охотники откроют их обычное убежище, то в том же месте они либо подкапывают все деревья в корне, либо надрезают их, но настолько, чтобы вообще казалось, что они крепко стоят. Как только лоси, по обыкновению, прислоняются к этим непрочным деревьям, они валят их своей тяжестью и вместе с ними падают сами.

28. Третья порода — это так называемые зубры. Они несколько меньше слонов, а по внешнему виду, цвету и строению тела похожи на быков. Они очень сильны и быстры и не щадят ни людей, ни животных, которых завидят. Германцы стараются заманивать их в ямы и там убивают. В этой трудной и своеобразной

¹¹ Гельветы — галльское племя между Женевским озером и Рейном; неметы и раурики — германские племена, жившие на берегах Рейна.

¹² Анарты — дакийское племя. Дакия соответствовала нынешним Семиградью, Молдавии и Валахии.

охоте упражняется и закаляется молодежь, и кто убьет наибольшее число зубров и публично представит в доказательство их рога, тот получает большие похвалы. Зубры, даже пойманные совсем маленькими, не привыкают к людям и не делаются ручными. По своему размеру, строению и внешнему виду их рога очень отличаются от рогов наших быков. Их¹ всячески стараются добыть, оправляют по краям серебром и употребляют вместо кубков на торжественных пирах.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
ЗАПИСКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Книга 3, главы 88—99

(Сражение при Фарсале)

88. Когда Цезарь приблизился к лагерю Помпея, то он заметил, что войско у того было построено следующим образом. На левом фланге были два легиона, переданные Цезарем в начале их раздора на основании сенатского постановления; из них один назывался 1-м, другой 3-м. В этом месте стоял сам Помпей. Центр занимал Сципион с сирийскими легионами. Киликийский легион, соединенный с испанскими когортами, которые, как мы указали, были переправлены Афранием, был помещен на правом фланге. Эти легионы Помпей считал самыми надежными во всей своей армии. Остальные он поставил между центром и флангами, доведя число когорт до ста десяти. Всего было сорок пять тысяч человек, не считая около двух тысяч добровольцев-ветеранов, собравшихся к нему из числа пользовавшихся льготами солдат его прежней армии.¹ Их он распределил по всему фронту. Остальные семь когорт частью должны были охранять лагерь, частью были распределены по ближайшим редутам. Правый фланг его был прикрыт каким-то ручьем с крутыми берегами. По этой причине он поставил всю конницу и всех стрелков и пращников на левом фланге.

89. Цезарь, согласно со своим прежним распорядком, поместил 10-й легион на правом фланге, а 9-й на левом, хотя от сражений под Диррахием он сильно поредел. К нему он присоединил 8-й, так что из двух легионов образовался как бы один, и приказал им поддерживать

¹ Эти солдаты избавлялись от обычной солдатской службы и состояли при полководце для особых услуг.

друг друга. На его фронте стояло восемьдесят когорт, в общем двадцать тысяч человек; семь когорт он оставил для охраны лагеря. На левом фланге он поручил командование Антонию, на правом — П. Сулле,² в центре — Гн. Домицию,³ а сам стал против Помпея. Вместе с тем, заметив указанную выше диспозицию неприятельских войск и боясь, как бы его правое крыло не было обойдено многочисленной конницей, он поспешно взял из третьей линии по одной когорте от легиона и образовал из них четвертую линию, которую выставил против конницы. Он дал им специальные указания и предупредил, что сегодняшняя победа зависит исключительно от храбрости этих когорт. Вместе с тем он запретил третьей линии идти в атаку помимо его специального приказа: в подходящий момент он даст сигнал знаменем.

90. Когда он, по воинскому обычаю, ободрял свое войско к сражению и ссылаясь на постоянное проявление своего расположения к нему, он особенно подчеркнул следующее: солдаты сами могут быть свидетелями, как усердно он добивался мира, какие переговоры он вел через Ватиния,⁴ какие — через Авла Клодия⁵ со Сципионом, как в сношениях с Либом⁶ под Ориком он настаивал на отправлении послов к Помпею. Он никогда не хотел бесполезно проливать кровь солдат и лишать Римское государство одного из обоих войск. После этой речи, по настойчивой просьбе солдат, горевших желанием боя, он дал сигнал трубой.

91. В войске Цезаря был доброволец-ветеран — Крестин, который в прошлом году был у него первым центурионом 10-го легиона, человек исключительной храбрости. Когда был дан сигнал, он воскликнул: «Следуйте за мной, мои бывшие товарищи по манипулу, и послужите вашему императору, как всегда служили. Остается только одно это сражение; после него он вернет себе свое положение, а мы — свою свободу». Вместе с тем, смотря на Цезаря, он сказал: «Я постараюсь сегодня, император, заслужить твою благодарность — живой или мертвый». С этими словами он первый бросился вперед

² Публий Корнелий Сулла — сын брата диктатора, легат Цезаря.

³ Гней Домиций Кальвин — цезарианец, народный трибун в 59 г., через три года претор, консул 53 г.

⁴ Публий Ватиний — легат Цезаря.

⁵ Авл Клодий — друг Цезаря.

⁶ Луций Скрибоний Либон — друг Помпея, тесть Секста Помпея.

с правого фланга, и за ним последовало около ста двадцати отборных добровольцев.

92. Между обоими войсками было ровно столько места, сколько необходимо было для взаимной атаки. Но Помпей отдал приказ ждать атаки со стороны Цезаря, не двигаясь с места, и дать его фронту растянуться. Говорили, что такой совет дал ему Г. Триарий,⁷ указавший, что первый бурный натиск неприятельской пехоты должен будет сломиться, фронт растянется, и только тогда его солдаты должны будут в сомкнутых рядах напасть на разрозненные неприятельские части. При этом он надеялся, что неприятельские копья будут причинять меньше вреда, если солдаты останутся в строю, чем если сами пойдут навстречу неприятельским залпам; а вместе с тем солдаты Цезаря от двойного пробега изнурятся до полного изнеможения. Но, по нашему мнению, Помпей поступил так без всяких разумных оснований: ведь у всех людей существует как бы врожденная возбудимость и живость, которая еще более воспламеняется от желания сразиться. Этот инстинкт полководцы должны не подавлять, но повышать. Недаром издавна установился обычай, по которому со всех сторон раздаются сигналы и все до одного поднимают крик: предполагается, что это устрашает врагов и возбуждает своих.

93. Во всяком случае, когда наши солдаты, по данному сигналу, бросились с поднятыми копьями и заметили, что помпеянцы не трогаются с места, то благодаря приобретенной в прежних сражениях опытности они задержали свой разбег и остановились приблизительно на середине, чтобы не достигнуть неприятеля в изнуренном состоянии; после небольшой передышки они снова побежали, пустили копья и, как им было приказано Цезарем, обнажили мечи. Но и за помпеянами дело не стало: они приняли на себя пущенные копья, выдержали атаку, удержались в своих рядах, со своей стороны, пустили в ход копья и схватились за мечи. В то же время всадники с левого Помпеева фланга, как им было приказано, поскакали все до одного; вместе с ними высыпала и вся масса стрелков и пращников. Наша конница не выдержала их атаки и несколько подалась; тем энергичнее стала насаждать конница Помпея и, развертываясь в эскадроны, начала обходить наш фронт с незащищенного фланга. Как только Цезарь это

⁷ Гай Валерий Триарий — легат Помпея.

заметил, он дал сигнал когортам образованной им четвертой линии. Те быстро бросились вперед сомкнутыми рядами и так бурно атаковали Помпеевых всадников, что из них никто не устоял; все они повернули и не только очистили это место, но и немедленно в поспешном бегстве устремились на очень высокие горы. С их удалением все стрелки и пращники остались беззащитными, и так как им нечем было обороняться, то они были перебиты. Не прерывая атаки, когорты обошли левое крыло и напали на помпеянцев с тылу, встречая, впрочем, с их стороны упорное и стойкое сопротивление.

94. В то же время Цезарь приказал третьей линии, которая до сих пор спокойно стояла на месте, броситься вперед. Таким образом, уставших сменили здесь свежие и неослабленные силы, в то время как другие нападали с тылу. Этой двойной атакой помпеянцы не могли уже выдержать и все без исключения обратились в бегство. Следовательно, Цезарь не ошибся, что начало победы, как и сам он заявлял при ободрении солдат, должно пойти от тех когорт, которые он поставил в четвертой линии против неприятельской конницы. Действительно, они первые разбили неприятельскую конницу, они же перебили стрелков и пращников, обошли с левого фланга Помпеев фронт и первые были причиной бегства неприятеля. Но как только Помпей увидел, что его конница разбита и та часть войска, на которую он особенно полагался, терроризована, то, не надеясь на остальных, он оставил фронт, немедленно поскакал к лагерю и тем центурионам, которые стояли на карауле у преторских ворот,⁸ громко сказал, чтобы слышно было солдатам: «Охраняйте лагерь и стойко защищайте его на случай, если положение ухудшится. Я обойду остальные ворота и буду ободрять лагерную охрану». С этими словами он удалился в свою ставку. У него не было больше никаких надежд на успех своего дела, и он только выжидал исхода сражения.

95. Загнав бегущих помпеянцев в их окопы, Цезарь решил не давать уstraшенным врагам оправиться и закричал своим солдатам, что теперь они должны воспользоваться милостью судьбы и атаковать лагерь. Хотя они были изнурены чрезвычайной жарой (сражение затянулось до полудня), но ведь они вообще охотно шли на всякое трудное дело и потому немедленно повинно-

⁸ То есть у передних ворот лагеря.

вались его приказу. Лагерь энергично защищали когорты, оставленные для его охраны, но с особенной храбростью — фракийцы и другие вспомогательные отряды из варваров. Бежавшие же с фронта солдаты были так уstraшены и изнурены, что большей частью побросали оружие и военные знамена и думали больше о дальнейшем бегстве, чем о защите лагеря. Но и те, которые стояли на валу, не могли долее вынести множества снарядов; изнемогая от ран, они должны были оставить свой пост; и тогда все под предводительством центурионов и военных трибунов тотчас же побежали на очень высокие горы, примыкавшие к лагерю.

96. В лагере Помпея можно было увидеть выстроенные беседки; на столах стояла масса серебряной посуды; пол в палатках был покрыт свежим дерном, а палатки Луция Лентула⁹ и некоторых других были даже обвиты плющом; много было и других указаний на чрезмерную роскошь и уверенность в победе. Ясно было, что люди, стремившиеся к ненужным наслаждениям, нисколько не боялись за судьбу этого дня. И такие люди упрекали в излишестве несчастное и выносливое войско Цезаря, которое всегда страдало от нужды в предметах первой необходимости! Когда наши были уже в лагере, Помпей сел на коня, снял с себя императорские отличия, бросился из лагеря задними воротами и тотчас же рысью поскакал в Ларису.¹⁰ Но и там он не стал задерживаться. Вместе с немногими друзьями, которые в бегстве присоединились к нему, и в сопровождении тридцати всадников он все с той же быстротой скакал день и ночь к морю. Здесь он сел на корабль с хлебом и, как говорили, часто при этом жаловался на то, что обманулся в своих предположениях: как раз те части, от которых он ожидал победы, обратились в бегство и предали его.

97. Овладев лагерем, Цезарь настойчиво потребовал от своих солдат не слишком увлекаться добычей и не упускать случая довершить победу. Они согласились, и он начал окружать гору со всех сторон валом. Так как на этой горе не было воды, то помпеянцы оставили эту безнадежную позицию и всей массой устремились по горным высотам к Ларисе. Когда Цезарь заметил это, то он разделил свои силы: часть легионов оставил в ла-

⁹ Луций Корнелий Лентул Крус — противник Цезаря, консул 49 года.

¹⁰ Лариса — город в Фессалии.

горе Помпея, другую отправил назад в свой лагерь, а с собой повел более удобным путем четыре легиона наперерез помпеянам. Пройдя шесть миль, он построил свое войско в боевой порядок. Тогда помпеянцы остановились на одной горе, у подножия которой текла река. Хотя солдаты Цезаря были за весь день изнурены непрерывным трудом и уже приближалась ночь, однако он, ободрив их, отрезал шанцами реку от горы, чтобы не давать помпеянам ходить за водой ночью. Когда эта работа была окончена, помпеянцы отправили послов и начали переговоры о сдаче. Несколько лиц сенаторского сословия, приставших к этому войску, спаслись ночью бегством.

98. На рассвете Цезарь приказал всем засевшим на горе спуститься на равнину и положить оружие. Они беспрекословно исполнили приказание: подняв руки и бросившись на землю, они со слезами умоляли его о пощаде. Он их успокоил, приказал подняться и, чтобы уменьшить их страх, сказал несколько слов о своей кротости, а затем помиловал их всех; при этом он рекомендовал своим солдатам никого из них не обижать и вещей у них не отбирать. Проявив такую заботливость о них, он вызвал к себе другие легионы и отправил те, которые привел с собою, назад в лагерь для отдыха. Затем он двинулся в поход и еще в тот же день достиг Ларисы.

99. В этом сражении он потерял не более двухсот солдат, но центурионов — этих героев — он лишился около тридцати. Между прочим, был убит в очень храбром бою вышеупомянутый Крастин, получивший тяжелый удар мечом в лицо. То, что он сказал перед боем, то и сделал. Цезарь был убежден, что Крастин проявил в этом сражении беспримерную храбрость, и очень высоко ценил его заслугу. Из войска Помпея пало, по-видимому, около пятнадцати тысяч человек, а сдалось более двадцати четырех тысяч (ибо даже те когорты, которые охраняли редуты, сдались Сулле), кроме того, многие спаслись бегством в соседние города. Воинских знамен Цезарю после этого сражения досталось сто восемьдесят, а орлов¹¹ девять. Л. Домиций,¹² который бежал из лагеря на гору, лишился сил и был убит нашими всадниками.

¹¹ Серебряный орел с распростертыми крыльями, прикрепленный к древку, со времен Марня служил военным значком всего легиона.

¹² Луций Домиций Агенобарб — помпеянец, консул 54 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Утченко С. Л. Древний Рим: События. Люди. Идея. М., 1969.
 Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.
 Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972.
 Adcock F. E. Caesar as a man of letters. Cambridge, 1956.
 Bagwick K. Caesars Bellum civile: Tendenz, Abfassungszeit und Stil. Berlin, 1951.
 Caesar. Wege der Forschung. Bd 43. Darmstadt, 1967.
 Garçonino J. César. Paris, 1950.
 Gelzer M. Caesar, der Politiker und Staatsmann. Wiesbaden, 1960.
 Hering W. Zur Tendenz im Bellum Gallicum//Античное общество (Труды конференции по изучению проблем античности), М., 1967.
 Lewin W. Gaius Julius Caesar: Aufstieg und Fall eines römischen Politikers. Biografie. Berlin, 1980.
 Mutschler F. H. Erzählstil und Propaganda in Caesars Kommentarien. Heidelberg, 1975.
 Oppermann H. Julius Caesar in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Rowohlt, 1968.
 Rasmussen D. Caesars Commentarii: Stil und Stilwandel am Beispiel der direkten Rede. Göttingen, 1963.
 Rambaud M. L'art de la déformation historique dans les Commentaires de César. Paris, 1953.
 Seel O. Praefatio//Caesar, C. Iulius. Bellum Gallicum. Edidit O. Seel. Leipzig, 1977.
 Wistrand E. Caesar and contemporary Roman society. Göteborg, 1978.

СОКРАЩЕНИЯ АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Ал. война — Александрийская война//Цезарь, Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей//Пер. М. М. Покровского. М., 1962.
 Апп. Гр. войны — Аппиан. Гражданские войны/Пер. с греч.: Под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935.
 Афр. война — Африканская война//Цезарь, Юлий. Записки Юлия Цезаря...
 Dio Cass. Hist. Rom. — Dio Cassius Cocceianus. Historia Romana.
 Val. Max. Dict. memor. — M. Valerius Maximus. Factorum dictorumque memorabilium libri novem.
 Велл. Пат. Рим. ист. — Веллей Патеркул. Римская история//Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула/Пер. с лат. Воронеж, 1985.
 Gell. Noct. Att. — Aulus Gellius. Noctes Atticae.
 Гирт. Галл. война. — Гиртий. Записки о галльской войне//Цезарь, Юлий. Записки Юлия Цезаря...
 Ios. Flav. Antt. Jud. — Iosiphus Flavius. Antiquitates Judaicae.
 Quint. Inct. — M. Fabius Quintilianus. De institutione oratoria.
 Macrob. Sat. — Macrobius. Saturnalia.
 Plin. Nat. hist. — Plinius Secundus. Naturalis historia.
 Плут. Алекс. — Плутарх. Александр//Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В. 3 т./Изд. подгот. С. П. Маркиш, С. И. Соболевский, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961—1964.

- Плут. Ант.— Плутарх. Антоний//Там же. Т. 3. М., 1964.
- Плут. Брут.— Плутарх. Брут//Там же. Т. 3.
- Плут. Катон.— Плутарх. Катон//Там же. Т. 3.
- Плут Кат. Старш.— Плутарх. Катон Старший//Там же. Т. 3.
- Плут. Мар.— Плутарх. Марий//Там же. Т. 2.
- Плут Помп.— Плутарх. Помпей//Там же. Т. 2.
- Плут. Сул.— Плутарх. Сулла//Там же. Т. 2.
- Плут Цез.— Плутарх. Цезарь//Там же. Т. 2.
- Плут. Циц.— Плутарх. Цицерон//Там же. Т. 3.
- Салл. Инвект.— Саллюстий. Инвектива против Марка Туллия Цицерона//Саллюстий Крисп, Гай. Сочинения//Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1981.
- Салл. Кат. — Саллюстий. Заговор Катилины//Там же.
- Свет. Бож. Юлий.— Светоний. Божественный Юлий//Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати цезарей/Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман. М., 1966.
- Свет. О грамм.— Светоний. О грамматиках//Там же.
- Свет. Тер.— Светоний. Теренций//Там же.
- Сен. К Луц.— Сенека. Нравственные письма к Луцилию//Плиний Младший. Нравственные письма к Луцилию/Пер. с лат. М., 1977.
- Тац. Анн.— Тацит. Анналы//Тацит Корнелий. Сочинения: В 2 т. Пер. с лат. Изд. подгот. А. С. Бобович, Г. С. Кнабе, И. М. Тронский и др. Т. 1. Л., 1969.
- Тац. Диал.— Тацит. Диалог об ораторах//Там же.
- Флор.— Флор. Эпитомы Ливия//Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Луций Анней Флор — историк Древнего Рима/Пер. с лат. Воронеж, 1977.
- Цез. Галл. война.— Цезарь. Записки о галльской войне//Цезарь, Юлий. Записки Юлия Цезаря...
- Цез. Гр. война.— Цезарь. Записки о гражданской войне//Там же.
- Циц. Брут.— Цицерон. Брут//Три трактата об ораторском искусстве/Пер. с лат. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова. М., 1972.
- Циц. Кат.— Цицерон. Речи против Луция Сергия Катилины//Цицерон, Марк Туллий. Речи: В 2 т/Изд. подгот. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. Т. 1. М., 1962.
- Циц. За Лиг.— Цицерон. Речь в защиту Квинта Лигария//Там же. Т. 2.
- Циц. За Марц.— Цицерон. Речь по поводу возвращения Марка Клавдия Марцелла//Там же.
- Циц. За Раб.— Цицерон. Речь в защиту Гая Рабририя//Там же. Т. 1.
- Циц. За Цел.— Цицерон. Речь в защиту Марка Целия Руфа//Там же. Т. 2.
- Циц. К Атт.— Цицерон. Письма к Аттику//Цицерон, Марк Туллий. Письма/Пер. с лат. В. О. Горенштейна. В 3 т. Т. 3. М., 1951.
- Циц. К близким.— Цицерон. Письма к близким//Там же.
- Циц. Об обяз.— Цицерон. Об обязанностях//Три трактата об ораторском искусстве.
- Циц. Об ор.— Цицерон. Об ораторе//Там же.
- Циц. О зак.— Цицерон. О законах//Там же.
- Циц. О конс. пров.— Цицерон. Речь о консульских провинциях//Речи. Т. 2.
- Циц. Фил.— Цицерон. Филиппики против Марка Антония//Там же.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

- Абидос — город в Египте 102
 Аварик — город в Центральной Галлии 68, 70, 158
 Август Октавиан — римский император 115, 175
 Авертин — холм в Риме 42, 170
 Аврелия — мать Цезаря 12, 13, 45, 48, 78
 Аврункулей Котта, Луций 67, 70
 Адриатическое море 123
 Азиний Поллион, Гай 122, 151, 152, 165
 Азия 13, 24, 30, 41, 77, 94, 161, 174
 Академия 23
 Аквилея — город в Галлии 62
 Акрокеравний — мыс в Эпире 87
 Алезия — город в Галлии 68, 69, 158
 Александр Македонский, или Великий 36, 96, 124
 Александрия — столица Египта 95—98, 100—102, 104, 106, 116, 126
 Альпы — горная цепь 62, 72, 82
 Амбиориг — галльский вождь 67, 68
 Аммоний 124, 125
 Амон — верховный бог Египта 103
 Анк Марций — легендарный четвертый римский царь 12
 Антистий — врач Цезаря 135
 Антоний, Гай — консул 63 года до н. э., дядя триумвира 46
 Антоний Гнифон, Марк 13, 144
 Антоний, Марк — знаменитый оратор 14
 Антоний, Марк — консул 44 года до н. э., член второго триумvirата 60, 81, 88, 89, 106, 107, 125, 133
 Апеннины — горная цепь в Италии 123
 Апис — священный бык в древнем Египте 102
 Аполлодор Сицилийский — друг Клеопатры 97
 Аполлоний Молон — ритор 30
 Аполлония — город в Иллирии 88
 Аппиан — греческий историк 58, 69, 79, 88—90, 111, 116, 117, 123, 132, 136, 172, 178
 Апис — река в Иллирии 88
 Аримин — город в северной Италии 83, 166
 Ариовист 75
 Аристотель — греческий философ 23
 Армения — государство 104
 Арсиноя — сестра Клеопатры 99, 102, 113
 Артемидор 135
 Асканий-Юл — сын троянского героя Энея 11, 129
 Атий Вар, Квинт 116, 117
 Афины — главный город в Аттике 23
 Афраний, Луций 86, 107, 110
 Африка 15, 39, 46, 102, 107, 108, 111—114, 121, 161, 162
 Афродита — греческая богиня 103
 Ахилла — египетский полководец 94—96, 99

¹ В указатель вошли только те имена и названия, которые употреблялись в античную эпоху.

- Балеарские острова — острова на Средиземном море 61
Бибакул, Марк Фурий 75
Бибракте — город в Галлии 63
Бибул, Марк Кальпурний 41, 52, 53, 87, 88
Боспор — царство 104, 105
Британия 66, 67, 72, 75, 76, 78, 80, 157
Брундизий — город в южной Италии 52, 84, 85, 88, 162
Брут Альбин, Децим Юний 60, 64, 86, 130, 134
Брут, Луций Юний — первый консул Рима 131
Брут, Марк Юний 57, 127, 130, 131, 135
- Валерий Проб, Марк — римский грамматик 172
Вар Аттий 116, 117
Варрон Атацинский, Публий Теренций 75
Варрон Реатинский, Марк Теренций 122
Витаканские холмы 123
Ватиний, Публий — народный трибун 55
Велабр — район Рима 112, 113, 134
Веллей Патеркул — римский историк 31, 127, 129
Венера — римская богиня 11, 19, 71, 92, 106, 115, 116, 128, 129
Верцингеториг — знатный галл 68, 69, 113
Веста — римская богиня 19, 20
Ветер, Гай Антистий 35
Виминал — холм в Риме 37
Вифиния — азиатское царство, впоследствии римская провинция 24, 25, 104
Вулкан — римский бог 170
- Габиний, Авл — народный трибун 40
Гадес — город в Испании 36
Галлия — западная часть Европы 25, 56—59, 61—64, 67, 69, 71, 72, 74—79, 81, 88, 106, 107, 112, 113, 130, 139, 151, 153—156, 158, 159, 166
Галлия Бельгийская 156
Галлия Заальпийская 55, 60, 68
Галлия Нарбонская, или Провинция 17, 55, 60, 62
Галлия Предальпийская 17, 55, 60, 72, 81, 82
Гальба, Сервий Сульпиций 60, 130
Ганимед — воспитатель Арсинон 99, 100, 113
Геллий Авл — автор «Аттических ночей» 171, 172
Генава — город в Галлии 62
Герговия — город в Галлии 68
Геркинский лес 72, 157
Геркулес (Геракл) — сын Юпитера (Зевса) 14, 36, 170, 175
Германик, Юлий Цезарь — знаменитый полководец 159
Гиртий, Авл 66, 148, 149, 151—153, 156, 161
Гомер — древнегреческий поэт 13, 177
Гораций Флакк, Квинт 173
Гортензий Гортал, Квинт 14, 27
Гракхи, Тиберий Семпроний и Гай Семпроний 13
Греция 17, 77, 85, 87, 93, 94, 115, 121, 123, 140, 162, 170
- Дакция — область к северу от Дуная 123
Делос — остров на Эгейском море 39
Дидона — легендарная основательница Карфагена 12

Дион Кассий — историк 71, 96, 98, 122, 126, 161, 178

Диррахий — город в Иллирии 88, 89, 93, 106, 162

Добрая богиня 48

Долабелла, Гней Корнелий 27, 171

Долабелла, Публий Корнелий 107

Домиций Кальвин, Гней 103, 104

Евноя — мавританская царица 113

Еврипид — греческий поэт-трагик 13, 177

Евфрат — река в Месопотамии 52, 101, 123

Египет 44, 57, 93, 94, 96, 98, 101—104, 112, 115, 122, 161, 162, 174

Зама — город в Нумидии 110

Зела — город Понта 104

Ибер — река в Испании 86

Иерусалим — город Палестины 101

Илерда — город в Испании 86

Илион (Троя) — город в Малой Азии 11, 94, 126

Иллирия, или Иллирик — страна на восточном побережье Адриатического моря 55, 102

Индия 124

Исида — египетская богиня 103

Италия 12, 16, 25, 31, 35, 36, 43, 46, 55, 58, 60, 62, 68, 72, 74, 77, 78, 81—84, 86, 87, 91, 102, 103, 114, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 128, 132, 153, 162 — 164, 170

Итий — портовый город в Галлии 66

Испания 17, 33, 35—37, 39, 50, 51, 61, 77, 78, 84—86, 91, 93, 102, 103, 107, 110, 116—118, 121, 124, 161, 162, 173

Как — великан, сын Вулкана 170

Калигула (Гай Цезарь) — римский император 123

Кальпурния — дочь Луция Пизона, третья жена Цезаря 55, 115, 133, 134

Камилл, Марк Фурий 17

Кампания — область в средней Италии 17, 84, 107

Кантий — область в Британии 156

Капитолий — холм в Риме 20, 37, 44, 112, 113, 125, 134

Капуя — главный город в Кампании 82

Карфаген — город в Африке 12, 108, 111, 121

Каска, Публий Сервилий 135

Кассий Дион см. Дион Кассий

Кассий Лонгин, Гай 130, 131, 135

Кассий Лонгин, Квинт 81

Кастор и Поллукс — братья-близнецы, Диоскуры 20, 41

Катилина, Луций Сергий 44, 46, 47, 49, 55, 57

Катон Утический (Младший), Марк Порций 47, 49, 50, 53, 57, 64, 65, 76, 80, 85, 108, 110, 111, 120, 124, 130, 131, 154, 163, 171, 173, 174

Катон Цензор (Старший), Марк Порций 110, 147, 175, 176

Катул, Квинт Лутаций 38, 44, 45

Катулл, Гай Валерий 76, 140

Квинтилиан, Марк Фабий 149, 170, 172

Киликия — область в Малой Азии 30, 99

Кипр — остров на Средиземном море 94, 101

Клавдий Слепой, Аппий 175

- Клавдий (Клавдий Друз Нерон Германик, Тиберий) — римский император 123
- Клеопатра — египетская царица 57, 94, 96, 97—99, 102, 103, 113—116, 124, 125
- Клодий Пульхр, Публий 48, 49, 54, 55, 79, 94, 154, 159
- Коринф — город в Греции 121
- Коркира — остров на Ионийском море 87
- Корнелий Бальб, Луций 128, 172
- Корнелий Непот — римский историк 175
- Корнелий, Фагита — центурион Суллы 24
- Корнелий Эпикад — вольноотпущенник Суллы 141
- Корнелия — мать Тиберия и Гая Гракхов 13
- Корнелия — дочь Цинны, первая жена Цезаря 23, 34, 35, 171
- Корнелия — жена Помпея 80, 94, 95
- Корсика — остров на Средиземном море 17
- Корфиний — город в Италии 164
- Коссунция — невеста Цезаря 23
- Котта, Гай Аврелий 27
- Котта, Луций Аврелий 33
- Котта, Марк Аврелий 30, 31
- Красс, Луций Лициний — крупнейший оратор 14
- Красс, Марк Лициний — член первого триумvirата 32, 33, 38, 41, 43—46, 50—52, 56, 57, 77—79, 124, 159
- Красс, Публий Лициний — сын триумvира 60, 80
- Критогнат 158
- Ксенофонт — греческий историк 177
- Курнон (Младший), Гай Скрибоний 77, 85, 108, 154, 162
- Лабнен, Тит Атий 45, 60, 62, 84, 88, 107, 109, 116, 117, 152**
- Лавиканское поместье — поместье Цезаря 117
- Лаций — область Италии с центральным городом Римом 117, 123
- Лентул Крус, Луций Корнелий 163, 165
- Лепид, Марк Эмилий — член второго триумvirата 116, 133
- Лепид, Марк Эмилий — отец триумvира 39
- Лесбос — остров на Эгейском море 25, 94
- Ливий Андроник, Луций 14, 177
- Ликей (Лицей) 23
- Ликия — область в Малой Азии 40
- Лилибей — город в Сицилии 108
- Лициний Кальв, Гай 76
- Лука — город в северной Этрурии 77
- Лукиан — греческий писатель 147
- Лукреций Кар, Тит 140
- Лукулл, Луций Лициний 30, 31, 36, 39, 174
- Лукей, Луций 147, 148
- Луцилий, Гай — римский поэт-сатирик 173
- Мавритания — область в Африке 108**
- Майя — богиня 127
- Македония — страна к северу от Греции 17, 23, 27, 90, 132
- Марий, Гай 14, 15—18, 22—24, 31, 34, 37, 39, 45, 59
- Марс — бог войны 122, 127
- Марсово поле 16, 39, 107, 112, 114, 122, 123, 134
- Марция — жена Катона Утического 174
- Массилия — город в Провинции 74, 86, 162

- Меднолан — город в северной Италии 71
 Меммий, Гай 76
 Мемфис — город в Египте 102
 Менаандр — греческий комедиограф 14, 176, 177
 Мессана — город в Сицилии 94
 Метелл Пий, Квинт — верховный понтифик 44
 Милет — город в Малой Азии 27, 28
 Милон, Тит Анний 79
 Митилены — город на острове Лесбосе 24, 25, 94
 Митридат Евпатор — понтийский царь 17, 22—24, 30, 36, 39, 40, 41, 43, 101, 104
 Митридат Пергамский 101, 105
 Моса — река в Галлии 72, 156
 Мунда — город в Испании 116, 118, 173
 Муция — жена Помпея Великого 57
- Нарбон — город в Провинции 68
 Нерон (Клавдий Нерон Тиберий) — римский император 123
 Нигидий Фигул, Публий 147
 Никомед IV — царь Вифинии 24, 25, 75
 Никополь — город в Армении 104
 Нил — река, протекающая через Египет 99, 102, 115
 Нума Помпилий — второй римский царь 19, 20
 Нумидия — страна в северной Африке 108, 110, 111, 112, 114
- Октавиан см. Август
 Опций, Гай 71, 72, 139, 172
 Орик — город в Эпире 87, 88
 Осирис — египетский бог 103
 Остия — город в устье Тибра, морской порт Рима 20, 40, 123
- Палатин — холм в Риме 20, 42, 55, 112, 114, 118, 170
 Папирий Пет, Луций 175
 Парфия — государство 123, 124, 132
 Пелусий — город в Египте 94, 99
 Пергам — город в Малой Азии 101
 Петрей, Марк 86
 Пизон Кальпурниан, Марк Пуций 25
 Пизон Цезонин, Луций Кальпурний 55
 Пизы — город в северной Этрурии 13
 Пирснейский полуостров (Пиренеи) 85, 86
 Пицен — область в средней Италии 83, 161, 164
 Плавт, Тит Макций 175
 Плавтий — трибун 33
 Платон — греческий философ 23, 111, 130
 Плиний Секунд (Старший), Гай 122, 139, 161, 179
 Плиний Цецилий Секунд (Младший), Гай 179
 Плутарх — греческий историк 8, 16, 22, 25, 28, 30, 36, 37, 40, 43, 45, 49, 52, 57, 69, 70, 71—73, 77, 83, 84, 88—91, 98, 109—111, 114, 116—118, 123, 124, 127—129, 131, 135, 139, 172—174, 176, 178
 Помпей (Великий), Гней 33, 38—41, 43, 45, 49, 54, 56, 57, 69, 77, 79—81, 83—95, 96—101, 104, 106—108, 110, 111, 115, 117, 118, 122, 128, 130, 133, 134, 135, 140, 159, 162—164, 166, 174
 Помпей, Гней — сын Помпея Великого 116, 117

- Помпей Секст — сын Помпея Великого 94, 116, 117
 Помпея — внучка Суллы, вторая жена Цезаря 37, 48, 49
 Помпоний Аттик, Тит 124, 172, 175
 Помптинские болота 123
 Понт (Понтийское царство) — область в Малой Азии у берегов Черного моря 39, 41, 104, 105
 Понтий Аквила, Луций 128
 Потин — египетский сановник 96, 97, 99
 Провинция см. Галлия Нарбонская
 Птах — египетское божество 102
 Птолемей I (Сотер) 96
 Птолемей XIII 96, 97, 100, 101
 Птолемей XIV 102
 Публилий Сир — римский мимнограф 176, 178
- Равенна** — город в Предальпийской Галлии 81, 82
 Рейн — река 64, 65, 72, 73, 115
 Родан — река в Галлии 62
 Родос — остров на Средиземном море 30, 94, 99
 Ромул — легендарный основатель Рима и его первый царь 17, 19
 Рубикон — река в северной Италии 82, 84, 161, 162, 166, 176
- Саллюстий Крисп, Гай** 25, 110, 112, 132, 141, 171, 175
 Самос — остров на Эгейском море 39
 Сатурн — древнеиталийский бог 20
 Светоний Транквилл, Гай 11—13, 27, 36, 44, 45, 53, 56, 70, 71, 73, 80, 81, 85, 86, 88, 89, 100, 107—109, 113, 115, 118, 120, 122, 125, 128, 129, 132, 135, 148, 151, 152—154, 161, 170, 172, 174, 176, 177, 178
 Сенска (Младший), Луций Анней 145
 Сервилий Ватий Исаврик, Публий 44
 Сервилия — сводная сестра Катона Утического, мать Марка Брута 57, 130.
 Серторий, Квинт 39
 Сет — египетский бог 103
 Сирия — страна в Малой Азии 91, 96, 99, 104
 Сицилия — остров на Средиземном море 17, 39, 40, 85, 94, 108, 173
 Сосиген — александрийский ученый 122
 Софокл — греческий поэт-трагик 13, 14, 177
 Спартак — вождь восстания рабов 33
 Спуринна — гадатель 133, 134
 Средиземное море 40, 61
 Субура — улица Рима 37, 45
 Сулла, Луций Корнелий 17, 19, 22, 27, 31, 33—35, 37—39, 45, 83, 121, 128, 140—142, 147, 178
 Сцева, Кассий — центурион Цезаря 89
 Сцилла и Харибда 11
 Сципионы — прославленный римский род 177
 Сципион, Квинт Метелл 80, 91, 108—110
- Тапс** — город в Африке 109
 Тарквиний Гордый — седьмой и последний царь римлян 131
 Тарквиний Древний — легендарный пятый римский царь 42
 Таррацина — город в Италии 123
 Тацит, Корнелий — римский историк 13, 76, 159, 171

Теодот — наставник Птолемея XIII 97
Теренций Афр, Публий 14, 174, 176, 177
Терм, Квинт Минуций 24
Тертулла — жена Красса-триумвира 57
Теутомат — царь одного из галльских племен 160
Тибр — река в Италии 114, 115, 123, 124
Тиллий Кимвр, Луций 135
Титурий Сабин, Квинт 67, 70
Торкват, Луций Манлий 87
Требоний, Гай 86, 130, 162, 175
Троя см. Илион
Туллианум 47
Турн — легендарный царь рутулов 12

Укселлодун — город в Галлии 66
Утика — город в северной Африке 111, 173

Фабий, Гай 152
Фанний, Гай 85
Фармакусса — остров у берега Малой Азии 27
Фарнак — понтийский царь 104, 105, 114, 178
Фарос — остров у берегов Египта 100
Фарсал — город в Фессалии 91, 94, 106, 115, 130, 162
Фаюм 102
Фессалия — область в северо-восточной Греции 90, 91
Фивы — город в Египте 103
Флор, Луций Анней — римский историк 100, 105, 106, 117, 178
Фонтей — римский плебей 54
Фортуна — римская богиня 106, 117
Форум — центральная площадь в Риме 20--21, 41, 53, 79, 110, 112, 134
Фуцинское озеро 123

Хатхор — египетская богиня 103

Цезарион — сын Цезаря от Клеопатры 115
Цецилий Метелл Непот, Квинт 49, 50
Цинна, Луций Корнелий — тесть Цезаря 23
Цинна, Луций Корнелий — сын предыдущего, шурин Цезаря 23, 34
Цирцеи — город в Италии 13
Цицерон, Квинт Туллий — брат оратора 60, 67, 152
Цицерон, Марк Туллий — знаменитый оратор 6, 25, 30, 33, 46, 47—49, 54—56, 58, 73, 75, 76, 79, 115, 124, 125, 128, 130, 132, 145, 147—149, 152—154, 162, 166, 171—173, 175—177, 179

Эдип — герой греческих мифов 14, 170, 175
Эней — легендарный родоначальник римского народа и рода Юлиев 11, 12, 17, 32, 94
Энний, Квинт — римский поэт 14, 175, 177
Эпикур — греческий философ 177
Эпир — область в северной Греции 87, 88
Эратосфен — александрийский поэт и ученый 157
Этрурия — область в Италии 46, 47, 77
Эсквилин — холм в Риме 37

Эсхил — древнегреческий поэт-трагик 13

Эфиопия — страна в Африке 103

Юба I — нумидийский царь 108, 109, 110, 114

Юба II — сын предыдущего 114

Югурта — нумидийский царь 15, 22

Юлии — старинный римской род 11, 12, 15, 129

Юлия — тетка Цезаря, жена Гая Мария 12, 14—16, 34, 171

Юлия — младшая сестра Цезаря 49

Юлия — дочь Цезаря, жена Помпея Великого 23, 54, 78, 79

Юнона — римская богиня 127

Юпитер — верховное божество римлян 19, 20, 23, 112, 113, 125, 134

Янус — древнеиталийское божество 127

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Аналогисты 144
Анналистика 141
Античная книга 139
Апофегмы 175
Аттикисты 168, 171
- Базилика 20
- Варвары 51
Весталки 19
Всадники 18
- Гладиаторы 42, 43
- Денарий 23, 59, 61
Друиды 157
- Иды 132
Император 51
- Календарь 121, 122, 132
Квестор 22, 35
Клиенты 18
Когорта 59
Комнщиц 30
Консулат 34
Курия 80, 133
- Лагерь 67
Легат 60
Легион 59
Легионер 59
Ликторы 39
Луперкалии 125
- Манипул 59
Миля римская 104
Модий 23
- Начальник конницы 44
Нобилитет 31
«Новый человек» 15
- Оптиматы 52
- Патриции 18
Понтифики 19, 20
Популяры 18
Претекста 20
Претор 12
Пролетарии 16
Пропретор 12
Проскрипции 22
Публиканы 119
- Регия 20
Ростры 21
- Сенат 121
Сестерций 41
Стиль (орудие для письма) 135
- Талант 23
Тога 20
Триба 45
Трибун военный 30
Трибун народный (плебейский)
33, 54
Триумф 15, 25
Тунника 26
- Фасции 39
Фламины 19
- «Царь священнодействий» 19
Цензура 34
Центурион 21, 61
Центурия 59
- Эдил курульный 37
Эдил плебейский 37
Эдилитет 34

¹ Указываются лишь те страницы, где дано определение или разъяснение понятия.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вместо предисловия	5
От автора	6
Часть первая. ЖИЗНЬ	9
Глава первая. Юность Цезаря	11
Глава вторая. Дорогой почестей	30
Глава третья. Галльская кампания ✓	58
Глава четвертая. Жребий брошен	79
Глава пятая. Египетская авантюра	96
Глава шестая. Конец войне	106
Глава седьмая. Замыслы, планы, начинания	118
Глава восьмая. Роковые иды марта	127
Часть вторая. КНИГИ	137
Глава девятая. Жанр «Записок»	139
Глава десятая. «Записки о галльской войне»	151
Глава одиннадцатая. «Записки о гражданской войне»	162
Глава двенадцатая. Утраченные сочинения	170
 «Записки...»	 181
Юлий Цезарь. Записки о галльской войне (отрывок)	183
Юлий Цезарь. Записки о гражданской войне (отрывок)	191
Литература	197
Сокращения античных источников	—
Указатель имен и географических названий	199
Предметный указатель	207

Научное издание
Дуров Валерий Семенович

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ:

человек и писатель

Редактор *В. С. Кизило*
Художественный редактор *В. В. Пожидаев*
Обложка художника *Ю. Г. Смирнова*
Технический редактор *Л. А. Топорина*
Корректоры *Н. М. Каплинская, А. С. Качинская*

ИБ № 3585

Сдано в набор 30.07.90. Подписано в печать 11.12.90. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,13. Уч.-изд. л. 11,06. Тираж 50 000 экз. Цена 2 р. 50 к. Заказ № 2613. Издательство ЛГУ 199034, Ленинград, Университетская наб. 7/9.

Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Алохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 185630, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

2 р. 50 к.

2 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА